

**Национальная комиссия по государственному языку
и языковой политике при Президенте
Кыргызской Республики**

БОЛОТ ЮНУСАЛИЕВ

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ГЛАГОЛЫ
В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Бишкек – 2022

УДК 811.512
ББК 81.632.5
Ю 56

Книга издана по реализации программы развития государственного языка и совершенствования языковой политики в Кыргызской Республике на 2021-2025 годы

Редактор:

И. Абдувалиев	Ж. Орозобекова
А. Ишеналиева	С. Рысбаев
Т. Садыков	А. Эгембердиева

Юнусалиев Б.

Ю 56 Вспомогательные глаголы в киргизском языке.
– Б.: “Кут-Бер”, 2022. – 152 с.

ISBN 978-9967-14-165-0

Проблема вспомогательных глаголов, с помощью которых образуются аналитические конструкции является одной из самых актуальных проблем тюркского языкознания и требует всестороннего изучения. Данная проблема тесно связана, с одной стороны, со словообразованием, с другой – способом протекания глагольного действия, т.е. выражением категории грамматического вида. Настоящая работа представляет фундаментальное исследование указанной проблемы, охватывающей функционирование вспомогательных глаголов на уровне аналитической конструкции.

УДК 811.512
ББК 81.632.5

ISBN 978-9967-14-165-0

© Б. Юнусалиев, 2022
© Национальная комиссия по государственному языку и языковой политике при Президенте Кыргызской Республики, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие от подготовителей издания.....	4
Введение	8
Глава I. Общие замечания о глаголах.....	21
1. О полисемантизме глагольных основ	21
2. Различение глагольных основ от именных	27
3. Типы глагольных основ.....	31
4. О деепричастиях.....	34
5. О причастиях	37
6. Категория времени	40
7. Наклонение	44
8. Залог	46
9. Виды.....	48
Глава II. Вспомогательный глагол – служебный компонент составного сказуемого	51
1. Составное именное сказуемое и его составной компонент	51
2. Составное именное сказуемое и сложный глагол.....	63
Глава III. Формы и значения двукомпонентных сочетаний.....	80
Заключение	146

Предисловие от подготовителей издания

Как нам представляется, интерес к общетюркологическим, особенно лингвистическим и манасоведческим трудам академика Болота Мураталиевича Юнусалиева (Жунушалиева) растет в последнее время не только в Кыргызстане, но и почти во всех тюркоязычных регионах и тюркологических центрах. Объясняется это тем, что Б.М.Юнусалиев в начале 50-х годов XX века практически одним из первых выдвинул, исследовал ряд научно-теоретических вопросов грамматического строя языка (именно научно-теоретических, а не описательно-нормативных), его истории и диалектологии, ставших актуальными в последующем не только для кыргызского языкознания, но и для общей тюркологической и монголоведческой науки в целом. Можно сказать, что общепризнаны его идеи об аналитических формах глагола, образованных путем сочетания основного глагола в одной из функциональных (или неличных) форм со вспомогательными глаголами, которые придают этому сочетанию различные видовые, залоговые, модальные и временные оттенки, окраски процесса протекания действия, которым нет точных соответствий в других типологически разнотипных языках, в частности в русском. Эти идеи были высказаны и по мере возможности разработаны в его кандидатской диссертации на тему «Вспомогательные глаголы в киргизском языке», которая была защищена еще в 1949 году вскоре после окончания Великой Отечественной войны. В это время мало кто из представителей лингвистов общего и русского языкознания, не говоря о тюркологах и монголоведах, уделял внимание этой очень сложной в теоретическом плане проблеме грамматического строя языка вообще. Данная проблема была одной из самой трудной в грамматической системе и актуальной в теоретическом плане языка. Она тесно связана, прежде всего, с «морфологизованностью» грамматического строя природы самого языка, поскольку в нем сплетаются, перекрещиваются и взаимодействуют лексические и грамматические аспекты, превращая слово в грамматикализованный элемент. Наиболее

развернутому изложению своих взглядов по этим абсолютно не разработанным вопросам – категории «вспомогательности» и «аналитичности» структур и посвящена указанная диссертационная работа Б.М.Юнусалиева.

Мы должны особо отметить, что данная работа выдающегося представителя старшего поколения советских и кыргызских ученых Б.М.Юнусалиева находится наравне с трудами таких ученых-тюркологов как А.Н.Кононова, Н.К.Дмитриева, Б.А.Серебренникова, Н.А.Баскакова, Э.В.Севортян и др. и дала в дальнейшем толчок в разработке указанных проблем в общетюркологической науке.

Но, к великому сожалению, его оригинальное теоретическое исследование того времени не было издано отдельной книгой, и ввиду этого (диссертация как рукописный вариант бывает лишь в трех-четыре экземплярах) оно оставалось вне поля зрения исследователей и до сих пор не была предпринята попытка издать его отдельной научной монографией. Вызывает удивление и тот факт, что среди кыргызских лингвистов, особенно тех, кто считает себя его учениками, хотя мы, все лингвисты-кыргызоведы, в достижении определённого успеха обязаны его таланту, уму, способности как великого ученого, патриота кыргызской филологической науки, положившего начало изучению истории кыргызского языка в неразрывной связи с историей его создателя и носителя – народа, не нашелся никто, кто бы поставил вопрос о том, почему его оригинальный труд не доходит до исследователей, почему его не издаем в Кыргызстане, почему не развиваем и не продолжаем научные идеи его фундаментального исследования... Как нам объяснили нет в Кыргызстане его вышеуказанной работы. И наше старание найти рукопись диссертации Б.М.Юнусалиева в Кыргызстане не дали положительного результата. Однако, оказывается, слова «кто ищет, тот и найдет», – верно сказаны. Наконец-то рукопись его оригинального труда в виде кандидатской диссертации нашлась в Подмоскowie – в диссертационном зале Российской Государственной библиотеки в Химках, где хранятся диссертационные работы из бывшего СССР и с помощью хороших людей (наших кыргызских коллег-лингвистов в лице Жанны

Сабаевой) получили бумажную копию диссертации. Теперь есть возможность указанный труд Б.М.Юнусалиева издать в виде научной монографии, приурочив это издание к 110-летию юбилею академика Б.М.Юнусалиева, который будет отмечаться в октябре 2023 года.

Да, Болот Мураталиевич Юнусалиев! Имя этого человека с большой буквы вошло в историю культуры, науку как ученого, государственного и общественного деятеля. Оно известно всем языковедам, манасоведам, историкам и представителям образования. После окончания Ташкентского политехнического техникума в 1931-1933 гг. он учился в Московском педагогическом институте им.В.И.Ленина, в 1935-1938 гг. в Высшей партшколе при ЦК ВКП(б) в Москве, работал редактором кыргызского издания ведомости Верховного Совета СССР в 1938-1941 гг. и в эти же годы был аспирантом института Языкознания СССР.

1941-45 гг. был на фронте и работал военным корреспондентом фронтовой газеты «Красноармейская правда» и заместителем редактора одновременно.

После демобилизации работал министром народного просвещения в 1945-51 гг., был ректором Кыргызского государственного университета (ныне Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына) в 1954-1960 гг.

Он, как никто глубоко знал историю кыргызского народа и историю кыргызского языка, современное его состояние, функционирования, использования в разных сферах общественной жизни, в разных жанрах, стилях. Он глубоко изучал историческую лексикологию, фонетические и грамматические процессы, заложил основы исторической грамматики, исследовал развитие корневых морфем кыргызского языка, прослеживая основные закономерности и взаимные связи в изменении и развитии рассматриваемых явлений выходом на общетюркские основы. Научные заслуги Б.М.Юнусалиева были особо отмечены такими выдающимися учеными-тюркологами, монголоведами с мировыми именами как Н.К.Дмитриев, Т.А. Бертагаев, В.В.Решетов, А.К.Боровков и др.

Ученый-лингвист по тюркским языкам Н.А.Баскаков, на котором по справедливому признанию западных тюркологов

«держится советская тюркология в целом» (Герхард Дёрфер, Западная Германия) оценивает заслуги Б.М.Юнусалиева перед общей тюркологией следующим образом: «Исследование Б.М.Юнусалиева по развитию корневой морфемы является настольной книгой для тюркологов». Такую же оценку дали ученые-тюркологи по отношению его исследования по категории «вспомогательность» и «аналитичность» и развивает его идеи такие маститые московские ученые-тюркологи, как А.А.Юлдашев, Н.З.Гаджиева, не говоря уже об ученых-тюркологах национальных республик.

То, что данная работа Б.М.Юнусалиева издается впервые, мы подготовители, считаем нужным обратить внимание читателей на некоторые технические моменты:

– мы работали с 4-экземпляром рукописи, текст которой был напечатан на печатной машинке через копировальную бумагу и где некоторые слова, предложения очень плохо читаются;

– в ней обнаруживается ряд ошибок орфографического, пунктуационного и грамматического характера, которые по возможности были нами устранены;

– некоторые слова в русском языке были написаны на основе русской орфографии того времени, поэтому мы сочли нужным оставить это написание;

– в тексте некоторые слова кыргызского языка с нашими специфическими буквами ң, ө, ү орфографируются через н, о, у, которые мы исправили.

– по неизвестной нами причине в рукописи отсутствуют стр. 79-80-81.

Нам думается, что интересы общетюркологической и кыргызской лингвистической науки и потребности как тюркологов, кыргызоведов будут удовлетворены изучением настоящего научно-теоретического наследия великого тюрколога лингвиста Б.М.Юнусалиева, которого глубоко уважают и ценят его благодарные ученики...

С.Ж. Мусаев, академик

С.З. Садыкова, доктор филологических наук, профессор

ВВЕДЕНИЕ

I.

До Великой социалистической революции киргизский язык переживал период эволюционного состояния, который соответствовал земледельческо-скотоводческому характеру хозяйства с неразвитой торговлей и феодально-родовому и частно-капиталистическому общественно-экономическому отношению классов. Буржуазно-националистическая политика местных правящих бай-манапских классов, не заинтересованных в просвещении трудящегося народа с целью его интенсивной эксплуатации, а также колонизаторско-шовинистическая политика царского самодержавия и его местных чиновников, помещиков и кулаков, разжигавших межнациональную рознь и ненависть, и преследовавших только цели колонизации и эксплуатации, не давали возможности развития промышленности, появления промышленного пролетариата, задерживали процесс сплочения разобщенных киргизских племен и родов в единый национальный коллектив и всячески отгораживали народ от влияния прогрессивной русской культуры.

Феодально-родовой характер общественного строя, ему соответствующий отсталый уклад хозяйства, кочевой образ жизни населения, отсутствие тесной экономической и политической связи между племенами, в особенности между южными и северными киргизами, а также политика колонизации и отгораживания от влияния русской культуры не смогли способствовать более ускоренному развитию лексики и не привели к созданию единого литературного языка.

Если не считать две-три брошюры, выпущенных представителями феодально-социалистической интеллигенции на малодоступном для основной массы так называемом “общечагатайском” языке, то до Октябрьской революции, по существу, не было единой киргизской письменности.

С момента установления Советской власти в Киргизии начинается новый, революционный период во всей экономической, культурной и политической жизни народа.

Октябрьская революция дала киргизскому народу свободу, раскрыла глаза эксплуатируемой массе, указала ей путь экономического, культурного и политического возрождения

и смела всякие преграды разобщенности как внутри народа между племенами, так и особенно между русским и киргизским народами. Под руководством партии Ленина-Сталина, при братской помощи революционного русского пролетариата трудящиеся-киргизы, минуя мучительный период капитализма, приступили к коренной перестройке всей экономики и социальных отношений на социалистической основе.

Это привело не только к изменению старых форм хозяйства и производственных отношений, но и к возникновению и бурному развитию новых отраслей промышленности и сельского хозяйства с их современной техникой, и к новым социалистическим производственным отношениям. В связи и в соответствии с коренной переменой в экономике и социальных отношениях произошли грандиозные изменения и в сознании, и в мышлении киргизского народа, следовательно и в его языке, ибо "... люди, развивавшие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с данной действительностью также свое мышление и продукт своего мышления"¹.

На основе и в соответствии с новой экономикой возникли государственные, политические учреждения и общественные организации, которые вызвали необходимость создания общелитературного киргизского языка, как "важнейшего средства человеческого общения"². Коренная ломка старых и возникновение новых форм производства и производственных отношений значительно ускорили изменение образа жизни и психологии народа.

А "психический склад" был своеобразен у каждого народа, так как он выработался, как говорил И.В.Сталин, у этих народов из поколения в поколение в результате неодинаковых условий существования. Новый производственный базис, ставший уже одинаковым для всех народов и наций, населявших великую страну социализма, дал прежнему "национальному характеру", выражавшемуся "в своеобразии культуры", новое социалистическое содержание. Так создавалась "социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в

---

¹ К.Маркс, Ф.Энгельс "Немецкая идеология", 1847 г. стр.17.

² В.И.Ленин, соч. изд. 3-е, т. XVII, стр. 428.

духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата”³ /И.В.Сталин/. Эта киргизская культура получила небывалый ускоренный темп развития благодаря тому, что киргизский народ не только усваивал в переработанном виде, то ценное, что было в его прежней истории, но и с первых дней Советской власти решительно взялся за усвоение всего ценного, что создавалось веками и создается другими братскими народами, их прогрессивно-мыслящими гениями, в первую очередь великим русским народом.

На основе социалистического способа производства, нового, высшего типа производственных отношений и соответствующей им новой культуре обогащается и развивается духовный мир и сознание, формой проявления которого является язык.

“Язык также древен, как и сознание; язык как раз и есть практическое, существующее для других людей, а значит существующее также и для меня самого, действительное сознание”⁴. Именно то же самое определение языка мы находим у основоположника нового материалистического языкознания, у академика Н.Я.Марра: “... Язык есть не просто звучание, а и мышление, да и не одно мышление, а накопление смен мышления, смен мировоззрения, и поэтому в нем, мышлении, имеем магическое средство для сдвигов в производстве и производственных отношениях не только при зарождении и зачаточных формах социальной структуры, но и в наши дни”⁵.

Это накопление смен мышления, смен мировоззрения как в капле воды отражается в киргизском лексиконе, если сравнить его сегодняшний состав с дореволюционным. Киргизский словарь до революции резко отличался терминами и словами скотоводческого хозяйства, одностороннего земледелия и феодально-родовых отношений. Характеру материального базиса соответствовала не только лексика, но и сама структура предложения, затруднявшая, в связи с малоразвитостью сочинительных, подчинительных, причинных и других союзов передачу сложного высказывания. Величайшим памятником и своеобразной энциклопедией мировоззрения, мышления и,

³ Стенотчет XVI съезда ВКП/б/, докл. И.В.Сталина, стр. 54.

⁴ К.Маркс и Ф.Энгельс “Немецкая идеология”, стр.20.

⁵ Н.Я.Марр, “Язык и современность”, СОЦЭКГИЗ-ГАИМК, 1933 г., стр. 9.

следовательно, языка в дореволюционной истории киргизского народа является записанный полностью и изданный только после революции многотомный эпос “Манас”, художественное описание и литературные эпитеты которого относятся, главным образом, к личности действующих героев, их образу жизни, их легендарных коней, окружающей природе, их богатству скотом, религиозному верованию, взаимоотношению различных слоев феодального общества и т.д.

“Язык находится в динамике, т.е. в творческом движении, но движение в нем не случайно и идет само по себе”⁶. Для киргизского языка в послеоктябрьский период это движение оказалось не простым движением, а “как движение поступательное, как движение по восходящей линии, как переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему”⁷. В основе этого движения и развития сознания и языка лежит коренная перемена в способе производства и возникновение новой, высшей формы производственных отношений.

Многогранное социалистическое сельское хозяйство, бурный рост многочисленных отраслей промышленности, государственные и местные органы управления на родном языке, привлечение к управлению страной всех слоев трудящихся населения через различные общественные организации, тесная экономическая и культурная связь между всеми районами, разветвленная сеть школ и специальных средних и высших учебных заведений, издание газет, журналов, книг и учебников миллионными тиражами, переводы трудов классиков марксизма-ленинизма и классиков художественной литературы, развитие драматического и музыкального искусства и т.д. является базой, на основе и в соответствии с которой развивался и развивается небывалыми безграничными перспективами на будущее язык-мышление.

Прослеживая современное состояние языка и сравнивая его с дореволюционным, не трудно убедиться, в том, что новое количественное и качественное развитие языка идет в первую

---

⁶ И.И.Мещанинов “О положении в лингвистической науке”, Изд.АН СССР, т.VII, вып.6, 1948 г. стр.479.

⁷ Краткий курс истории ВКП (б), 1938 г., стр. 102.

очередь по линии обогащения лексического состава. Каждый новый вид орудия производства любой отрасли сельского хозяйства и промышленности, каждое новое конкретное или абстрагированное понятие, независимо от того является ли оно из области новых общественных отношений или из области науки, техники, культуры, искусства, здравоохранения, школьного дела и т.д., поскольку оно отсутствовало прежде, вызывает необходимость выражения в языке-мышлении. Так создаются новые слова и термины. Для их создания /мы говорим “создания” поскольку сами эти предметы, орудия труда и надстроечные понятия как реальная, осязаемая или осязаемая, физически или мысленно в сознании, материальная действительность, создается самими же людьми, а не возникают сами по себе/, – для их создания люди пользуются всеми способами и приемами, диктуемыми самой же жизнью, в частности, заимствование слов, как: коммунизм, социализм, большевик, совет, партия, трактор, молотилка, станок, самолет, физика, математика, грамматика и т.п. и т.д. Эти способы оказались наиболее приемлемыми, так как эти предметы или понятия были уже созданы многовековой историей других народов. Попытка изобретательства новых слов – беспредметных и незакономерных звукосочетаний, особенно поощряемого в свое время буржуазно-националистической интеллигенцией /например, поезд – ат араба, машина – шайтан араба и т.д./ кончилась полным крахом, так как в истории русского языка словотворчество типа “мокроступа” вместо “галоши”. Прием заимствования стал для киргизского народа /и для других советских народов/ не только ходовым, но и необходимым тогда, когда они постоянно общаются в труде и в общественной жизни с русским народом – создателем подавляющего большинства заимствуемых понятий и предметов, когда богатейший в мире великий русский язык изучается как свой родной язык старшими и молодыми поколениями всех народов Советского Союза, когда на русском языке созданы величайшие творения корифеев науки – Ленина и Сталина, а также мировая классическая художественная и научная литература, сила убеждения и художественные образы которых вряд ли точно передаваемы в переводах.

Народ не только принимает все готовое, но и создает сам новый тип орудия, или предмет, или понятие, внося тем самым в

мировую сокровищницу материальной культуры свою долю. Так создавался, скажем “капкан” – орудие охоты, пахта /хлопок/ и связанные с ними земледельческие понятия /гуза – пая, арык и т.д./, вошедшие, как и многие другие понятия, в литературный русский язык.

Для обозначения или приобретения новых, возникающих в трудовом процессе борьбы классов и подчинения природы своим целям, или перенимаемых готовых слов-понятий используются наряду с заимствованием, также и внутренние ресурсы самого языка. С этой целью пускаются в ход лексические, морфологические и синтаксические средства. Из способов применения старого лексикона и средств морфологии для перенимаемых понятий, например, хотя бы из горного дела: “бурение” /пород/, “буровая”, “буровая машина”, “бурить” киргизы стали употреблять глагол “бургу”⁸ например, бургула – бурить; бургу – буровая машина; бургулоо – бурение. Или возьмем другой из многочисленных примеров использования свойств категории парных имен, например, сознание – ой-санаа; поведение – жүрүш-туруш, противоречие – карама-каршы.

В киргизском языке прослеживается и другой способ выражения, где явно наличествует не одно из указанных грамматических средств, а все вместе, в комплексе, - морфолого-лексико-синтаксический способ. Понятие “ненависть” переводится аналитическим путем “көрө албастык”. В этом случае мы имеем по существу два самостоятельных глагола – “көр” /смотри/, “ал” /бери/, но, благодаря морфологическому аффиксу “е” формата деепричастия буд.времени, они неразрывно синтаксическо-аналитически связываются воедино “көрө ал” /сумей видеть/ и передают одно общее модально-видовое значение с оттенком потенциальности совершения действий. Присоединяем к последнему компоненту /т.е. к “ал”/ отрицательный частицы “ба” получаем тот же сложный глагол в отрицательном значении “көрө алба” /сумей не видеть/. Аффиксом “с” сложный глагол превращается в сложное модально-видовое отрицательное причастие “көрө албас”. Морфологическим формативом “тык” /көрө албастык/ оно переключается с абстрагированным значением и позой формой уже в другую часть речи – в раздел имен существительных типа жыргалдык /благополучие/, байлык /богатство/, эрлик /мужество/.

⁸ См. проф. К.К.Юдахин, “Киргизско-русский словарь”, 1940 г.

Количество перешло в новое качество. Новая форма дала иное содержание.

Затронутый выше вопрос о сложных формах глаголов в происходящем процессе развития литературного языка и создания на нем как оригинальных, так и в особенности переводных литератур, на которых воспитывается и переделывается сознание, мировоззрение и духовный мир народа, приобретает как никогда первостепенное практическое значение. Этот вопрос должен быть всесторонне изучен не только с целью обучения учащихся важнейшим грамматическим средствам языка, но и в связи с его громадной актуальностью для переводческой практики, являющейся важнейшим методом доведения до массы гениальных трудов классиков марксизма-ленинизма, произведений классиков художественной литературы, литературы учебной всех отраслей науки, техники, текущей политики и т.д. актуальность этого вопроса возникает, оказывается, и в связи с тем, что если новые понятия, обозначающие предметы, орудия производства и надстроечные понятия, могут создаваться в языке указанным способом заимствования целых слов или использованием ранее бытовавших слов, то понятия, обозначающие процесс движения, т.е. такая часть речи, как глаголы, для своей передачи на другой язык требуют иного способа. Даже в тех единичных случаях, когда и здесь применяется заимствование целых слов, для их оформления непременно понадобилось употребление бытовавших глаголов /мобилизовать этим - /я/ мобилизовал, досл. /я/ мобилизовать сделал/. Если бы речь шла только лишь о передаче значений глагольных основ, не было бы особой необходимости затрагивать вопрос о сложных формах глагола /работай – иште, учи – окут или оку, пиши – жаз и т.д./. Но как только дело доходит до выражения значения основы слова, снабженной так называемыми префиксами, суффиксами и обслуживающими связками или частицами, никак нельзя обойтись без сложных глаголов. Например, глагол “переписывал” в зависимости от контекста высказывания на киргизском языке может быть передан: 1/ көчүрүп жазып жаттым; 2/ көчүрүп жаттым; 3/ жазып жаттым; 4/ көчүрүп жазып отурдум; 5/ көчүрүп отурдум и т.д. и т.п. варианты, где к одному из двух

деепричастий /“жазып”, “көчүрүп”/ прибавляется один из четырех вспомогательных глаголов /жат, отур, тур, жүр/, придающих своему основному компоненту смысловой оттенок незавершенности или длительности происходящего процесса действия. Однако для перевода русского глагола с той же основой “пис”, но совершенного вида, например, “переписал” в зависимости от контекста понадобятся в киргизском языке иные вспомогательные глаголы: 1/ жазып койдум; 2/ көчүрүп койдум; 3/жазып таштадым; 4/ жазып жибердим; 5/ жазып салдым и т.д. и т.п.

Вспомогательные глаголы довольно широко применяются как в живой разговорной речи, так и в письменной литературе. Почти в каждом предложении разговорной речи можно встретить применение этих глаголов в той или иной форме или функции. Во взятом нами наугад отрывке из повести К. Джантошева “Тилек” состоящем из 207 слов, мы нашли 30 случаев их употребления. Иногда отдельные предложения большей частью состоят из синтаксического сочетания, слагаемыми элементами которого являются вспомогательные глаголы /ср., напр., из романа Т.Сыдыкбекова “Биздин замандын кишилери” /“Люди наших дней”/: А мен акмак бүтүндөй көйнөк да алып бара албай калдым – А я глупец, не смог принести /привезти/ даже целой рубашки/.

Такая широкая употребляемость объясняется тем, что модально-видовые окраски процесса действия передаются исключительно с помощью вспомогательных глаголов. Их свойство этим не ограничивается, – ими передаются и другие характеристики процесса действия, которым нет точных соответствий в русском языке и из-за недостаточной изученности их в языках тюркской системы еще не установлены лингвистические термины.

Богатое и тонкое свойство вспомогательных глаголов широко используется также и в переводческой практике.

В переводах с русского языка его свойство поможет переводчикам более точно переводить на киргизский язык видовые, модальные и временные оттенки действия. Так глагол “вырабатывалась” /в предложении: “Конституция 1924 года

вырабатывалась в первый период нэпа”, Кр. Курс истории ВКП/б/ стр. 394/ переведен сложным глаголом “иштелип чыккан болучу”;

глагол “не поспевал” /из фразы: “Рост колхозных кадров не поспевал за количественным ростом самих колхозов”, т. же стр. 281/ переведен сложным глаголом, состоящим из четырех компонентов, - “жетише албай келе жатты”.

К использованию свойства вспомогательных глаголов переводчики иногда прибегают не только для передачи вышеуказанных смысловых оттенков, но и для выражения точно непереводимых оборотов и словосочетаний. Так фраза “стыдно человеку предаваться суеверию” /из “Капитанской дочки” А.С.Пушкина/ переводчик перевел на киргизский язык, включив понятие “стыдно” в состав сказуемого и выразив его с помощью вспомогательного глагола, - “адам ырымга ишенбей кое албай турганын...”

В приведенных выше примерах затрагивается вопрос о способах передачи видовых соответствий. Предлагаемая читателям работа не касается указанного вопроса, которому должно быть посвящено специальное исследование. Мы ставим перед собой скромную задачу – выяснить категорию служебности или служебную роль так называемых “вспомогательных” или “модальных” глаголов, рассмотреть их семантику, формы сочетаний и некоторые синтаксические функции. Поскольку в строе речи вспомогательные глаголы могут исполнить без какого-либо различия и ущерба функцию основного глагола, который в свою очередь не изучен в интересующем нас объеме, постольку мы вынуждены были ввести специальный общий раздел, где в общих чертах разбирается вопрос об отличительных свойствах глагола от других лексических групп и перечисляются грамматические категории, свойственные только глагольности.

Выявление категории вспомогательности оказалась возможным только в контексте законченного высказывания и прежде всего в составе сказуемого, в предикате суждения, где не только каждое слово, “но и каждая фонема, понимаемая как социально значимый звук”⁹ исполняет определенную связующую функцию и имеет синтаксическое значение. Таким образом,

⁹ И.И.Мещанинов, там же стр.

синтаксис выступил во всем своем объеме, как “...существенная часть речевой структуры”¹⁰.

Прослеживание функции и изменения значения каждого из слагаемых элементов синтаксического сочетания сказуемого приводит нас к выводу, что причинами возникновения вспомогательных глаголов является ни что иное как синтаксические задания самого языка.

Вместе с усовершенствованием орудий производства, предметов потребления и производственных отношений идет одновременно усовершенствование самой формы мышления – языка, как “...орудие развития и борьбы”¹¹. Этому диалектическому процессу развития и изменению подвергается язык в целом и, следовательно, его фонетика, его лексика и строй его предложения. Для выражения того или иного об»ективного понятия в строе предложения используются как отдельные слова, так и группы слов-словосочетания. Словосочетание – первый шаг к дальнейшему изменению формы и значения его компонентов, первый шаг к возникновению служебных слов, которые в свою очередь, сохраняя или не сохраняя прежнее значение и функции, перерастают в служебные слова, связки, частицы, послелого, аффиксы, состоящие из нескольких или одного звука – фонемы. Поэтому в основе так называемых в грамматиках “служебных слов”, “предлогов”, “частиц”, “аффиксов” и “фонемы” лежат конкретные об»ективные понятия – слова – “социальные стоимости, увязанные корнями с материальной базой”¹².

В советской действительности одновременно с непрерывно развивающимся мышлением развиваются его грамматические способы передачи в языке. Для выражения взаимосвязи и взаимоотношения слов в предложении в послеоктябрьский период в киргизском языке усилилась роль и увеличился состав послелогов и отчасти союзов. В этом процессе развития на ряду с изменением экономики и социальных отношений следует видеть благотворное влияние русского языка. В качестве послелогов

---

¹⁰ Н.Я.Март “Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком”, избр. работы, 1936 г. т. II, стр. 401.

¹¹ И.В.Сталин “Как понимает социал-демократия национальный вопрос”, соч. т. I, стр.44.

¹² Н.Я.Март “Язык и современность”, стр. 14.

берутся слова-понятия, обозначающие части тела – “арка” – спина, /“аркылуу” – благодаря/; “жан” – бок, жанында – около; “бой” – стан, корпус, рост; боюнча – по-русски предлог “по”; или берутся пространственные понятия – “асты” – вниз; “үстү” – верх. Коротче говоря, все предлоги, как и любая часть речи, по своему происхождению материальны. Подобно тому, как полноценный глагол, обозначающий действие или состояние субъекта по заданиям мышления подвергается трансформации через вспомогательный глагол, глагольную связку и частицу в аффикс, также и полнозначные слова, выражающие материальный базис, по тем же причинам превращаются через служебную роль в послелог, из послелога в агглютинирующий аффикс / вспомни аффиксацию на ..... не глазах послелога “менен - мен” в казахском языке, / а также аффикс – окончание третьего лица ед.числа глагола в ряде тюркских языков “т//д”, генетически происходящий из самостоятельного глагола “тур // дур”/.

Высказанное нами выше положение, по-существу не ново. Оно в общих чертах уже находило достаточное освещение на материалах разносистемных языков мира в трудах основоположников нового материалистического учения об языке академика Николая Яковлевича Марра и его ученика академика Ивана Ивановича Мещанинова. Наше посильное исследование должно лишь служить подтверждением их общих выводов на материале киргизского языка, в частности, на изменениях форм и значений вспомогательных глаголов в зависимости от исполняемой ими функции в синтаксическом строе предложения.

II.

Само собой разумеется, что такая специфическая глагольная группа не могла оставаться вне поля зрения исследователя, когда он приступил к разбору состава глаголов или сказуемого в том или ином языке тюркской системы, где она в разной степени наличествует. Поэтому вопрос о вспомогательных глаголах в той или иной мере затрагивался или разбирался почти во всех научных и практических грамматиках и словарях, начиная с первых грамматик, созданных М. Казембеком и алтайской

миссией в восьмидесятих годах прошлого столетия, кончая многочисленными грамматиками и словарями, появившимися в большом количестве особенно много за последние десятилетия послеоктябрьского периода. Однако ни в одном языке тюркской системы до сих пор тема о вспомогательных глаголах специально не разрабатывалась.

Много ценных замечаний о семантике отдельных вспомогательных глаголов мы находим в таких трудах, как “Грамматика казакъ-киргизского языка” проф. П.М.Мелиоранского, в “Киргизско-русском словаре” проф. К.К.Юдахина, в “Грамматике башкирского языка” проф. Н.К.Димитриева, грамматиках ойротского и шорского языков Н.И.Дыренковой, кумыкской грамматике проф. Н.К.Димитриева, отдельных статьях В.М.Насилова и в особенности “Категории глагольных видов в башкирском языке” А. Харисова. Однако из-за отсутствия специального исследования такое важнейшее грамматическое средство в языках тюркской системы как вспомогательные глаголы и связанные с ним сложные глаголы не находят в достаточной мере отражения в практических грамматиках.

Отрадно отметить то явление, что за последние годы некоторые тюркологи и в особенности ряд молодых ученых, вышедших из среды той или иной национальности, взялись за отдельные вопросы, связанные с синтаксической функцией вспомогательных глаголов. В этой связи особое внимание заслуживают две статьи В.Н. Насилова¹³ и упомянутая диссертационная работа Н.Харисова. Кроме того, насколько нам известно, многие молодые специалисты берутся за выяснение категории видов, сложных глаголов, деепричастий и т.д. в том или ином языке тюркской системы. Нам кажется, что если будет изучен вопрос о синтаксическом значении и функции вспомогательных глаголов, которые являются ключом к пониманию природы указанных вопросов.

В одной из своих работ, изучая особенности грузинского глагола, академик Н.Я. Марр писал: что “... грузинский язык

---

¹³ См. “Роль сказуемого в уйгурском предложении”, Труды института Вост., вып. I, 1939 г.; см. его же “К вопросу о грамматической категории видов в тюркских языках” Труды Ин. Вост.об. №4, 1947 г.

настолько полон глаголами, что начинаешь сомневаться, есть ли эта часть речи действительно глагол. В самом деле, грузинский глагол это большее, чем глагол... Кто владеет системой строя грузинского глагола, тот мастер грузинского языка”¹⁴. Применительно к особенностям киргизского языка можно бы сказать, примерно, то же самое, а именно: вспомогательный глагол в киргизском языке, в том числе и в других языках тюркской системы, это нечто большее, чем глагол, кто владеет синтаксическим свойством вспомогательных глаголов, тот мастер языка.

В самом деле разбираемая лексическая группа представляет собою порою не только глагол, но и имя, обозначающее предметное понятие, не только простой глагол, состоящий из корня и различных аффиксов и выражающий динамическое или статическое состояние суб»екта высказывания, но и глагол, обладающий свойством вступать в синтаксическое сочетание, состоящее кроме знаменательного компонента не из двух, не из трех, а порою даже из пяти-шести слагаемых формально самостоятельных, фактически лишенных лексического значения элементов, выражающих одно, правда, комплексное понятие о действии или состоянии суб»екта с множеством различных смысловых оттенков. К последним относятся такие характеристики процесса действия и состояния, как время совершения, модальности или потенциальности, темпоральности, многократности и однократности, продолжительности и мгновенности совершения, направленности действия от говорящего или действующего суб»екта или к нему и т.д. Кто обладает подобными смысловыми тонкостями сложных глаголов, тот, конечно, мастер языка.

Надо надеяться, что это важнейшее, острое и тонкое грамматическое свойство киргизских глаголов найдет подобающее себе место в практических вузовских и школьных грамматиках по киргизскому языку и широкое применение в переводческой практике.

---

¹⁴ См. “Безличные, недостаточные, существительные и вспомогательные глаголы”, т. II, стр. 303.

Г Л А В А I.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГЛАГОЛАХ.

1. О полисемантизме глагольных основ.

В современном киргизском языке, в частности, в его глаголах прослеживаются отдельные пережиточные элементы, уводящие исследователя к древнейшему состоянию языка. К подобным фактам следует отнести, прежде всего, многозначность / полисемантизм / значительной части односложных и двухсложных как именных, так и глагольных основ. При этом речь идет не об обычном полисемантизме, когда одно и то же слово обозначает имя, относящееся к одной лексической группе имен существительных и прилагательных, например, кирг. “көк” имеет значение: 1/ небо, 2/ трава, / зеленая/, 3/ зеленый, 4/ серый/ в значении масть животных/; “кол”: 1/ рука, 2/ передняя нога /животных/, 3/ кисти, пальцы / все вместе/, 4/ войско, армия, воинский отряд. Нам кажется, что подобный вид многозначности также относится к пережиточным в языке явлениям, указывающим на то, что изучаемый язык пережил стадию аморфности, где семантика определялась не формой слова, не составом его слагаемых – звуков, а окружением других слов, его определенным местом в предложении.

Но в киргизском языке наблюдается и другой род полисемантизма.

Перебирая словарный состав киргизского языка, не трудно увидеть, что значительная часть односложных и отчасти двухсложных слов по своей семантике передает значения и имени и глагола. Иначе говоря, одно и то же слово обозначает два понятия: с одной стороны, об имени /предмет, или его качестве, состоянии/, с другой стороны – о действии, движении /глаголе/. Такая лексическая группа названа нами “именами-глаголами”. При этом характерно то, что все односложные слова, дающие названную группу “имен-глаголов”, являются в своем подавляющем большинстве трехфонемными по последовательности – согласный /С/, гласный /Y/, согласный /С/ – СYС или двухфонемными, большей частью – YС и редко – СY.

Не вдаваясь в подробность: идет ли речь в этих случаях о подлинной или о кажущейся односложности, т.е. не затрагивая вопрос об одноэлементности указанных типов киргизских слов, которому должно быть посвящено специальное исследование, нам хотелось лишь отметить, что наличие имен-глаголов представляет собою, с нашей точки зрения, пережиточный фактор, сохранившийся доселе в языке и свидетельствующий о недифференцированности лексики на его главнейшие составные части, на имя и глагол, в древнейший период развития языка.

Наряду с этим, прослеживание семантики имен-глаголов дает нам основание еще раз подтвердить высказанное академиком Н.Я.Марром положение о том, что основы как имен, так и глаголов, “первоначально в зависимости от мировоззрения тех времен являются тотемами или духами или предметами культа различного рода....”¹⁵. Так, слово “жай” / где первый звук “ж” – аффрикат, согласный диффузоид/ передает понятия не только о качестве предмета или действия / жай – 1/ медленно, медленный, 2/ тихо, тихий, 3/ просто, простой, в то же время “жай” есть и глагол со значениями: 1/ стлать, 2/ раскинуть, 3/ развешивать, 4/ распространять, 5/ пасти /о скоте/¹⁶. Мало того, слово “жай” выражает понятие “лето” /время года/.

С последним связано, на наш взгляд, более древнее, нежели все предшествующие, значение слова “жай”, а именно – мифическое представление о сверхестественной силе природы. В народном фольклоре сохранилось представление о “жай таше”¹⁷, о камне, якобы находимом в желудке овцы и обладающим способностью вызвать атмосферные осадки – дождь. Или, сохранилось предание о шамане-бахше, о так называемом “жай-чы” /где “чы” – словообразовательный аффикс, придающий значение профессии/, о человеке, обладающем искусством вызвать дождь. Например, говорят: “жайчы жай чакырды” /в русском переводе “жайчы” – вызвал “жай”/ т.е. дождь/. Коротче говоря, “жай” есть первоначально, более древне, космическая сила, тотем, прячущийся где-то, дух, древний культ / вспомним жертвоприношения во время летней засухи/, более

¹⁵ см. том II, 1936 г. стр. 315

¹⁶ “Жай” в значениях

¹⁷ См. проф. К.К.Юдахин “Кирг.-Русск. словарь” № стр. 491.

поздно – атмосферный осадок – материальный мир, реальная действительность.

Более раннему космическому представлению, как доказано новым учением о языке, соответствует нерасчлененная еще “место”, “стоянка”, “жилище”, “заведение”, “предприятие” и т.д. рассматривается в словарях по языкам тюркской системы как слово иранского происхождения. Если эта точка зрения правильна, то чем объяснить наличие “жай” со значением “место”, “пространство” в монгольском языке /см. монг.-русс. словарь Черемисова и Румянцева, 1937 г. стр. 458/, а также наличие слова “жай” со значением “место” почти во всех языках тюркской системы? на фонетические составные части четырехэлементная диффузная речь, тотемическое мышление¹⁸. На этой стадии языка “существовало диффузное представление о словах, образующих надстройку, сигнализирующих абстрактные идеи о сигнализируемых предметах, об их существовании и их действии”¹⁹.

По мере постепенного господства над природой у человека шаг за шагом расширяется кругозор, совершенствуются старые и приобретаются новые орудия труда, развивается само общественное отношение. В зависимости от этого совершенствуется человеческое мышление – язык, как “практическое и реальное сознание”. Тотемное мировоззрение и диффузная речь, явившиеся для своего времени величайшим достижением человечества, становится узкой, неудовлетворяющей потребности все более и более развивающегося производства и общества.

Диффузная речь начинает дифференцироваться. Абстрактное космическо-тотемическое представление начинает переносится на реальный материальный мир, обозначая конкретное понятие.

На этой стадии развития еще не было расчленения словаря на части речи, на имя и глаголы. Слово “жай” сигнализировало о космическом понятии “лето” и о действии человека /стелить что-нибудь под себя, или раскинуть навес, жилье/. “... В языках более древней формации глаголов вовсе не было как особой категории, действие выражалось комбинацией элементов, именно символов или звуковой сигнализацией: I/ суб»екта, источника,

---

¹⁸ См. И. И. Мещанинов. “Основные лингвистические элементы” /Язык и мышление II, 1934 г./

¹⁹ См. Н.Я. Марр, ст. т. III, стр. 310.

действия, 2/ объекта, цели или мишени действия и 3/ образа того действия, которое имелось в виду произвести, т.е. того или иного имени”²⁰.

“Вопрос о том, что раньше – имя /состояние/ или глагол /действие/ свое окончательное разрешение получает лишь в марксистском единстве противоположностей, в языке по формуле:

ГЛАГОЛ, действие ← тотем → имя — ИМЯ, состояние.

Время, движение ← /производство + общественность/ место, → стоянка”²¹.

Иллюстрацией к этому диалектическому процессу могли бы служить многочисленные примеры, восстанавливаемые палеонтологически или сохранившиеся без особых видоизменений до настоящего времени в киргизском языке. Сошлемся на один из этих примеров.

Известно, что с понятием “руки” связано не только происхождение человеческого языка, но и формирование самого человека, степень его господства над природой, изобретение и совершенствование им орудий производства, лежащие в основе общественных отношений. Поэтому многочисленные представления связаны с понятием о “руке”.

В современном киргизском языке слово “рука” звучит по-разному, восстанавливается палеонтологически, и восходят эти звучания к первотипу “руке”. Понятие о “руке” мы находим не только в указанном выше киргизском слове “кол” / рука, кисть, пальцы, передняя нога, войско / татарск. кул, но и в кирг. слове “эл” / народ/, которое в уйгурском, азербайджанском, османском звучит также “эл” в значении “руки”.

Современное киргизское “кар+уу” со значением “сила” и “часть руки / от локтя до плеча / находит себе объяснение в монгольском “рука” / кар+у /, армянском “кар” /”рука” → /, “сила”, в киргизском “кар+ма” /держи/.

Мы склонны в киргизском глаголе “кыл” / делать, действовать / усмотреть разновидность комплекса понятий о “руке” / кол/, где гласный есть результат колебания а ↔ ы, что наблюдается в словах “тыбыш” и “табыш” с одним и тем же значением “звук”.

²⁰ Н.Я.Март, т. II, стр. 50.

²¹ Н.Я.Март, т. III, стр. 302.

Из понятия “руки”, кажется, развивается понятие о силе, о мощи, передаваемые киргизским словом “куч”, от него или наоборот – кирг. “көз” / глаза/, звучащий в чувашском “куш” с разновидностями того же слова, с глаголом “кур” /видеть/, кирг. /”көр” – “видеть”/²².

Нет сомнения, что современное слово “кул”, передающее почти во всех языках тюркской системы понятие “раб”, “невольник”, генетически восходит к “руке” / кол ↔ кул с амплитудой гласного О → У/. Функциональный переход значения слова “руки” / кол, кул/ к понятию “раб” совершился в связи с разделением общества на эксплуатируемые и эксплуатирующие классы, при рабовладельческом строе, где “раб” сила /“кол”//“кул” ↔ “куч”/, производящая орудия и продукт общественного потребления.

Можно было бы продолжить перечень палеонтологического разбора, привлекая все новые и новые примеры, но указанного достаточно, чтобы убедиться в том, что к “руке” восходят многочисленные представления и понятия, которые в современном состоянии языка передают, с одной стороны, значение имени / рука, войско, раб, народ и т.д./, с другой стороны – значения действия глагола/ / делать, видеть и т.п./. Палеонтология не только ведет нас к историческим экскурсам по истории мышления и общественно-производственных отношений, но и помогает установить хронологическую последовательность происхождения основных частей речи, имен и глаголов.

Таким образом, прототипом и имен и глаголов оказываются первично имена-тотемы. Причиной дифференциации первичных имен на современные имя и глагол послужило не какое-нибудь желание “бога”, “дарившего” речь человеку, даже не предвзятое намерение самого носителя речи, а практическая потребность, возникшая из самой производственно-общественной природы человека.

Переход значения одного представления, понятия или предмета к другому происходит “не по каким-либо физическим или иным свойствам предмета, но по функциям” /Н.Я.Март/. На примере многозначности хотя бы следующих слов не трудно увидеть переход значения по функциям: ич – 1/ имена – нутро,

---

²² О закономерности чередования с//з//р в языках тюркской системы проф.Н.К.Дмитриев, “Грам.башкирск.яз.”, стр. 149.

живот и 2/ глагол – пей; ак – 1/ имена – общее понятие о молочных продуктах, молоко, белый; 2/ глагол – течь; чек – 1/ имена – граница, рубеж, предел и т.д., 2/ глаголы – делать метки, надбить кончик, действовать намеками, запрягать и т.д. на примере со словом “ич” видно, Что как предмет “живот”, “нутро”, так и действие, процесс приема пищи имеют одинаковое звучание. В этом заключается особенность киргизских имен-глаголов.

Наличие указанного нами выше пережиточного пласта ничуть не умаляет достоинство киргизского языка и не говорит о его примитивности. Это лишь подтверждает историческую закономерность, диалектический процесс, что “... предметам природы, явлениям природы свойственны ванутренние противоречия, ибо все они имеют свою отрицательную и положительную стороны, свое прошлое и будущее, свое отживающее и развивающееся...”²³. / Подчеркнуто нами – Ю.Б./

В том, что в изучаемом языке наличествует полисемантизм с преобладанием моносиллабизма, восходящего генетически к стадиальной аморфности, где нет формального различия между основными частями речи, находит свое подтверждение высказывание Н.Я.Марра, что “... современные языки могут отображать гораздо более древнее состояние языка, чем древнейший из письменных языков: это значит от класса носителей данного языка, их производственно-социальной природы”²⁴.

Некоторые из дифференцировавшихся первичных имен на современной стадии языка переживают дальнейшую трансформацию /видоизменение/, исполняя иную функцию в строе речи, не имеющую ничего общего с ролью и функцией имен и глаголов как таковых в предложении. Это можно проследить на примере того же имени “жай”, которое, подвергшись морфолгическому изменению, путем агглютинации ряда аффиксов, стало обслуживающим того же имени послелогом; ср. роль и значение послелога “жай-ы-н-да или усеченное – “жай” – ы –н- ан” в предложении “Сен айыл жайында /жайынан/ сүйлөй утур” / ты рассказывай о / про / айыле/, где разбираемое слово

²³ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 103-104.

²⁴ См. т. I, стр. 262.

имеет значение и исполняет роль, свойственную в русском языке предлогу / о, об, про.

Не углубляясь в вопрос о происхождении частей речи, который отвлек бы наше внимание от темы, хотелось лишь остановиться на отличающих их от имен в киргизском языке.

2. Различение глагольных основ от именных.

Когда речь идет о глагольных основах, мы должны иметь в виду, что есть основы, в узком смысле слова “чистых” глаголов и так называемых нами “имен-глаголов”. И те, и другие не имеют отличительных, формальных признаков не только между собой, но и от имен вообще, имея в виду в последнем смысле слова – имена существительные, прилагательные, числительные, наречия, выделяемые в киргизском языке, как особые части речи, главным образом, по синтаксическим признакам.

Простые основы “чистых” глаголов могут быть различимы от именных только лишь по семантике даже изолированно от контекста, ср. например, ук – слушай, окуу – читай, кел – приходи, кет – уходи, укта – спи, бил – знай и т.д. по семантике уже различаются и “чистые” имена: существительные / уй – корова, чөп – трава, эчки – коза, жер – земля / прилагательные / сары – желтый, жумшак – мягкий/; числительные / бир – один, алты – шесть/ и т.д.

Различение же основ “имен-глаголов” гораздо труднее – но, как видно из изложения вопроса о полисемантизме, одна и та же основа и изолированно от контекста может быть рассматриваема и понята и как имя /существительное, прилагательное, местоимение / ал / и как глагол. В этом случае приходит на помощь синтаксис. Попадая в синтаксическое сочетание или в определенную среду в строе предложения, “имена-глаголы”, будучи даже неоформлены агглютинирующим аффиксом или аффиксами, приобретают особую семантику: или как имя / предмет, представление - понятие / или как глагол / движение/. Причем сама семантика, обнаруживающая только лишь в зависимости от окружения других слов, зависит от исполняемой роли того или иного “имени-глагола” в контексте. Если любое из них в предложении занимает позицию суб»екта, об»екта /дополнения / или исполняет функцию атрибутивного

элемента субъекта или объекта, тогда мы имеем дело с именем в широком смысле этого термина. Наоборот, если то или иное слово из группы “имен-глаголов” выполняет функцию предиката / сказуемого /, то там скорее всего следует видеть глагол.

Последний принцип синтаксического различения нами принят с большой оговоркой, ибо бывают обычно случаи в синтаксисе, когда в роли предиката часто оказываются имена / например, поговорки “окуу – билим азыгы, билим – ырыс азыгы”/. Несмотря на такую ...кость, мы все же решимся отметить последний признак. Такое решение с оговоркой основано на том, что глаголам свойственно в киргизском предложении / пожалуй не только в языках тюркской системы/ но выражение субъекта или объекта / дополнения / или их атрибутивного значения, а исполнение функции предиката. Иначе говоря, глагол в синтаксисе как правило, выступает в роли сказуемого, хотя бы он иногда занимал необычное для себя местоположение, признанное нами одним из признаков сказуемости²⁵ / например, ук, сен, менин айткан сөзүмдү /.

Как основы “чистых” глаголов и имен, так и основы “имен-глаголов” принимают морфологические формативы путем агглютинации. Тогда они различаются друг от друга не только по семантике, но и по морфологическим аффиксам, прилепляемым к основам в зависимости и в соответствии с исполняемой им функцией опять-таки в синтаксическом строе предложения²⁶ и придающим дополнительное грамматическое значение. Сюда же относится вопрос глагольного отрицания при помощи афф. “ба”. В этом случае мы имеем ярко выраженные формальные различительные признаки глаголов от имен.

Однако, пока речь идет о семантике основ, разбираемых главных частей речи. Поэтому необходимо нам выяснить имеется ли различие между их семантикой.

Как известно, в школьных и отчасти в ряде научных грамматик дается определение глаголу в отличие от имен, как части речи, которая по своей семантике выражает действие или состояние. Подобное определение, как справедливо указывал

---

²⁵ Подробно см. главу II.

²⁶ Примерно, той же точки зрения придерживается И.А.Батманов, см. его “Грамматика киргизского языка, вып. II”, Фрунзе, 1940 г., стр. 6 сл.

акад. И.И.Мещанинов, довольно опрометчиво. По отношению к киргизскому языку оно может быть правильным, когда речь идет об основах, выражающих по семантике или только значение предмета или его качества / жер /земля /, суу /вода/, кар /снег /, кызыл /красный, и т.д. или только действие / глагол /, например, оку / читай/, укта /спи/, ырда /пой/, сүйлө /говори / и т.д./.. Оно ни в коем случае не может быть признано практически применимым в отношении, во-первых, “имен-глаголов”, во-вторых, такой категории имен, которые по значению выражают действия / например, кыймыл – движение, агым – течение, таскак – галоп и т.д. / или состояние / уктоо – сон, жүгүрүш /бег, бегание/. Об этом говорит и академик И.И.Мещанинов: “Содержание понятия о действии и состоянии относятся к лексической стороне глагола, по которой он вовсе не различается с именем, могущим иметь то же содержание”²⁷. Поэтому основной критерий различения, нам кажется, кроется в синтаксисе, где обнаруживается, уточняется, конкретизируется семантика каждой из лексических категорий.

Характерной особенностью, отличающей их в синтаксическом отношении, является, как мы указали выше, не исполнение функции суб»екта или об»екта, а употребление их преимущественно в роли сказуемого /предиката/. Для имен, наоборот, роль сказуемого не свойственна, и поэтому они редко оказываются в предложении в качестве сказуемого. Наряду с этим необходимо различать глагольное сказуемое от именного. В отличие от именного сказуемого, могущего передать значение действия или состояния суб»екта, глагольное сказуемое выражает процесс. “Это выражение процесса переносится с члена предложения /сказуемого/ на часть речи /глагол/ и становится ее характеризующим синтаксическим свойством”²⁸.

Слово, вступающее в синтаксическое сочетание, подвергается в зависимости от исполняемой функции изменениям агглютинативного порядка. Часто, даже выступление одной и той же лексической группы преимущественно в роли одного и того же члена предложения ведет к выработке определенных отличительных признаков. Выполнение глаголами роли преимущественно предиката дало им отличительные от других

²⁷ См. его “Глагол”, М»Л., 1948 г. стр. 79.

²⁸ См. И.И.Мещанинов, названную работу, стр. 179.

частей речи предикативные же показатели. “Слова, по своей семантике выражающие процесс действия или состояния, при их постоянном употреблении в роли сказуемого, снабжаются предикативными показателями времени, лица, наклонения, залога и пр. Эти показатели закрепляются за данной группой слов и становятся ее характеризующими ее грамматическими категориями. Тем самым выделяется часть речи – глагол”²⁹.

Оказывается, основы киргизских глаголов /как “чистых”, так и “имен-глаголов” / в своей безаффиксальной форме могут вступать в синтаксическое сочетание и передавать, кроме выражения процесса действия или состояния суб»екта, одно из грамматических значений, образуемых в иносистемных языках специальным формативом. Точнее: всякая глагольная основа, независимо от того, простая она или производная, оказывалась в предложении сказуемым, выражает грамматическое значение повелительного наклонения 2-го лица единственного числа, ср. значение основ: кел – приходи /ты/, оку – читай; жаз – пиши /ты/ и т.д.³⁰.

В связи с этим необходимо отметить ошибочное представление, имеющее место в одной из работ казаховеда Н.Т.Сауранбаева³¹, в которой он высказывает утверждение, что «Казахские односложные глаголы в своей первоначальной форме /т.е. основе – Ю.Б./ выражают идею действия без дополнительных оттенков. При наращивании соответствующих аффиксов первичные глаголы /side/ приобретают дополнительные оттенки /терминология не точна. - Ю.Б./. Эти дополнительные оттенки /опять!/ есть выражение залогов, видов глагола»³². /стр.15/.

Из приведенной выдержки явствует то, что автор не принял в счет в казахском языке, не имеющем в данном случае расхождение с киргизским, то важнейший грамматический фактор – наклонение, отличающее, как мы видели, глаголы от имен по семантике основы.

---

²⁹ И.И.Мещанинов, “Члены предложения и части речи”, 1945 г., стр. 203.

³⁰ Необходимо иметь в виду, что глагольная основа в словарях по тюркским языкам по соображениям удобства переводится формой инфинитива.

³¹ имеется в виду его “Семантика и функция деепричастий в казахском языке”, Алма-Ата, 1944 г.

³² Уважаемый автор совершенно забывает такие существенные глагольные категории, как времена и наклонения, о которых у нас речь пойдет ниже / см.стр. 46 сл./.

Наряду с этим при изучении отличительных черт глагола от имен в языках тюркской системы должно быть принято во внимание еще одно существенное обстоятельство. Речь идет о морфологических показателях лица, свойственных в языках ряда других систем, например, в прометеидской, только лишь глаголом.

Местоименное спряжение по лицам в языках тюркской системы / в том числе и киргизском не может быть рассматриваемо в качестве отличительных морфологических признаков одних только глаголов. Показатели лица в этих языках являются формантами предикативности и оформляют сказуемому /член предложения/, в роли которого, как мы указываем выше, могут оказываться и имена. Таким образом, в позиции сказуемого и глагол, и имена одинаково принимают показатели лица – аффиксы местоименного спряжения, ср. парадигму глаголов, например, жаз: I л. ед.ч. – жаз – а – мын, 2 л. – жаз – а – сын, спряжение имен, например, бала: I л. ед.ч. – бала-мын, 2 л. – бала-сың. Отсюда очевидно, что местоименные аффиксы / I-го лица – мын / от мен/ - я, 2-го лица – сың / от сен – ты / являются формативами лишь сказуемости, а не глагольности³³.

Следовательно, отличительными признаками глаголов от имен в киргизском языке оказываются: I/ семантически – выражение процесса действия и значения повелительного наклонения 2-го лица ед.числа; 2/ закрепленные только за глаголами морфологические форманты, с помощью которых в отличии от имен передается значение грамматической категории глагольности – наклонений, залогов, видов и времен, а также категория отрицания действия / не делать / при помощи специального аффикса “ба”, которого не принимают имена.

3. Типы глагольных основ

Киргизский язык в своем развитии находится на той стадии, когда, если можно так выразиться, не глазах происходит процесс не только количественного увеличения лексики как

---

³³ Приходится указать еще одну неточность, допущенную Н.Т. Сауранбаевым в названной же работе, где он пишет, что “...к грамматическим формам глагола относится категория лица” / стр.16/, хотя в казахском, так же как и в киргизском, именные основы наряду с глагольными принимают в одинаковой степени местоименные окончания.

путем заимствования, так и использования внутренних ресурсов / функциональный переход значения ранее бытовавших слов к новым понятиям и предметам/, но и наблюдается качественное изменение в самом грамматическом строе. Практическая потребность, пред»являемая развивающимся мышлением, заметно ломает прежнюю структуру и нормы синтаксиса и морфологии, усиливает роль грамматических факторов по сравнению с другими.

Мы являемся свидетелями процесса своеобразной суффиксации / скорее инфиксации вспом.глагола “жат” с деепричастиями двух глаголов – “бар” и “кел”, сочетание которых употребляется двояко: бара жатат – баратат, келе жатат – келатат. Вспомогательный глагол “жат” в обоих случаях / когда он употребляется самостоятельно в составе сложного глагола “бара жатат” и когда он употребляется слитно “баратат” передает одинаковое значение незавершенности действия³⁴. На этом основании, обычно, разбивают на “бара-тат”, считая “тат” универбационным аффиксом / от вспомогат.глагола “жат”³⁵. На наш взгляд, такое деление генетически будет не точно. Было бы правильно расчленение “бара-тат” в “бар – а₁ – т₁ – а₂ – т₂”, где “бар-а”, деепричастие буд.времени гл. “бар”; “т₁” – инфицированный формант, оставшийся от вспом.гл. “жат”, придающий действию оттенок значения назавершенности действия; “а₂” – формант деепричастия буд.вр. инфицированного “сложного” глагола “барат -а” / отсюда: барат – а-м /мын/, барат – а- сың;/; “т₂” – формант, указывающий на 3-е лицо / ср. бара-т /пойдет/ и генетически восходящий к вспомогат. гл. “тур”, а не к “жат”.

Наряду с приведенными выше фактами суффиксации и инфиксации основ, в языке наблюдается слияние основы иного порядка. В живой разговорной речи сочетание глагола “ал” /бери, возьми/ с теми же двумя глаголами /“бар” и “кел”/ употребляется чаще всего слитно /алып бар – алпар – апар; алып кел – апкел – акел/. Несмотря на это, что здесь наличествует совершившийся факт слияния основ, мы не можем признать его двухкомпонентным сложным глаголом, в котором один из

³⁴ См. подробно гл. III, Вспомогательные глаголы “бар, кел, жат”.

³⁵ См. Х.Карасаев и Яншансин “Проекты киргизской орфографии”.

компонентов теряет или модифицирует свою семантику и имеет тенденцию к суффиксации или инфиксации³⁶.

Здесь следует видеть скорее тенденцию к префиксации / ср. формы слияния бара жатат → бар – а – т – т – а – т; алып кел → а + кел/ при сохранении семантики обоих сочленов словосочетания /ср. функцию и семантику служебного компонента “жатат” при основном “бара” с функцией и значением “алып” – взяв, “кел” – придти /приходи/, т.е. в синтезе “принести/.

Указанное обстоятельство создает значительное затруднение в решении вопроса о глагольных основах. Но все же в структурном отношении можно было бы подразделить основы глаголов на два типа: 1/ простые или несложные и 2/ производные или сложные основы, а не на три типа, как поступил И.А.Батманов³⁷. К типу “простых” основ мы относим, так же как И.А.Батманов, такие одно- и многосложные основы, которые не поддаются дальнейшему разложению на морфемы на современной стадии развития языка /ал, бер, сал, ал,тур, карма, кыйкыр и т.д./.. “Производными” основами называем сложные основы, образованные как путем присоединения к глагольным корням словоизменительных аффиксов /залоговых – жаздыр; жазыл, жуун, видовых – чапкыла/ причастных – жазган, жазар; аффиксов времени, наклонения и т.д./, так и путем присоединения к именным корням глаголообразующих аффиксов / жакшы – жакшыла, көк – көгөр, чоң – чоңой, адам – адамсы и пр.³⁸/.

В тюркологической литературе отдельные авторы, кроме указанных двух типов основ, выделяют еще третий тип – “сложные” основы, куда относятся в одном случае сложные глаголы, состоящие из комбинации деепричастия и вспомогательного глагола³⁹. И в другом случае сочетание имени в неоформленном падеже с простым или вспомогательным глаголом⁴⁰.

С нашей точки зрения и та и другая практика лингвистически не оправдана.

³⁶ См. подробно гл. III, Вспомогательные глаголы “бар” и “кел”.

³⁷ См. его “Грамматика киргизского языка”, вып. III, Фрунзе, 1940 г. Стр.5.

³⁸ Перечень этих аффиксов см.названную работу И.А.Батманова, вып. III.

³⁹ См. названную работу И.А.Батманова, стр. 5.

⁴⁰ См. А.Харисов “Категория глагольных видов в башкирск.яз.”, Уфа, 1941 г., стр.5 сл.

Вполне очевидно, что сочетание имени с простыми или вспомогательными глаголами непереходного действия /жардам эт – помогай, кайта кел – вернись/ или средней переходности /доклад кыл – докладывай, баш тарт – откажись, жооп бер – отвечай/ ни в коем случае нельзя рассматривать сложным глаголом. По смыслу они – идиоматическое выражение, синтаксически – сочетание сказуемого /предиката/ с дополнением /объектом/, стоящем в неформальном падеже⁴¹, морфологически мы имеем наличие двух основ /имени глагола/.

Признание различных форм сложного глагола “сложной основой” не только не оправдано лингвистически, но и влечет за собой огромную путаницу, особенно при морфологическом разборе в практической грамматике. Обычно любая основа, как именная, так и глагольная, принимает только один морфологический форматив одной грамматической категории. Например, основа глагола “кой” может принять только один форматив страдательного залога “кой + ул” /орфогр. “коюл”/. В сложно-деепричастном глаголе “жазып кой” /напиши/, где служебный компонент – “кой”, а знаменательный – деепричастие прош.вр.гл. “жаз” – “жазып”, могут быть два морфологических формата одной и той же грамматической категории, например, формант страдательного залога “ыл”: кат жазылып коюлду /письмо написано/ знамен. компонента “жаз”. Отсюда вполне понятно, что каждая основа каждого компонента сложного глагола может самостоятельно принимать грамматические формативы.

4. О деепричастиях.

Деепричастие в киргизском языке должно быть выделено как особая часть речи на том основании, что он не только имеет специфические морфологические признаки, но и резко отличается от других лексических групп как по своей семантике, так и, главным образом, по синтаксическим функциям.

Формирование деепричастия связано с простыми и производными /сложными/ глагольными основами, передающими, как мы указывали выше, значение одной из грамматических категорий глагольности – повелительное

⁴¹ Подробно см. гл. II “Именное сказуемое”.

наклонение 2-го лица ед.числа /оку – читай, чапкыла – хлестай/ многократно/, жазгыз – заставлять писать и т.д.⁴². Иначе говоря, от глагольных основ образуются деепричастные формы посредством присоединения следующих аффиксов:

1. а, ө, о, е – если глагольная основа оканчивается на согласный или “й”, если основа оканчивается на гласный⁴³.

2. “п” – если основа оканчивается на гласный, или ып / ип / уа / үп, - если основа оканчивается на согласный;

3. “ганы” с фонетическими вариантами на согласный и гласный.

4. “гы” с фонетическими вариантами на гласный и согласный⁴⁴.

Ни одна из приведенных четырех форм деепричастия не может быть образована от других, кроме глагольных основ. Поскольку в основе образования деепричастия лежит глагол, постольку деепричастие по своей семантике насыщено вербальностью, чем резко отличится от имени. Однако его содержание не передает много значения кроме выражения понятия о самом действии или состоянии без дополнительных грамматических оттенков. Это обстоятельство выделяет его из других форм глаголов. Например, ср. семантику деепричастия от гл.основы оку: оку-й; оку-п; оку- ганы; оку-гу, где чувствуется какая-то недосказанность, незаконченность мысли. Ср. их в составе сложного глагола: окуй бер / продолжай читать, т.е. читай с оттенком длительности /: окуп бер – прочитай; окуганы отурам – намереваюсь /собираюсь/ читать; окугум келди – хочу читать или наступило /у меня/ желание читать.

Деепричастие, имея специфические, присущие только ему морфологические формативы, отличается от других частей речи, главным образом, по своим синтаксическим функциям, главные из которых:

1. участие в образовании сложного глагола⁴⁵;

⁴² См. по этому вопросу высказывание акад. И.И. Мещанинова и его “Части речи и члены предложения”, 1945 г., стр. 243, 264, 268.

⁴³ О возникновении “й” см. И.А.Батманов, его “Грамматика киргизского языка”, вып. III, стр. 25.

⁴⁴ последние две формы – на “ганы” и “гы” малопродуктивны, но участвуют в составе сложного глагола, см. в гл. III.

⁴⁵ Подробно см. гл. II и III.

2. преимущественное вступление в составе синтаксической группы сказуемого и передача значения обстоятельственного слова при сказуемом /сүйлөй – сүйлөй чечен болоор; керө – керө көсөм болоор/;

3. исполнение значения и функции второстепенного сказуемого в придаточном /деепричастном/ предложении, продолжая оставаться в подчиненном к главному сказуемому положении /Мен библиотекага барып, жаңы китеп алып келдим – Я сходил в библиотеку и принес новую книгу; дословно: Я сходя в библиотеку, пришел, взяв новую книгу/.

Несмотря на широкое употребление деепричастных форм в указанных функциях в синтаксическом строе речи, к сожалению, авторы практической грамматики по киргизскому языку не сочли нужным дать лингвистическое наименование и выделить деепричастие из остальной части речи⁴⁶.

Наряду с этим в тюркологической литературе до сих пор продолжают оставаться спорными такие вопросы: какие формы следует признать деепричастиями и само их наименование. Нами здесь выделены те формы деепричастий, которые имеют непосредственную связь с изучаемой темой, и пользуемся следующими наименованиями:

1. Формы на “п” /ып/, большинством тюркологов называется деепричастиями прошедшего времени.

2. Формы на “й” мы склонны именовать деепричастием утвердительного будущего времени /короче: будущего времени/, т.к. оно лежит в основе образования утвердительного будущего времени несложного глагола. Например, оку – окуймун / буду читать/, кел – келемин / приду/, жаз – жазамын / буду писать, напишу⁴⁷.

---

⁴⁶ См. “Граматику кирг. языка” /Морфология/ Бакеева, а также “Синтаксис кирг. яз.” Н.Макишева и др., предназначенные для киргизской средней школы.

⁴⁷ Эта форма названа Т.И.Мелиоранским деепричастием “несовершенного времени”, проф. А.К. Боровковым и И.А.Батмановым деепричастием “настоящего времени”. Если эти наименования имеют под собою некоторую почву, то наименование его “слитными” или “соединительными” / Ильминским и Н.Н.Дыренковой/, на наш взгляд, ничем не оправдано. Если “слитными” названо, исходя из функции, то придется это наименование присвоить всем деепричастным формам.

3. Деепричастия достигательные или цели – форматив “ганы” они участвуют в образовании распространенной формы сложного глагола, где глагольная основа, снабженная формативом указанного деепричастия, является основным, знаменательным компонентом, передающим, кроме содержания действия или состояния, дополнительный оттенок – намерения достичь цели.

Например, барганы жатам – собираюсь /намереваюсь, имею цель/ идти; жазганы отурам – собираюсь /намереваюсь, имею цель/ писать⁴⁸. Эта форма деепричастия, как и предыдущие две формы части, встречается и в текстах орхоно-енисейских надписей⁴⁹.

4. Деепричастия желанья – форматив “гы”. Семантика и функция его обнаруживается также в составе сложного глагола, где снабженная указанным формативом глагольная основа является основным, знаменательным компонентом, а вспомогательный глагол “кел – приходи”, модифицируя свою семантику, передает дополнительный смысловой оттенок – желание совершить действие, заключенное в семантике основного компонента⁵⁰, например, баргым келди – хочется идти /мне/, жазгың келди – хочется писать /тебе/, окугусу келди – хочется писать /ему/.

5. О причастиях.

Причастия в киргизском языке категория синтаксическая. Семантически они суть глаголы.

Если в современном состоянии языка деепричастие выделилось от других частей морфологически, имея отличительные формальные показатели, то причастия еще не выделились присущими только им, специальными формативами. Пока можно говорить только об общих, как для глагола, так и для причастия, морфологических показателях, какими являются следующие:

1. “ган” с фонетическими вариантами на гласные и согласные /кан, гон/кон; ген/кен, гөн/көн/.

⁴⁸ Подробнее см. главу III.

⁴⁹ См. W-Radloff „Die Alttyrkische Inschriften der Mongolei. Neue Folge“. Сиб. 1897 г. стр. 126 сл.

⁵⁰ Об особенностях спряжения этого типа сложн. глаголов см. главу III, вспомог. гл. “кел”.

2. “ар” / ба(па) – с фонетическими вариантами для а/ положительной формы /на “ар”/; р, ар, ер, ор, өр; б/ отрицательной формы / ба(па) – с/; / ба(па) с, / бе(пе) с, / бо(по) с, / бе(пе) с⁵¹.

Обе эти формы образуются от простых и производных глагольных основ /кел – келген, келер, келбес и т.д. /, а также от аналитической конструкции сложных глаголов путем присоединения к спрягаемому служебному компоненту указанных формативов /окуп жат – окуп жаткан, окуп жатар, окуп – жатпас; келе тур – келе турган, келе турар, келе турбас и т.д./⁵².

То обстоятельство, что причастие образуется от глагольных основ, резко отличает его от лексической группы имен, но выражающих по семантике процесс действия или состояния. Тем самым причастие сближается с глаголом. Сближение это идет гораздо глубже и тем, что причастие наряду с насыщенной вербальностью передает и понятие грамматической категории времени /прошед.вр. – келген – приходил/, будущ.неопр.вр. / келеер – наверно придет/, свойственно глагольности. Только по этим семантическим признакам нельзя было бы нам выделить причастие от глагола. Однако различие частей речи должно идти не только по указанным признакам. Необходимо наряду с этим принимать во внимание синтаксическую их функцию. Только последнее обстоятельство лежит в основе нашего разделения причастия не только от глаголов, но и от других лексических групп.

Синтаксически причастие отличается от имен тем, что оно, оказываясь в роли сказуемого, передает значение глагольности, т.е. выражает процесс действия или состояния с грамматическими оттенками времени, вида, залога. /Например, ср.значение и функцию причастия в предложениях: “Мен китепти окутканмын” и “Мен катты Акматка жаздырармын”, где в обоих случаях сказуемое выражает, кроме понятия процесса

⁵¹ Подробное описание см. И.А.Батманов, “Грамматика киргизского языка”, вып. III, стр. 17-24.

⁵² В казахском яз. сочетание “келе турган” имеет спряг.форму “келетин”. В кирг. яз. такая универбация основ не совершилась, как то произошло в казах. и ойротск.языках. См. Н.И.Дыренкова; “Грамматика ойротского языка”, 1940 г. стр. 140.

действия, значение времени и залога. Или в предложении “Мен катты Акматка жаздырып койгонмун /или коермун/”, где, кроме вышеуказанных значений, передается видовое понятие/.

Причастие, выступая в роли сказуемого, принимает, подобно деепричастиям, форманты сказуемости – окончания личного сопряжения и тем самым становятся полноценными глаголами. Однако в синтаксическом строе речи эти “глаголы” с причастными формативами на “ган” и “ар/бас”⁵³ исполняют такие функции, которые вовсе не свойственны глаголам. В отличие от последних причастия могут быть подлежащим / например, Аш кадырын ачыккан билет /поговорка – прелесть пици узнает голодный; Көп жашаган билбейт, көптү көргөн билет/; прямыми или косвенными дополнениями/ Жаман көргөндун бөркү казанбактай /поговорка/ – у ненавистного / человека/ шапка / велика / как футляр для котла; Бирөө билбегенди бирөө билет; бергенин доолаган жамандын иши/; атрибутивными членами суб»екта или об»екта или в роли прилагательного / буудайдын барар жери – тегирмен (пог.); ириген ооздон чириген сөз чыгат (пог.) и т.д./. В указанных синтаксических позициях причастия, по вполне понятным причинам, не принимают показателей сказуемости⁵⁴.

Двойственная роль причастий в синтаксическом строе речи не может не играть решающего значения в выделении лексических групп на части речи. Она же позволяет различать причастия от глаголов, с которыми они не имеют существенных расхождений по смысловому содержанию.

Поэтому мы считаем необходимым рассматривать указанные выше формы на “ган” и “ар/ба/с”, как причастия, выделив их не только от имен, но и от глаголов, в отличие от некоторых тюркологов, которые называют эти формы “глагольно-именными”⁵⁵.

⁵³ О появлении конечного “с” вм. ожидаемого “р” / албас вм. албар/ см. проф. Н.К.Дмитриев, “Грам.башк.яз.” стр. 193.

⁵⁴ Однако следует здесь различать аффиксы притяжения /принадлежности / по лицам от аффиксов сказуемости или личного спряжения; алган-ы-м, алган-мын; адам-ы-м, адам-мын; окуучу-м, окуучу-мун, первые из которых не являются показателями предикативности.

⁵⁵ См. И.А.Батманов, Грамматика кирг.яз., III, стр. 17; также Н.П.Дыренкова “Грамматика ойротского яз., стр.141 сл.; Н.М. Насилов, “Грамматика

При этом форму на “ган” называем причастием прошедшего времени по той причине, что она выражает значение прошедшего времени⁵⁶. По смысловым же значениям следует именовать форму на “ар” причастием неопределенного будущего времени⁵⁷.

6. Категория времени.

Еще нет специальной работы, посвященной категории времени в киргизском языке. Однако в трудах тюркологов по грамматике отдельных языков тюркской системы этому вопросу отводятся специальные разделы. Среди них более подробное описание глагольных времен в современном киргизском языке мы находим у И.А.Батманова⁵⁸.

Учитывая высказывания о глагольных временах в языках тюркской системы и опыт грамматики, посвященной специально изучаемому языку, можно было бы получить следующую общую схему построения времен в киргизском языке:

Настоящее время / несложная форма/.

1. Простое настоящее время может быть образовано только от 4-х глаголов присоединением местоименных аффиксов к их основам – жат /ыр/ /ыры/, отур/у/, тур/у/, жур/у/ – образуется настоящее время типа:

1 л.ед.ч. жат ырымын / редко в киргизском языке, как правило, в казахском – жатырмын/, – лежу в данный момент.

2 л. ед.ч.жатырысың / с той же оговоркой в казахском языке – жатырсың/, – ты лежишь в данный момент.

3 л.ед.ч. – жатыры /каз.жатыр /, – он лежит в данный момент.

Во множественном числе изменяются лишь аффиксы сказуемости.

уйгурского яз., стр. 101 сл.

⁵⁶ Необходимо различать эту форму от малопродуктивной формы на “аган” /с фонетическими вариантами на гласн. и согласные/, выражающие обладание или склонность к чему-нибудь, например, көрөгөн көз – глаза, обладающие дальновзоркостью, кабаган ит – собака, имеющая привычку укусить. Подробнее см.по этому высказывание Н.К.Дмитриева “Грамматика кумыкского языка”, стр.156 сл.

⁵⁷ В этой работе рассматриваются только такие формы причастий, которые так или иначе касаются исследуемой речи.

⁵⁸ См.его “Грамматика киргизского языка” вып. III, 1940 г.

Указанная форма настоящего времени мало /или почти/ не употребительна в литературе, но в живой разговорной речи встречается архаичная форма.

Прошедшее время / несложные формы/

1. Прошедшее утвердительное образуется присоединением к любой простой и производной глагольной основе аффикса “ды” / с фонетическими вариантами на согласные и гласные и аффикса личного спряжения, например, бар-ды-м /ходил, и сходил/, кес-ти-м /резал/; оку-ду-м /читал/; метрле-ди-м и т.д.

2. Прошедшее первое или ближайшее получается в результате наращения аффикса причастия прошедшего времени /ган/ и аффикса сказуемого к простой и производной глагольной основе: бар-ган-мын / сокр.форма – баргам /ходил, сходил/; ойло-гом/ – думал.

3. Прошедшее обычное, многократное время образуется в результате присоединения к глагольной основе аффикса “чу” и формата личного спряжения, например, бар-чу-мун / обычно, я хаживал /, оку-чу-мун/ обычно, я прочитывал/.

Будущее время /несложная форма/

1. Утвердительное будущее образуется присоединением к деепричастиям будущего времени аффиксов личного спряжения первого и второго лица единственного и множественного числа, например,

	ед.число	множ.число
I л.	жаз-а-м /мын/ - я напишу оку-й-м/мун/ - я прочту	жаз-а-быз – мы напишем оку-й-буз – мы прочтем
II л.	жаз-а-сың - ты напишешь вежл.ф. жаз-а-сыз- вы напишите оку-й-суң – ты прочтешь	жаз-а-сыңар – вы напишете жаз-а-сыздар ->- оку-й-суңар – вы прочтете
III л.	вежл.ф. оку-й-суз – вы прочтете жаз-а-т ⁵⁹ - он напишет оку-й-т - он прочтет	оку-й-суздар ->- жаз-а-т ⁶⁰ оку-й-т

⁵⁹ О происхождении личного окончания III-го лица от вспомогательного глагола “тур” см. Н.И.Дыренкова “Грамматика ойротского языка”, Москва, 1940 г., стр. 197; И.А.Батманов “Грамматика киргизского языка”, вып. III, Фрунзе, 1940 г., стр.26; В.М.Насилов “Роль сказуемого в уйгурском предложении” Труды института Востоковедения, вып. I, 1939 г.

⁶⁰ В современном /чаще литературном/ языке имеется тенденция все чаще употреблять аффикс взаимного склонения “и” в роли показателя III лица множественного числа, например, жаз-ы-ш-а-т, оку-ш-а-т.

Необходимо отметить, что некоторые авторы эту форму называют то обычным настоящим временем /Н.Т.Сауранбаев/, то настоящее-будущим времен /И.М.Мелиоранский/, то настоящим длительным /И.А.Батманов/.

С нашей точки зрения, если есть некоторое основание назвать ее настоящее-будущим временем, как это делал еще Мелиоранский, то отношение ее только лишь к настоящему времени не имеет под собой почвы. Дело заканчивается в том, что в этой форме глагола заложено два понятия, а именно: первое выражение обычности действия, свойственное субъекту, который является действующим лицом в высказывании, подобно так называемому русскому “настоящему времени” в выражениях “соловей поет”, “птица летает”, “студент учится в институте”, где глагольные формы указывают не столько на совершаемость действия в настоящее время, сколько на обычность совершаемых действий тем или иным предметам, т.е. птице свойственно летать, соловью свойственно петь и т.д. В таком смысле часто употребляется эта форма в поговорках “жан кыйналбай жумуш бүтпөйт” /работа не заканчивается, пока не потрудишься, “Талаптанбай муратка жетпейт”/ цель не достигнется, пока не стремишься. Или, если кто-нибудь находится не дома, а на работе, говорят: “ал кызматта жүрөт” /он находится на работе/. Тут опять указывается только лишь на обычность действия, что он вообще находится на работе.

Эта форма имеет другое, более употребительное значение выражения действия, долженствующего определенно совершиться в будущем. В этом значении чаще всего употребляется и в литературе и в живой речи. Мен энеме кат жазамын“ /Я напишу письмо матери, еще точнее: Я буду писать письмо матери/, “Уулум киного барат” /Сын мой пойдет/ или будет идти /в кино/ и т.д. Глаголы в последних примерах можно понять только в смысле будущего времени, ибо совершаемое действие является не обычным занятием грамматических субъектов. Для выражения действия, совершаемого в настоящее время, как правило, прибегают к сложным глагольным формам. Исходя из указанных соображений мы считаем правильным назвать эту форму утвердительным будущим.

2. Присоединяя к причастиям будущего времени на “ар” /отриц. бас/ форматив личного спряжения получаем форму неопределенного будущего времени, например:

бар-ар-мын /наверно пойду/, ич-ер-мин /наверно выпью/, оку-ур-мун /наверно прочту/ и т.д.

3. Производная основа на “мак/чы”, соединяясь с местным именным аффиксом, выражает намерение с оттенком долженствования совершить действие в будущем:

бар-мак-мын – я собираюсь /пойти / с оттенком долженствования/ бар-мак-чы-мын - -»- -»- -»- -»-

4. Чтобы закончить схему образования простых времен в киргизском языке, необходимо указать еще на одну форму, получившую применение, как нам кажется, за последнее время.

Подобно тому, как в узбекском и уйгурском языках инфинитивные основы на “мак” в местном падеже, принимая аффикс местоименного спряжения, употребляются в роли глагола со значением времени, уже начатого, но еще незаконченного действия, так и в киргизском литературном языке и в живой разговорной речи наблюдается употребление основ на долгие гласные в местном падеже с присоединением аффикса сказуемости в роли глагола. Например, биз өсүүдөбүз, биздин социалистик эл чарбабыз жана маданиятыбыз күндөн күнгө өнүгүүдө /из газ. “К.К.”/, дословный перевод которого выглядит мы /находимся/ в развитии /в процессе развития/, изо дня в день в развитии /находится/ наше социалистическое народное хозяйство и культура.

С нашей точки зрения, в приведенном предложении слово “өсүүдөбүз” представляет собой не просто оформленным именным сказуемым, как например, “биз кишибиз” /мы – люди/, не сказуемым вербального содержания. Оно, являясь предикатом высказывания, передает понятие, что грамматический субъект высказывания находится в процессе действия, в процессе развития, передает не просто движение, которое не имеет временного отношения, а движение, довольно очерченное во времени и пространстве.

Когда говорящий произносит фразу “биз өсүүдөбүз” / мы находимся в развитии/, он ясно представляет себе,

что предикативное слово “өсүүдөбүз” не безотносительно во времени, что динамика движения относится не к прошлому, а к настоящему, т.е. развитие идет, но не закончилась. Поскольку такая форма сказуемого выражает конкретное действие во времени /уже начатое, но еще незаконченное/, мы склонны рассматривать подобного рода сказуемое не только как член предложения, но и как часть речи, своеобразный – глагол, содержащий грамматическое понятие настояще-будущего времени. Точнее следует называть эту форму процессуальным⁶¹ настояще-будущим временем.

7. Наклонение.

Мы уже имели случай заметить, что одной из характерных черт простых и произвольных глагольных основ в отличие от именных заключается в том, что в них заложено значение повелительного наклонения второго лица единственного числа. Теперь рассмотрим способы образования других видов грамматической категории наклонения.

1. Изъявительное наклонение выражается всеми формами настоящего, прошедшего и будущего времен, кроме прошедшего на “ган+дыр”, неожиданного прошедшего на “мы - дыр” / и без “дыр”, будущего намерения на “мак” и неожиданного будущего на “ар”.

2. Повелительное наклонение имеет две разновидности / обычная и вежливая/ и относится только ко вторым и к третьим лицам единственного и множественного числа.

а/ обычная форма:

	ед.число	множ.число
II лицо	бар /иди, езжай оку/ читай	бар-гы-ла оку-гу-ла
III лицо	бар-сын / пусть он пойдет, поедет/ оку-сун /пусть он читает/	бар-ыш-сын ⁶² оку-ш-сун

⁶¹ Нами заимствован термин, употребленный В.И.Насиловым; см. его “Грамматика уйгурского языка”, Москва, 1940 г., стр.109.

⁶² “ыш” /”ш”/ - аффикс взаимного залога. Он часто употребляется и в значении показателя множественности.

а/ вежливая форма/относится только ко второму лицу:

ед.число	множ.число
бар-ы-ңыз	бар-ы-ңыз-дар
Сиз	сиздер
оку-ңуз	оку-ңуз-дар

3. Желательное наклонение несложных глаголов имеет две формы: обе со значением выражения пожелания достичь цели, но одна из них с формативом “гай” более рельефно подчеркивает значение пожелания.

а/ первая / обычная/ форма:

	ед.число	множ.число
I лицо	бар-а-й-/ы/н	бар-а-лы/к/
	оку-й/у/н	оку-й-лу/к/
	бар-гын ⁶³	
2 лицо	оку-гун	

б/ усилительная форма на –гай/

	ед.число	множ.число
I лицо	бар-гай-мын	бар-гай-быз
	оку-гай-мын	оку-гай-быз
II лицо	бар-гай-сың	бар-гай-сың-ар
II лицо /вежл/	бар-гай-сыз	бар-гай-сыз-дар
III лицо	бар-гай	бар-гай /эле/

Как к повелительным, так и к желательным наклонениям, кроме формы на “гай”, во всех лицах един. и множ. числа может быть присоединена усилительная частица “чы”.

⁶³ Эта форма не имеет множественного числа. Кроме того необходимо отметить, что в зависимости от семантики глагола и контекста высказывания форматив “гын” выражает или благожелательное или зложелательное значения, например, жаша /живи/, көп жашагын /чтобы тебе жить долго/; кашай /ослепни/, кашайгын /чтобы тебе ослепнуть или чтобы ты был слепым/. В тех же благо- или зло-желательных значениях употребляется и другой форматив “гыр”: байыгыр /чтобы тебе быть богатым/, тентигир /чтобы тебе идти по миру /просить милостыню/.

4. Наклонение намерения с оттенком долженствования с формативом “мак-/чы/” спрягается во всех лицах един. и множ. числа и выражает значение намерения с оттенком долженствования совершить действие, которое намеревается совершить в будущем.

5. Наклонение неожиданности со значением “оказывается” выражается неожиданным прошедшим временем, сконструированным из деепричастия на “п”, и с присоединением аффиксов “дыр” и личного спряжения, например, барыптырмын /оказывается, ходил/, барыптырсың /оказывается, ты ходил. В первом и втором лицах суффикс “дыр” может быть опущен, но значение неожиданности сохраняется.

6. Наклонение сомнительности со значением “наверное”, “пожалуй” имеет две формы: 1/ одно из них образуется причастной формой на “ган” и аффиксом “дыр” и оформляется парадигмой спряжения во всех лицах един. и множ. числа. Окугандырмын – /наверное /пожалуй/ я читал/; 2/ второй тип этого же наклонения представляет причастная форма на “ар” со значением будущего времени, спрягаемая во всех лицах един. и множ. числа и выражает сомнение в совершаемости действия, заключенного в семантике причастия, жазармын /наверно, пожалуй, напишу/, окуурмун /наверно пожалуй прочту/.

7. Условное наклонение, если не учитывать его синтаксическую форму /эгерде барсам/ со служебным словом “эгер” персидского происхождения, употребление которого характеризует лишь книжность речи, несложная, морфологическая форма выражается аффиксом “са” /с фонетическими вариантами на гласных/, присоединяемым между глагольной основой и формативами сказуемости, например, бар-са-м, оку-са-ңыз, ойло-со-нуз-дар. Аффикс отрицания “ба” предшествует условным /оку-ба-са-ңыз/, а усилительная частица “чы” может последовать после всех этих формативов /ок-ба-са-ңыз-дар-чы/.

8. Залоги.

Категории залогов в киргизском языке со свойственными аффиксами довольно подробно изложена у И.А.Батманова⁶⁴. Значение переходности и непереходности заложена в самой

⁶⁴ См. его “Грамматика киргизского языка”, вып. III, стр.8.

семантике глагольных основ. При непереходных глаголах в предложении прямой объект отсутствует, глагольное сказуемое выражает лишь состояние или динамику движения самого субъекта: Акмат уктап жатат / Акмат спит /, Акмат бүгүн келди / Акмат пришел сегодня/.

В законченных высказываниях с переходными глаголами присутствие объекта наоборот обязательно. Нельзя считать законченным предложение с переходными глаголами, где нет объекта, например, Акмат жазды или Акмат кармады. В законченных предложениях объект, на который переносится действие переходными глаголами, оформляется специальным морфологическим выраженным падежным окончанием, когда речь идет о конкретном объекте, или он ставится в неформленном падеже, например, Акмат ат токуду, но Акмат керкашка атты токуду. “Семантика самого глагола, - говорит академик И.И.Мещанинов, - несомненно играет здесь / т.е. в образовании залогов – Б.Ю./ свою роль... Залоговое деление все время идет по линии семантики предложения, которой подчиняется семантика глагола”⁶⁵.

Исходя из вышесказанных соображений, мы склонны в схему залогового деления включить еще две залоговых категории, а именно: действительный залог /с переходными глаголами/ и средний залог /с непереходными глаголами/.

Разделяя мнение И.А.Батманова по вопросам о способах и формах залогового образования в киргизском языке, нам лишь остается добавить:

1. Категория понудительности “третьей” степени, тонко подмеченная на материале кумыкского языка профессором Н.К.Дмитриевым⁶⁶, характерна и для киргизского языка, например, бил-дир-т-киз, жаз-дыр-т-кыз и т.д.

2. Переход возвратного залога /жуу-н/ присоединением аффикса “т” в понудительный “второй степени” – жуу-н-т, кийи-н-т, аффиксом “дыр” или “гыз” в третью – жуу-н-т-тур, кийи-н-т-киз.

---

⁶⁵ См. его “Глагол”, Москва, 1948 год, стр.110.

⁶⁶ См. его “Грамматика кумыкского языка”, Москва, 1940. стр.135, сл. Однако следует отметить, что понудительность “четвертой степени” теоретически допустимая, практически неупотребительна для киргизского языка.

9. Виды

Различные точки зрения имеются о наличии видов, передаваемых основами глагола в языках тюркской системы. Одни доказывают, что основа глагола не выражает видового содержания, что семантическое различие вида не характеризуется какими-либо специальными словообразующими суффиксами⁶⁷. Другие же наоборот утверждают, что “категория вида заложена в значении самой основы”⁶⁸.

В действительности же простые или первичные основы глаголов не носят видовых оттенков. Нельзя сказать, что, например, в киргизском языке основы глаголов “оку”, “кыл” и др. содержат значение несовершенного вида, а основы “кир”, “чык” и др. – совершенного вида /И.А.Батманов/. В семантике этих основ нет ни малейшего намека на совершенность и несовершенность действия.

Если под категорией видов понимать характер протекания процесса действия, “взятого отвлеченно, без указания на отношение к нему действующего лица” /И.И.Мещанинов/, если виды передают понятие о совершенности и несовершенности, многократности и однократности, мгновенности и длительности, потенциальности и возможности действия и т.д., то в производных основах киргизских глаголов можно заметить наличие видовых значений. Некоторые аффиксы, присоединяясь только к простым глагольным основам, образуют производные глагольные основы и указывают на характер протекания процесса действия. Так, аффикс “кыла”⁶⁹ с фонетическими вариантами /на согласные и гласные/ выражает категорию многократности или повторяемости действия чап-кыла: Атымды камчы менен чапкыладым – Свою лошадь бил плетью /многократно/; ср. чаптым – бил /однократно/. Тот же аффикс при наращении к простым основам, оканчивающимся на гласный, принимает сокращенную форму в виде “ла”, напр., кар-ма-ла, саба-ла. Однако этот форматив малопродуктивен.

---

⁶⁷ См. “Труды Московского института Востоковедения”, с.№4, 1947 г. статья В.И.Насилова “К вопросу о грамматических категориях вида в тюркских языках”.

⁶⁸ См. И.А.Батманова, названный вып. III, стр.36.

⁶⁹ Нельзя путать с окончанием 2 лица множественного числа обычной формы повелительного наклонения.

Аффикс “ыңкыра” / с фонетическими вариантами на гласный, присоединяемый к глагольной основе, характеризует процесс действия совершенно с другой стороны так, что даже трудно подобрать подходящий термин из русского лексикона. Например, бас /ходи/, бас-ыңкыра /ходи еще немного/; түшүн /понимай/, түшүн-үңкөрөбөдүм /немножко не понял/; жаз /пиши/, жаз-ыңкыра /пиши еще немного/; оку /читай/, оку-ңкура /читай еще немного/.

Подобную форму видообразования производного глагола назовем условно категорией несовершенного вида.

Заканчивая общие замечания о глаголах, необходимо указать, что мы перечислили лишь те грамматические категории глагольности, которые или заложены в самой простой глагольной основе или возникают морфологически в результате присоединения к ним различных агглютинирующих аффиксов.

Наряду с этим в языке имеется еще и другой, не менее важный способ, на которой до сих пор обращалось мало внимания, – синтаксический способ, который значительно пополняет грамматический арсенал глагола. Различные способы и многочисленные оттенки грамматических категорий времени, наклонения и в особенности видов читатель найдет в следующих разделах, посвященных сложным глагольным формам и их значениям.

Нами сделаны выше попытки /по мере возможности и необходимости/ уточнить общепринятое традиционное определение и дать общую картину о типах глагольных основ, о деепричастных и причастных образованиях, о грамматических категориях глагола/ время, наклонения, залоги и виды/ в киргизском языке.

Все уяснения этих вопросов в дальнейших наших рассуждениях приходилось бы на каждом шагу прибегать к вынужденным многочисленным примечаниям и оговоркам, так как среди вышедших практических грамматик и научных трудов по киргизскому языку еще не имеется работы, где была бы дана систематизация указанных выше категорий глаголов.

Не только поэтому понадобились нам общие замечания о глаголах. Основная наша цель заключалась в том, чтобы показать отличительные черты глаголов, как особой части речи, от других лексических групп. Такими отличительными свойствами глаголов явились: I/ способность глагольных основ /как простых, так и производных от имен при помощи специальных глаголообразующих суффиксов/ превратиться в деепричастие

или причастие, которые при помощи местоименных спряжений и дают основные категории времени; 2/ свойство глаголов в отличие от имен выражать значение времени, наклонения, залогов и видов.

При этом не трудно было заметить то обстоятельство, что к глагольным основам для исполнения указанных грамматических заданий приходилось присоединять различные морфологические формативы, закрепленные только за глаголами, если не считать аффиксы личного спряжения, которые оказались общими для лексических групп, выступающих в роли сказуемого.

На основании исследовательских материалов по тюркским языкам очевидно и то, что сами эти морфологические формативы, различные аффиксы, закрепленные за глаголами, некогда служили, а некоторые на них даже и сейчас служат, в языке самостоятельными или вспомогательными элементами, например, аффиксы “местоименного спряжения I-го и 2-го лица /мен, сен/, окончание третьего лица простого будущего времени /д/т/ /от “тур-дур”/ и аффикс сомнительности “дыр” от того же /дур-тур/. Указанное обстоятельство подтверждает лишь следующие выводы академика И.И.Мещанинова, сделанные на материале разносистемных языков мира: “...если ко всей сложной схеме служебных слов и служебных частиц, входящих в состав сказуемого, подойти с исторической перспективой, то процесс образования глагольных суффиксов выразится, примерно, в следующем виде: все подобного рода предикативные показатели можно представить себе как выраженные отдельными словами в составе синтаксических групп сказуемого. Часть этих слов слилась с ведущим словом синтаксически об»единенной группы сказуемого, выделив часть речи-глагол в его состав как закрепившееся за ним предикативные показатели”⁷⁰. Предками таких служебных слов и предикативных показателей, некогда служивших и служащих теперь самостоятельной лексической группой, оказываются не только местоимения /мен, сен/, ставшие формантом глагольного именного сказуемого, не только имена, превращенные в обстоятельственные слова /в наречие/ и служащие теперь послелогоми /боюнча, жайында, тууралуу, жөнүндө, менен и др./, но и такими предками оказываются глаголы /”тур”, “жат” и др./.

---

⁷⁰ См. его “Члены предложения и части речи”, стр. 253.

ГЛАВА II. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ – СЛУЖЕБНЫЙ КОМПОНЕНТ СОСТАВНОГО СКАЗУЕМОГО.

1. Составное именовое сказуемое и его служебный компонент.

Вспомогательный глагол в киргизском языке и в ряде других языков тюркской системы представляет собою категорию не лексическую, а синтаксическую. По смысловому содержанию он – обыкновенный глагол, член предложения, “функцией которого является выражение процесса, устанавливающего суб»ект высказывания в его реальной действительности, в бытии”⁷¹. Ему присущи также все те общеглагольные морфологические признаки грамматического значения, которые перечислены нами в предыдущей главе.

Таким образом, в общей своей массе вспомогательные глаголы ни по семантическим⁷², ни по формальным признакам не отличаются от обычных глаголов.

Нельзя отрицать того, что сама семантика в значительной мере зависит от того какую функцию исполняет в предложении то или иное слово. Отдельное слово полисемантического характера /ич – нутро, пей; той – пир, накушайся и т.п./ свое конкретное значение может приобрести, вступая лишь в синтаксическое сочетание. Из этого бесспорного закона может быть некоторое исключение. В живой речи собеседники могут понять слово “той” в значении “пир”, если этому соответствовала определенная обстановка.

Если подобные имена-глаголы, вступая в синтаксическое сочетание, выявляют свое лексическое значение и свою предложность к имени или глаголу, то вспомогательные глаголы, благодаря вступлению их в синтаксическое сочетание, выражают лишь грамматическое значение, лишаясь своей первоначальной семантики. Однако такое свойство может быть приобретено

---

⁷¹ Акад. И.И.Мещанинов, “Глагол”, стр.6.

⁷² Это положение не касается нескольких применимых служебных глаголов, утерявших или находящихся на грани утери своей семантики. О них пойдет речь ниже.

вспомогательными глаголами не во всяком сочетании, а лишь в сочетании их в составе сказуемого.

В позиции сказуемого, как имя в широком смысле этого слова, так и глаголы продолжают сохранять свои грамматические особенности. Такими особенностями имен в отличие от глаголов являются то, что первым не свойственно выражать грамматическое значение наклонения, времени, видов, залогов.

Имя, оказываясь в позиции сказуемого, становится предикатом, не выражающим грамматическое значение глагольности и не принимает морфологические формативы, свойственные глаголам. Оно может иметь только другие предикативные показатели, свойственные любому представителю любой лексической группы, могущему выступать в роли сказуемого. Такими предикативными показателями в изучаемом языке является местоположение и форманты личного окончания /мен колхозчумун; Акмат – студент; сен жумушчусуң/.

В синтаксическом строе речи роль имен значительно шире. Они могут быть в нем подлежащими, обозначающими субъект, дополнениями, обозначающими объект высказывания или обстоятельственными членами предложения. Глаголы же, наоборот, эти синтаксические функции, определяются семантикой глагола, но и она выражена формальными показателями. Активным действовавшим лицом является субъект “сен /ты/”, который оформлен в именительном падеже и имеет в самом морфологическом составе глагола формальный указатель, выраженный окончанием 2-го лица ед.числа “сың”. Если бы последнего не было, глагол порвал бы всякую связь с подлежащим и все действие относилось бы не к нему.

Глагол устанавливает связь с объектом “ат” /лошадь/ тем, что своей переходностью семантики он вызвал необходимость принимать объекту форматив винительного падежа “ты” /атты/. Деепричастие “аябай” /не щадя/ выступает при глаголе в качестве обстоятельства образа действия и характеризует только его /аябай чапкылаткансың – /ты/ заставил кого-то хлестать, не щадя/. Таким образом, все члены предложения тесно связаны и логически и формально со сказуемым и выражают в целом законченную мысль /ты заставил кого-то хлестать лошадь/.

Кроме всего сказанного разбираемый глагол имеет следующие значения: 1/ он благодаря форматива “кан” указывает на время совершенности действия в прошлом; 2/ морфологический показатель “кыла”, присоединенный к основе, выражает видовое значение многократности или повторяемости действия; 3/ форматив “т” передает значение понудительного залога. В результате присоединения этого форманта получается смысл, что субъект высказывания был лишь понудительной причиной совершенности действия, которое совершилось по существу не подлежащим разбираемого предложения, а кем-то другим. 4/ глагол имеет значение изъявительного наклонения, ибо в нем нет понятия о повелительности, желательности, страдательности, долженствовательности и т.д. 5/ Наконец, глагол получил двух показателей синтаксического значения /местоположения и аффикс сказуемости/ и тем самым стал сказуемым, предикатом суждения.

Однако роль сказуемого доступна не всем глаголам, а лишь таким, которые имеют полноценную значимость. В роли сказуемого не может служить утратившая семантику и свойства глагольности связка “эле”.

Наблюдаются в языке и такие случаи, когда отдельные глаголы и имена, с одной стороны, продолжают иметь семантику и характерные той же лексической группе грамматические показатели морфологического и синтаксического порядка, но, с другой стороны, те же имена и глаголы, закрепив за собой один из морфологических формативов и становясь окостеневшей формой, теряют свою полноценную значимость⁷³. Слова последнего типа, независимо от того, отглагольные или отименные, также лишаются исполнения роли сказуемого.

Если только то или иное имя или глагол сохранили свою семантическую значимость и грамматическое свойство, они могут быть полнокровным исполнителем функций простого сказуемого. Когда в качестве последнего выступает имя, мы имеем именное сказуемое. Полнозначимый глагол дает глагольное сказуемое.

В позиции предиката может оказаться не одно полнозначимое имя или полнозначимый глагол. В той же позиции может

---

⁷³ Сравни, окостеневшую форму “тура” /оказывается/ от глагола “тур”, см. вспом.глагол “тур”; также служебные послелого “жайында” / от “жай”/ “боюнча” от “бой”/ “тууралу”/ от прилагательн. “туура/ и др.

находиться сочетание слов. Если в роли предиката имеет словосочетание, то такое сказуемое в синтаксисе принято называть составным или сложным сказуемым.

Проследив состав сложного сказуемого, мы видим, что он строится и в количественном и в лексическом отношении из различных слагаемых частей. Мы не ставим перед собой в настоящей работе задачу разобрать все виды составного сказуемого. Этот вопрос во всех деталях должен быть разрешен в связи с исследованием форм сочетаний и синтаксических значений многосложных глаголов. Круг нашей задачи пока ограничивается выявлением вспомогательности или модальности некоторых глаголов и их синтаксического значения в пределах, главным образом, двухсоставного сказуемого. С этой точки зрения мы рассматриваем состав как сложного именного, так и сложного глагольного сказуемого.

Лексический состав имен /существительные, прилагательные, числительные, местоимения/, подобно глаголам, вступает в позиции предиката, как мы указывали, со всеми своими характерными чертами. Еще одной характерной особенностью имен существительных, прилагательных и отчасти числительных в киргизском языке следует считать часто встречающиеся их формы в виде словочетаний, состоящие в большинстве случаев, на двух слагаемых между собой безаффиксальных элементов, выражающих в общем комплексе одно семантическое понятие. Каждый из этих слагаемых элементов может быть полнозначимыми /темир жол – досл. железо+дорога, по смыслу железная дорога/; один из них может быть уже лишен значимости или находиться на стадии утери семантики /ср. кашкулак, где “Каш” не имеет значения, “кулак” – ухо; ср. жарганат – летучая мышь – где первая часть “жар” в данном сочетании потеряла свое значение/; бывают сочетания, где каждый из сочленов означает противоположное понятие /ср. өөдө-ылдый, – где “өөдө” – выше, верх; “ылдый” – низ, вниз: кары-жаш – старый-молодой/; их значения могут быть синонимического характера /ачык-айкын – ясно; соо-саламат – здоров/; бывают сочетания собирательного значения /завод-фабрика; өнөр-жай – промышленность; эл-журт – народ; оруу-жыюу – уборка “урожая”/; Ата-эне – родители/.

Если встречаются сочетания числительных, то они имеют собирательное значение с оттенком приблизительности /Он – он беш – приблизительно: десять или пятнадцать; бир-эки/.

Любое сочетание имен между собой, если только его сочлены соединены по выработанным языковой практикой нормам, передает единое понятие и этой своеобразной семантикой может оказаться в позиции сказуемого, приняв его предикативные признаки /местоположение и аффикс сказуемости/. Так как имя предикат состоит не из глагола, а из имени, причем из двух сочленов, мы называем его синтаксически составным или сложным именным сказуемым.

Прослеживается в языке еще и другой тип сложного именного сказуемого, состоящий из полноценного имени со знаменательным значением и одного из служебных слова, утратившего свою семантику и придающего своему знаменательному сочлену лишь оттенок грамматического значения, ср. Эр – эли менен, жер – кени менен /поговорка/ – герой богат свои народом, земля – недрами; менин макалымдын темасы көмөкчү этиштер жөнүндө/тууралуу – тема моей работы – о вспомогательных глаголах. Как видно из этих примеров, грамматическое значение, передаваемое в ряде языков иной системы морфологическим способом – падежными окончаниями, на данной ступени развития киргизского языка передается аналитическим способом словосочетания. Грамматическое значение одно, формы выражения его двойко.

Для указанного типа составного именного сказуемого, как видно, обязателен лишь один из известных нам предикативных показателей – местоположение, но оно не нуждается во втором предикативном показателе – в оформлении аффиксом местоименного спряжения.

Имеются служебные слова, точнее частицы /“бы”, “го”, “чу”/, обслуживающие в одинаковой мере как глаголы, так и имена, когда последние выполняют роль сказуемого, напр. “библиотекада отургандар студенттер-го? студенттер каникулда жүрүшөт-ко?; Библиотекада отургандар студенттер би?; Студенттер каникулда жүрүшөт-бү? Библиотекада отурган студенттер-чи? Алар жыйланышка катышпай-бы?

Все эти частицы в общем передают смысловое значение вопроса с различными оттенками, то что в русском языке

может передаваться и способом интонации. Поэтому они в составе сказуемого играют роль обслуживающего семантику знаменательного слова компонента.

Оказывается, в предикате, состоящем по существу из имени, могут быть выражены не только вышеуказанные грамматические понятия. Бывает необходимость в именном сказуемом выразить значение времени. В этом случае знаменательное слово нуждается в обслуживающем компоненте иного характера, чем послелог и вопросительные частицы.

В роли служебного компонента, придающего значение времени, при именном сказуемом по нашим наблюдениям, выступают: 1/ одна из разновидностей – так называемого, “недостаточного” глагола “Ә”⁷⁴ – в форме “эле”; 2/ вспомогательный глагол “бол”⁷⁵;

1. “Эле”, становясь спрягаемым компонентом знаменательного члена именного сказуемого, передает значение одного из видов прошедшего времени. Мен да бир кездерде жаш элем. – Я тоже был когда то молодым. Сиз менин мугалимим элеңиз. – Вы были моим учителем /когда-то/. Ошондо жыйналышта чыгып сүйлөгөн киши мен элем. – Выступавшим тогда на собрании человеком был я. Ошондо январдын он беши эле. – Тогда было 15-е января. Из примеров видно, что вспом. глагол “эле” передает в значении прошедшего времени передает при любом имени: “прилагательном “жаш” /молодой/, существительном “мугалим” /учитель/, местоимении “мен” /я/, числительном “он беш”/15/⁷⁶.

2. Вспомогательный глагол “бол”, сочетаясь с именами в составе сказуемого, исполняют, подобно русскому глаголу “будь”, роль спрягаемой глагольной связки, передающей временное значение. Отличительное свойство применимого вспомогательного глагола “бол” от “эле” заключается в том, что, во-первых, “бол”, приняв форматив утвердительного прошлого “ды” /болду/ и аффиксы сказуемости указывает на сравнительно-недавнее прошедшее время, напр. “Керим студент болду – Керим

---

⁷⁴ см.в след.разделе вспомогательный гл. “Әле”.

⁷⁵ “само имя в тюркских языках не изменяется по временам. Все временные выражения передаются в именном сказуемом через спрягаемый вспомогательный глагол...”. И.И. Мещанинов, см. его “Глагол”, стр.61.

⁷⁶ значение, передаваемые “экен” и “эле” в сочетании с деепричастием и причастием см.в следующем разделе гл. “эле.”

стал студентом /сравнительно недавно, а может быть и сейчас еще студент/, ср. Керим студент эле – Керим был студентом /когда-то, но в момент речи он им не является/. Во-вторых, в отличие от “эле”, всп.гл. “бол” выражает значение будущего времени, предварительно превратившись в деепричастие будущего времени и приняв аффикс сказуемости: Эмилбек институтту бүтүрүп, орто мектепке мугалим болот. Эмилбек, окончив институт, станет преподавателем средней школы. И, наконец, еще одно важное различие имеется между “эле” и “бол”. Глагол “эле” называется “недостаточным”, видимо, не случайно. На данной стадии языка “эле” по существу утерало свое семантическое значение и самостоятельно не употребляется. Он выступает только лишь в сочетаемости с именной или глагольной формой. Оказываясь в составе именного сказуемого “эле” придает своему компоненту, как мы видели, оттенок только прошедшего времени. Вспомогательный глагол “бол”, наоборот, имеет свою семантику непереходного действия – становление и употребляется самостоятельно с присущим любому глаголу качествами /мен бүгүн театрда болом – сегодня я буду в театре/. На ряду с этим своеобразна и вспомогательная роль “бол” при имени. Своеобразие по вспомогательности заключается, на наш взгляд, в том, что, если основная масса вспомогательных глаголов, выступающая при деепричастиях, лишается своей первоначальной семантики, то глагол “бол”, сочетаясь с именем в сказуемом, продолжает сохранять оттенок своей первоначальной семантики “становления”. Когда мы говорим “Эмилбек мугалим болот” /Эмилбек будет учителем/, составное сказуемое “мугалим болот” выражает не просто состояние, а нечто вроде процесса, при котором субъекту придется что-то делать, совершить какое-то действие. Временное выражение сказуемого, в данном случае значение будущего времени, передается аффиксами, “о-т”, принимаемым спрягаемым компонентом “бол” /бол-о-т/. Кажется, переход к вспомогательности глаголом “бол” завершен не полностью.

При именном сказуемом, кроме временного значения, может быть выражен смысловой оттенок, передаваемый обычно глагольной формой. Так формы “экен” /от “недост” глагола “э”/ и “тура” /видимо от вспомогательного глагола “тур”/, вступая в сочетание с любым именем в составе сказуемого, передают

значение неожиданности. Ср. наклонение неожиданности окуп-мун – оказывается, я читал, окуп-тур – оказывается он читал: ср. Садык врач экен – оказывается Садык – врач; Карандаштың кызыл экен – оказывается /твой/ карандаш – красный; аффикс сказуемости принимает на себя обслуживающий компонент: Сен ачуулу экенсиң – оказывается ты сердит, мен ачуулу экенмин; ал ачуулу экен. То же самое значение передает форма “тура”: Садык врач тура – оказывается, Садык – врач; Карандаш кызыл тура. В смысловых оттенках, передаваемых “экен” и “тура”, нам кажется, разницы особой не имеется.

Как форма “тура”, так и “экен, выражает оттенок неожиданности, т.е. внезапного обнаружения реальной действительности, что заключено в семантике его знаменательного компонента, о котором говорящий субъект не имел представления или слушал другое мнение от других.

“Тура” принимает аффиксы “бай”, когда возникает необходимость присоединить к ее основе вопросительную частицу “бы” или окончание личного спряжения.

ср. примеры:

1. Силердин ичиңерде улуңар Акмат тура – Среди Вас старшим /по возрасту /являешься/ оказывается, Акмат; Силердин ичиңерде улуңар Акмат турбайыбы?

2. Булардын ичинен эң улуусу сен турбайсыңбы? – Среди них самым старшим /является/, оказываешься, ты?

Однако, возможное сочетание любого служебного слова или связки с любой связкой или служебным словом /жөнүндө эле, тууралуу экен, боюнча тура, менен болду и т.д./ не может быть рассмотрено как составное сказуемое, ибо ни один из сочленов подобного сочетания не имеет однозначной семантики, которая, как мы уже указывали, является основным условием для вступления того или иного слова в позиции сказуемого. Если в строе предложения встречается сочетание служебного слова с глагольной связкой, то это означает, что рядом с ними должно находиться знаменательное слово, так как в синтаксисе не может быть случайного сочетания слагаемых общественно неотработанных элементов, также как в фонетике и морфологии не может быть присутствия в составе слова общественно неотработанной незначимой фонемы или морфемы.

Таким образом, мы затрагиваем вопрос о многосложных типах составного именного сказуемого, где наряду со знаменательным именем имеется служебное слово и глагольная связка, например, мен жаш болгон экенмин – я, оказывается, был молодым; адам эмгек менен баатыр болот тура – человек благодаря своему труду, оказывается, становится героем; Жапардын докладынын темасы мал-чарбаны өстүрүү жөнүндө эле. – Темой доклада Джапара было развитие животноводства.

Независимо от того, состоит ли разбираемое нами словосочетание из двух сочленов /полнозначимое имя + служебное слово или глагольная связка/ или из трех сочленов /полнозначимое имя + служебное слово к связка/ все равно, нам пока важно было установить то, что разбираемый тип словосочетания представляет собой в целом именное сказуемое, выражающее одно понятие и снижающее “качество обслуживающего его глагола до превращения последнего в служебный показатель” /И.И.Мещанинов, “Глагол”, стр. 178/; ср. выражение состояния “Жаш болгон элем – был молодым”; баатыр болот тура – /оказывается/, становится героем”; “өстүрүү жөнүндө эле – был о развитии”.

В киргизском языке ни один из этих служебных связок “эле”, “тура”, “экен” и тем более вспомогател. глагол “бол” еще не превратились в морфологический показатель. Процесс аффиксации наблюдается на примере глагола “тур”, который в одном из значений превратился в аффикс сомнительности “дыр”, присоединяемый к сказуемому путем агглютинации, когда у говорящего субъекта возникает необходимость выразить в предикате оттенок значения сомнительности или неуверенности, ср. Кат жазып жаткан Асанкадырдыр; – Тот, кто пишет, наверное /есть/ Асанкадыр; сенин окуп отурган китебиң романдыр – Книга, которую ты читаешь, наверно, роман.

Из приведенных выше примеров видно, что отдельные связки, не имеющие подобно морфемам, сами по себе никакого значения, вступая в синтаксическое сочетание, придают своему знаменательному компоненту новый смысловой оттенок или, иначе говоря, благодаря его сочетанию последний приобретает дополнительный смысловой оттенок, который передается в другом языке полнозначным словом /оказывается, наверно, кажется/.

Из тех же примеров обнаруживается тот факт, что отдельные грамматические значения глагольности, напр. выражение времени и отчасти наклонение, оказывается, свойственны не только простым глаголам, но и словосочетаниям, состоящим из знаменательного имени и обслуживающего глагольного компонента и служащими в целом в роли составного сказуемого. С другой стороны, мы видим иного порядка словосочетания, исполняющие функцию сказуемого, но не выражающие значения грамматических категорий глагольности, ибо подобные сочетания хотя и состоят из того же знаменательного имени, но их обслуживающими компонентами являются не глагольные связки и не вспомогательные глаголы, а отименные служебные слова, например, послелого: жөнүндө, тууралуу, менен, боюнча и т.д.

Поскольку речь зашла о сочетаниях имени с вспомогательными глаголами, необходимо хотя бы вкратце высказать наше мнение о той точке зрения, которая за последнее время имеется по данному вопросу в тюркологической литературе.

Некоторые авторы утверждают, что сочетание глаголов “эт/этмек” и “кыл-кылмак” с именами в неоформленном падеже представляют собою “сложную глагольную основу” /А.Харисов/⁷⁷ или “неполно-синтезированный сложный глагол” /С.Акбаров/⁷⁸. Исследователь туркменского языка Х.Байлиев⁷⁹ в своем рассуждении по этому вопросу идет еще дальше и пытается доказать, что не только эти два глагола /эт и кыл/, но и другие / он перечисляет: бермек, галмак, алмак, атмак, чекмек, урмак и др./, сочетаясь с именем в неоформленном падеже образуют сложно-глагольные именные основы и являются одним из двух типов сложного глагола.

Видимо недоразумение вызвано тем, что глаголы “эт” и “кыл” выражают абстрагированное понятие о действии, а не конкретные разновидности действия, скажем бар – иди, кур – строй, сүйлө – говори и др. Поэтому можно сказать, почти во

⁷⁷ См. его “Категория глагольных видов в башкирском языке”, Уфа 1944 г., стр.5 сл.

⁷⁸ извлчен. из диссерт.работы С.Акбарова “О сложных формах глагола в узб. языке”.

⁷⁹ См. его “Сложные глаголы в туркменском языке. Проблемы туркм. филологии”, вып I, Ашхабад, 1944 г.

всех, по крайней мере более знакомых пишущему эти строки, языках тюркской системы оба глагола “эт/этмак”, “кыл/кылмак” имеют значение “сделать. В силу этого обстоятельства, указанные глаголы, хотя они и являются глаголами переходного действия, позволяют в синтаксическом сочетании поставить рядом с ними стоящие дополнения или обстоятельственные слова в неоформленном падеже, а не в “определенном или в именительном падеже”, как говорит А.Харисов⁸⁰. Стоит только придать конкретность рядом с ними стоящим словам, как сразу обнаруживается переходность этих глаголов. Возьмем пример, характерный, по крайней мере, многим из названных языков. Обычно, синтаксическое сочетание “доклад кылды” по-русски переводят одним словом “докладывал”. Это верно, поскольку средства русского языка, это позволяют. Но можно сделать другой перевод, будет тоже правильно: сделал /делал/ доклад. В нашем примере пока речь идет о докладе вообще, о неоднократном докладе. Попробуем конкретизировать первый член синтаксического сочетания, добавляя к нему слова “кечеги” /вчерашний/. В результате получим синтаксическое сочетание с теми же его членами, но более конкретными, могущими стать только в определенном именительном падеже, например “Мен кечеги докладды кылдым”. В этом случае перевод может быть только: “Я сделал /делал/вчерашний доклад.

Тем более нельзя делать, что другие глаголы, перечисленные выше, сочетаясь с именными в неоформленном падеже образуют глагол, или сложную глагольную основу, например, “кол коймок”, “тамеки чекмек”, “добуш бермек” и т.д. и т.п. Включенные в эти сочетания имена при конкретизации получают свое морфологически выраженное оформление в винительном падеже и не только поэтому. Сам, так называемый, “неопределенный падеж” не есть падеж, совпадающий с именительным. Как известно, именительный падеж есть падеж подлежащего, падеж понятийности категории субъекта. В приведенном примере в этом падеже стоит местоимение “мен”, представляющее собой единственного субъекта в предложении. Слово “доклад” в предложении “мен доклад кылдым”, синтаксическое сочетание которого переводится одним словом “докладывал”, не есть подлежащее и, следовательно, не стоит в падеже субъекта. В

---

⁸⁰ см.названную выше его работу, стр.5 v

каком же падеже оно стоит? Оно стоит все же не в основном падеже, отождествляемом многими авторами с именительным⁸¹, а в другом морфологически ничем не выраженном винительном падеже, в падеже объекта, на который переходит действие, выраженное переходными глаголами “кыл”, “эт”, бер, ал, чек, ур и т.д. Поэтому, имя, находящееся в синтаксическом строе речи рядом с названными глаголами, следует рассматривать как объект и не может составить именную основу сложного глагола, а, следовательно, и сложного сказуемого.

Кроме того, некоторые авторы, при решении вопроса о сложных глагольных основах /или о сложных глаголах/, видимо игнорируют значение синтаксической роли того или иного словосочетания, что очень важно в данном случае, и делают свои выводы, исходя из возможности перевода того или иного синтаксического сочетания на русский язык одним словом. Возможность перевода таких словосочетаний, являющихся своего рода идиоматическими выражениями, как, например, “Яуап бер” / отвечать – у А.Харисова /, “баш тарт” / отказать – у того же автора/, “тассык этмак” / утверждать – у Х.Байлиева/, “кул койди” / подписал, “кулок солди” / прослушивал/, “хабар алди” / получил известие/ / последние три примера у А.Акбарова/ и т.д., одним русским словом ничуть не доказывает, что подобные сочетания односложны или понятие одной субстанции. Это только лишний раз подчеркивает то, что русский язык в глаголах выработал такое грамматическое средство, которое позволяет выразить одним словом целую синтаксическую группу слов.

Попытка делать научные выводы из фактов перевода привела бы к грубейшим ошибкам. Так, словосочетание по-немецки “es regnet”, представляющее целое предложение с местоименным подлежащим, может быть переведена на русский язык одним словом “дождит”. Однако, указанное немецкое предложение нельзя считать односложным глаголом, или, наоборот, одно киргизское слово “жаш-ты-гы-ң-дан”, насыщенное агглютинирующими аффиксами, переводится на русский язык не одним словом, а рядом синтаксических сочетаний – “от того, что ты молод”. Но это не означает, что русское словосочетание, полученное в результате перевода одного киргизского слова, является односложным. Следовательно, материалы переводной

---

⁸¹ см. по этому вопросу названную работу Х.Карасаева, стр.28.

практики не приводит к правильным научным выводам.

Полнейшим недоразумением следует считать утверждение

-79-, -80-, -81- этих страниц нет

2. Составное именованное сказуемое и сложный глагол

позиции сказуемого в киргизском языке, как и в других языках тюркской системы, часто оказываются словосочетания, слагаемыми компонентами которых, как правило, выступают одна или несколько деепричастных форм со спрягаемым глаголом. Таким образом, получается довольно длинная цепь деепричастных форм, где не имеется никакого формального, внешнего признака, отделяющего границу составного сказуемого от его атрибутивных элементов /Мен сени менен бара жатып жыгылып кете жаздап калдым/ – Я, идя с тобой, чуть не упал; дословно: я с тобой идя, лежав, упав, уходя, чуть не остался/. Установление границы между подобными членами предложения довольно таки затруднено. Тут во всей своей полноте встает роль практического знания живого разговорного языка.

Приведем еще пример: Чиркин бала деген кыйын экен., - деди Бурулча..., - Муунум бошоп, чыдай албай бара жатам”. – Что значит: Дети., - сказала Бурулча... Я не в состоянии вытерпеть⁸² /К.Баялинов, из повести “Бакыт” /Счастье/.

По существу второе предложение “Муунум бошоп чыдай албай бара жатам”, переведенное нами по смыслу “я не в состоянии вытерпеть”, состоит почти целиком из синтаксической групп сказуемого и дословно переводится длинным рядом деепричастий: суставы слабея, терпя, не беря, иди /туда/лежа/я/. Где тут граница, отделяющая составное сказуемое от его обстоятельственных слов? Быть может эта граница лежит на деепричастии прошедшего времени на “п” /бошоп/. Оказывается и оно не является формальным ее определителем. Приведем знакомый уже пример с аналогичными деепричастиями на “п”: Мен сени менен бара жатып жыгылып кете жаздап калдым – идя с тобой, я чуть не упал /дос.: Я с тобой идя, лежав, упав, уходявстелив, остался /я/. Вторая часть этого предложения /

---

⁸² в нашем переводе не отражено значение слов “муунум бошоп”/суставы слабея/ – идиоматич. выражение.

жыгылып кете жаздап калдым/ представляет собою в целом составное сказуемое или сложный глагол, передающий одно комплексное понятие с различными смысловыми оттенками, хотя в ней четыре формально самостоятельных элемента, из которых две в форме деепричастия прош.врем. на “п”. Следовательно форма на “п” не может быть границей составного сказуемого или сложного глагола.

Может быть такая граница лежит на том деепричастии, основа которого вообще не превращается во вспомогательный глагол? Оказывается и оно не является критерием разграничения разбираемого словосочетания, так как каждый вспомогательный глагол может служить в роли основного глагола.

Ни один формальный фактор или морфологические признаки вербальных основ не дают нам ключ для разрешения проблемы. В этом отношении не поможет и семантика отдельно взятого слова. Вопрос всецело решается смысловым значением как данного словосочетания, так и содержанием всего контекста высказывания с превалирующей ролью последнего. В ходе речи, иногда отдельные словосочетания, вполне допустимые в отрывочном произношении, могут оказаться по форме совпадающим с другой формой, соответствующий другому содержанию. “Бул Турусбектин чынысы эле... Ала кой.” – Это пиала принадлежала Турусбеку ... Возьми-ка /себе/. /Т.Сыдыкбеков., “Люди наших дней”/. Словосочетание “Ала кой” без связи с общим контекстом может быть понято не как составное сказуемое, или сложный глагол со значением “возьми-ка”, а совсем по другому, как сочетание имен, т.е. /“Пестрая овца”/, так как одновременно означает: ала – “пестрый” и деепр. “беря”; “кой – “овца” и глагол “клади”, “положи”, который в данном случае употребляется в роли вспомогательного. /.

Наличие подобных фактов подсказывает нам о необходимости рассматривать разбираемое синтаксическое явление во взаимной связи составных элементов не только внутри каждого синтаксического сочетания, но и всего контекста высказывания в целом. Только понимание смыслового значения законченного высказывания и в первую очередь его синтаксической группы сказуемого дает нам возможность найти границу составного глагольного сказуемого.

Разыскиваемая граница лежит внутри синтаксической группы на том деепричастии, которое сохранило свое основное семантическое значение, а все последующие формы деепричастий, исключая спрягаемый глагол, лишились своей первоначальной семантики.

В приведенном нами выше словосочетании “чыдай албай бара жатам” /я не в состоянии вытерпеть/ последний спрягаемый глагол “жатам” вспомогательный, так как он утерял свое основное значение “лежать” и превратился в данном случае в роли морфологического показателя грамматической категории.

Предшествующее за ним деепричастие будущего времени “бара” /идя/ выступает в роли сопроводителя движения или формального указателя направленности движения, что в нашем переводе вообще не нашло отражение, поскольку русский язык не имеет аналогичного грамматического средства для выражения подобного оттенка. – Деепричастие от глагольной основы /ал/бери/ с аффиксом отрицания “ба” служит модально-видовым показателем, указывающим при форме дееприч. будущ. времени на невозможность субъекта совершить действие⁸³. Из-за отсутствия точного грамматического соответствия в русском языке оттенок, передаваемый этим глаголом переводится видовым показателем и отрицанием “не”.

Наконец, мы подошли к деепричастию будущего времени от глагола “чыда” /терпи/, который сохранил в данном контексте свою собственную семантику. Поэтому мы здесь поставили черту синтаксическому сочетанию, представляющему составное глагольное сказуемое.

Наш перевод указанного словосочетания является вольным и смысловым, поэтому не отражающим истину. Дословный его перевод нами дан выше, из которого ничего понять также невозможно. На первый взгляд, когда еще не знаешь о чем и в какой обстановке шла речь у действующего лица в повести, казалось бы нужно было перевести “Я иду не в состоянии терпеть”. Но это было бы неправильно, ибо действующее лицо в повести писателя – мать возвратившегося после ранения из фронта Джапара сидит дома, никуда не идет и не собирается итти, а ее выражение “бара жатам” указывает не на ее

---

⁸³ см. “Киргизско-русский словарь” проф. К.К.Юдахина; также см. “Грамматика башкирского языка” проф. Н.К.Дмитриева стр.134.

пространственное движение, а на ее состояние, на ее волнение от радости возвращения сына в данный момент. Поэтому мы оттенок мысли, передаваемой выражением “бара жатам”, переводим не словом “иду”, а включаем в словосочетание “не в состоянии”, куда вошли и модифицированное значение деепричастия “албай”. Точнее следовало бы перевести словосочетание “чыдай албай бара жатам” одним словом “не вытерпевает”, если бы так можно было выразиться по русски, где были бы представлены почти все оттенки значения, передаваемые почти всеми компонентами сложного сказуемого: не аффикс отрицания “ба”; префикс “вы” – модальное значение, передаваемое вспом. глаголом “ал” в связи с его сочетанием с гл. “чыда”; корень “терп” – значение знаменательного или основного деепричастия от глагола “чыда” /терпеть/; “еваю” – временно – модальная характеристика состояния, точнее волнения действующего субъекта, передаваемого словосочетанием “бара жатам”.

Несмотря на нелитературность, мы должны остановить внимание читателей на последнем варианте перевода /не вытерпеваю/, ибо он более полно передает смысловые оттенки, выражаемые вспомогательными глаголами, вступившими в сочетание со знаменательным деепричастием. Иначе добавленное в первом варианте перевода слово “в состоянии” может лишь вести в заблуждение, указывая на наличие не существующего в действительности второго самостоятельного значения в нашем словосочетании кроме понятия “вытерпеть”. В самом же деле все наше словосочетание “чыдай албай бара жатам”, состоящее из ряда вербальных слов, имеет только одно, единое, правда, не простое, сложно-смысловое значение, а именно понятие о “терпении”, но “терпение” приведенное в активное, возбужденное состояние с модальным оттенком, выражающим невозможность действующего субъекта совершить действие, с указанием на время совершаемого действия или состояния. Поскольку разбираемое словосочетание содержит единое понятие, правда, с некоторыми дополнительными оттенками, но не претендующими на самостоятельное смысловое значение, и выражает состояние субъекта высказывания в его бытии, в его движении, – подобное словосочетание мы рассматриваем как логический предмет суждения, что синтаксически называется сказуемым. Сказуемым мы называем не только по указанным признакам,

но и потому, что оно обладает предиктивными показателями сказуемости, как местоположение и спрягаемостью одного их компонентов /жатам/. При этом мы имеем здесь не простое сказуемое, а составное, состоящее из ряда пока еще формально самостоятельных лексических единиц.

С другой стороны разбираемое словосочетание, признанное нами составным сказуемым, обладает не только предикативными признаками, но и передает грамматическое значение, свойственное только глаголу, т.е.: 1/ в нем выражено значение настоящего времени, но временный форматив присоединен не к знаменательной основе, как бывает обычно при простых глаголах, а к основе обслуживающего компонента /жатам/, лишенного лексического значения, но передающего видовой оттенок; 2/ в нем передается значение из»явительного наклонения; 3/ наконец, наше словосочетание уточняет ход самого происходящего психического процесса, передаваемого действующим субъектом, иначе говоря в нем выражен видовой оттенок незавершенности в направленном действии, что является также отличительным свойством только глагола. Поэтому мы в праве отнести подобное словосочетание к категории глаголов. Причем это – не простой глагол, представляемый обычно одной лексической единицей. Он представлен сочетанием нескольких лексических единиц в их взаимной логической связи друг с другом, тесно сплетенных между собой, так, что говорящее лицо в мысли не допускает их разрыва с той лишь разницей, что первый лексический элемент /чыда – терпи/ мысленно делается координирующим центром, преобладающая семантика которого дополняется, обогащается и видоизменяется смысловыми оттенками, передаваемыми остальными его обслуживающими компонентами. Такой тип глагола, состоящего из синтаксического сочетания, сложный и по семантике и по форме, называем морфологически сложным глаголом, который всегда исполняет роль составного сказуемого, главного распространенного предложения, так же как простому или ординарному глаголу свойственно в синтаксическом построении слов роль простого сказуемого в законченном высказывании.

Когда уже найдена разграничительная черта в длинной цепи деепричастных сочетаний или установлен контур составного глагольного сказуемого, все предшествующие ему

деепричастные формы, в зависимости от семантики исполняемой ему функции, следует признать с точки зрения синтаксиса или обстоятельственными словами образа действия или состояния, входящими в синтаксическую группу сказуемого, или же неполным сказуемым придаточного предложения⁸⁴. Разбираемый нами сложный глагол по синтаксическому значению участвующих в нем лексических единиц необходимо рассматривать как сложный деепричастный глагол, так как все его компоненты, кроме одного спрягаемого сочлена, оказываются, как правило, деепричастиями различной формы. Отсюда следовало бы уточнить и само наименование составного сказуемого, образуемого подобными сложными глаголами, назвав его точнее составным деепричастно-глагольным сказуемым, что ближе было бы к истине.

По количеству же участвующих компонентом сложный деепричастный глагол подразделяется на три типа:

1. двухкомпонентный;
2. трехкомпонентный;
3. четырехкомпонентный⁸⁵.

Необходимо в общих чертах охарактеризовать основные принципы построения сложно-глагольной конструкции.

Независимо от количества участвующих компонентов и от форм сочетаний сложными глаголами мы признаем такое синтаксическое сочетание верабальных лексических единиц, в котором первый сочлен по последовательности сочетания является знаменательным носителем основного семантического значения и все остальные же суть его уточнители, модификаторы, выразители, передатчики различной грамматической категории глагольности. Если представить себе это образно, то принцип построения многокомпонентного сложного глагола напомним нам образование производного имени и глагола способом агглютинации, где к корню – носителю основного значения присоединяется последовательный ряд словообразовательных и словоизменительных аффиксов различного грамматического

---

⁸⁴ Однако этот вопрос нуждается в специальной разработке.

⁸⁵ Этим не исчерпываются возможные типы сложных глаголов. Так как мы ставим в этой работе задачу разобрать главным образом двухкомпонентные сложные глаголы, вопросу многокомпонентных глаголов мы думаем посвятить специальную работу.

назначения; сравни уже приведенный пример: жаш-ты-гы-м-дан. Существенная разница между сравниваемыми способами образования заключается в том, что при агглютинации мы имеем дело с обслуживающими корень аффиксами, с морфемами, не имеющими изолированно никакого реального значения. Обслуживающие компоненты сложного глагола, наоборот, могут выступать в своем реальном лексическом значении и исполнять роль полноценного члена предложения. Аналогичным между ними является то, что знаменательный элемент сложного глагола походит на корень производного слова с той лишь разницей, что здесь образование новой сложной лексической единицы идет не по способу прилепа обслуживающих аффиксов к корню, а по способу синтаксического сочетания обслуживающих не знаменательное деепричастие компонентов, которые в зависимости от формы сочетания теряет свою первоначальную семантику и становится выразителями грамматического значения. Однако такая трансформация собственной семантики и модификации значения обслуживаемого слова свойственна не всем вербальным основам. Такие вербальные слова, которые выявляют в синтаксическом сочетании вышеуказанные специфические свойства, мы называем вспомогательными или модальными глаголами.

Модальные глаголы, как и обычные глаголы, в сложно-глагольном сочетании могут быть основным компонентом, приняв одну из форм деепричастий, но в этом случае они сохраняют свою первоначальную семантику и становятся обслуживаемыми другими компонентами знаменательными деепричастиями.

Поскольку второй или вообще последующие за знаменательным деепричастием компоненты модифицируют свою первоначальную семантику, то второстепенными компонентами синтаксического сочетания сказуемого не могут выступать обычные, немодальные глаголы. Если только в цепь следующих одно за другими деепричастий вклинилось деепричастие обычного глагола, то такую вереницу следует рассматривать не как синтаксическое сочетание сказуемого, а как синтаксическую группу, где имеются кроме составного сказуемого еще его атрибутивные элементы. Следовательно, в такой группировке вербальных слов кроме сложного глагола должны быть и его дополнения, обстоятельственные слова.

В любом двух и более компонентном сложном глаголе спрягаемой частью является один из вспомогательных глаголов. Если только последний компонент сочетаний сохраняет свое основное значение, это означает, что там нет сложного глагола: / сложный глагол: секире түш – подпрыгни-ка /еще/; несложный: секирип түш – сойди, прыгнувший/⁸⁶.

В приведенном только что примере служебность или неслужебность спрягаемого глагола может быть распознана формой деепричастия. Так сочетание вспомогательного глагола “түш” с деепричастием прошедшего времени на “п” вообще не образует сложного глагола. Но могут быть такие случаи, когда одна и та же форма может быть рассматриваема и как сложный и как несложный глагол, ср., напр., мен эки жагымды карап турдум – я стоял, посматривая по сторонам; мен сени тиктеп карап турдум – я смотрел на тебя пронизательно /или вперев взоры/. Тут мы имеем дело не только с одной и той же формой деепричастия, но с деепричастием с одной и той же основы, но тем не менее мы перевели одно и тоже сочетание “карап турдум” в одном случае “стоял, посматривал, в другом – “смотрел”. Смысловые оттенки в каждом случае определяется контекстом высказывания в целом.

В различении смысловых различий подобных словосочетаний не маловажную роль, видимо, играет и интонационный момент.

В образовании сложного глагола имеется определенная закономерность. Не всякое механическое соединение деепричастных форм любого обычного глагола или модального глагола с любым вспомогательным может дать нам сложный глагол. Даже не любая форма деепричастия сочетается с одним и тем же вспомогательным. Как только нарушена определенная закономерность сочетания, цепь деепричастий разрывается и сложный глагол принимает иную форму, иное содержание, или совершенно перестает быть им. Тогда остается из всего сочетания простое глагольное сказуемое или простой глагол, принимающий на себя всю нагрузку передатчика грамматических значений способом только лишь аффиксации. Однако простой глагол приемом агглютинации не может выразить того, на что способен сложный тип глагола приемом синтаксического сочетания. Так, при помощи определенной группы вспомогательных глаголов

---

⁸⁶ см. в след. главе вспом. гл. “түш”.

образуется категория настоящего времени данного момента, которую не могут дать простые и производные глаголы способом аффиксации. Последним также не свойственны выражения таких модальных грамматических оттенков глагольности в языке, как, напр., возможность и невозможность совершения действия, направленность или сопровождения движения, многократность и однократность, темпоральность и продолжительность, завершенность, незавершенность действия и т.д. и т.п. оттенки, которые возможно выразить только способом словосочетания.

Отсюда и необходимость появления в языке своеобразной формы глаголосочетания как более гибкий и широкий синтаксический прием, при помощи которого и в зависимости от изменения слагаемых компонентов, передаются указанные многочисленные оттенки суждения, заключенного в предикате высказывания.

Этой необходимостью и выработано определенное количество служебных вспомогательных глаголов.

Вспомогательные глаголы в киргизском языке по значимости основы следует подразделять на:

1. Глаголы, уже утеравшие семантику. Сюда относятся разновидности так называемого “недостаточного” глагола “э” / эле, экен/, и форма “тура” от всп.гл. “тур”.

2. Глаголы, находящиеся на пути частичной утери конкретной значимости: жазда, бол;

3. Глаголы полнозначимые: ал, бар, бер, чык, жат, жибер, кел, кет, көр, кал, кара, кой, отур /олтур/, сал, ташта, тур, түш.

По способу синтаксического сочетания в составе сказуемого, как это видно из предыдущего изложения, вспомогательные глаголы могут быть подразделены на:

1. примененные глаголы, к которым относятся разновидности “э”, а также бол, тура;

2. припричастные “тура” / от всп.гл. “тур” /бол/ с формативами “ар”, “са” – болсо, болор/; разновидности “э”; чык / с формативом “ар” – чыгар /;

3. придеепричастные: ал, бар, бер, чык, жат, жибер, кел, жүр, кет, көр, кел, кара, кой, отур /олтур/, сал, ташта, тур, түш, бол, эле”.

По синтаксическому значению, возникаемому в результате вступления вспомогательного глагола в сочетание с именным или

вербальным знаменательным компонентом, модальные глаголы могут быть подразделены на следующие группы:

1. вспомогательный глагол, передающий временное понятие при именах и причастиях: эле, бол.

2. вспомогательные глаголы, выражающие понятие модальности, близкое значению одного из видов наклонения: экен, тура;

3. вспомогательные глаголы, выражающие при деепричастиях потенциальность: ал, көр, кара, бак⁸⁷;

4. вспомогательные глаголы, выражающие в зависимости от характера и форм слагаемых элементов, различные видовые оттенки /завершаемость и незавершаемость, многократность и однократность и т.д./: чык, кой, сал, кал, ташта, кет, бер;

5. вспомогательный глагол, выражающий желание еще продлить действие: түш;

6. вспомогательный глагол, передающий значение темпоральности: жибер;

7. вспомогательные глаголы, выражающие характеристику состояния движения в его направленности: бар /иди туда/, кел /иди сюда/.

Однако необходимо указать на то важное обстоятельство, что выше приведенное подразделение носит, за исключением служебных глаголов, указанных в пункте 2, в значительной степени условный характер. Дело заключается в том, что модальные, временные, видовые и другие оттенки и различные характеристики действия, возникаемые в результате синтаксического сочетания, зависят не столько от семантики того или иного вспомогательного глагола, сколько от формы такого сочетания.

Один и тот же вспомогательный глагол, сочетаясь с разными формами деепричастия выражает разные модальные оттенки. Здесь не маловажное значение имеет и сама форма деепричастия, с которыми они вступают в контакт. Во многих случаях и сама эта форма как будто диктует свою волю. Так “жазып бердим” означает “написал” /кому то, “окуп бердим” /прочитал/ кому то/. Кажется, эти сочетания выражают оттенок законченности

---

⁸⁷ каждый из них может передавать, в зависимости от форм знаменательного компонента, и другие оттенки; подробн. см. в след. главе.

действия, совершенного в пользу другого, и поэтому признаку следовало бы отнести “бер” к группе вспомогательных глаголов совершенного вида. Однако, тот же служебный глагол в сочетании с деепричастием будущего времени характеризует процесс действия совершенно с другой стороны. “жаза бердим” – писал /многократно/, точнее: продолжал писать /несмотря ни на что/. “Окуй бердим” – читал /многократно/, точнее: /продолжал читать/ /несмотря ни на что/.

Тут мы имеем оттенок продолжительности, длительности, многократности и незавершенности действия, совершаемого настойчиво, не взирая ни на что. С этой точки зрения нужно было бы отнести вспомогательный глагол “бер” к длительному и незавершенному виду.

Отсюда кажется, что видовое значение диктуется тем, что здесь в сочетание вступил всп.гл. “бер”, а формой знаменательного деепричастия на “п” или на “а/е -й”.

Приведем примеры с другим вспомогательным глаголом “кой”, в синтаксическом сочетании которого с различными формами знаменательного деепричастия, также видим подобное противоречие.

Мен уулума кат жазып койдум – сыну /своему/ написал я письмо. Здесь выражено нечто иное, как завершенность действия “писания”. Но стоит только поставить знаменательное деепричастие в форме будущего времени, как сразу меняется значение видового оттенка. Мен уулума кат жаза койдум – сыну /своему/ написал /быстро/ я письмо.

Мы перевели здесь сложный глагол также как предыдущее предложение не потому, что полностью совпадает там и тут передаваемое сложными глаголами понятие, а потому лишь, что русским глаголом невозможно выразить ту тонкость оттенка мысли, которая заключена в словосочетании “жаза” койдум, а именно быстрота, темпоральность, недлительность совершения процесса написания.

Отсюда мы видим, что в появлении смыслового оттенка, различной модальности или характеристики процесса действия вспомогательным глаголом в отдельных случаях не принадлежит решающей роли. Поэтому нам кажется, автор работы “Категория

видов в башкирском языке” А.Харисов впадает в непреодолимое противоречие, называя сочетания со вспомогательным глаголом “бир” то законченным, то длительными видами⁸⁸.

Из приведенных нами примеров ясно и то, что одна только деепричастная форма знаменательного компонента также не играет решающей роли. Например, ср. деепричастие будущего времени в сочетании “окуй бердим” указывало на длительность и незавершенность действия, та же форма деепричастия в сочетании “жаза” койдум, дает оттенок противоположного характера: завершенность действия и темпоральности его процесса.

Еще большее затруднение мы встретим, когда столкнемся с тремя и более компонентными сложными глаголами.

Это обстоятельство указывает нам о необходимости всестороннего подхода к решению вопроса о том, что именно лежит в основе возникновения различных видовых и модальных оттенков совершаемого действия, вспомогательность ли спрягаемого глагола или деепричастность форм основного компонента. Нам кажется, что односторонний подход в этом деле может привести лишь к неизбежным ошибкам. Или он приведет к переоценке роли вспомогательных глаголов, которая имеет место в вышеуказанной работе А.Харисова, где он вывел всю видовую, порою даже с нашей точки зрения, искусственную категорию из высказанного им основного принципа, что “в зависимости от вспомогательного глагола, который модифицирует значение основного глагола, придавая ему известный оттенок, определяется и оформление того или иного вида” /подчеркнуто нами/; или же односторонний подход может привести к недооценке значения служебного компонента и к переоценке роли деепричастной формы, что мы видим из работы казаховеда Н.Т.Сауранбаева⁸⁹, который прямо заявляет следующее: “В их образовании /т.е. в образовании сложного глагола – Б.Ю./ основную роль играют деепричастия. Они /деепричастия/ выступают, с одной стороны, как формальный элемент, при помощи которого соединяется основной глагол со вспомогательным глаголом, с другой стороны, выражают вид данного сложного глагола” /стр.23/. Высказанное им далее положение, что “деепричастие в семантическом отношении выступает как носитель вида” /стр.38/, легло в

⁸⁸ см.назв.его работу, стр. 29, 32, 31.

⁸⁹ см.его “Семантика и функции деепричастия в казахском языке”.

основу сконструированной им искусственной схемы трех видов, - “образуемых деепричастиями” в казахском языке.

Чтобы решить вопрос о видовых, модальных и других категориях сложного глагола, наличных в том или ином языке, тюркской системы, с нашей точки зрения, необходимо рассматривать в комплексе, в единстве эти два важнейших фактора, т.е. необходимо принять во внимание и природу вспомогательных глаголов и природу самой формы деепричастия.

Однако для правильного решения вопроса недостаточно и такого подхода, при котором учитывается лишь формальная сторона дела. Та или иная форма деепричастия и тот или иной тип вспомогательного глагола вступают между собой в синтаксическое сочетание, каждый со своей определенной семантикой. Оказывается, не всякая семантика слова может быть обслуживаемой или обслуживающей. Тогда уже мы не получаем не только разбираемого оттенка процесса действия, но и не получаем и сложного глагола со специфическим единым содержанием, а встает перед нами простой, несложный глагол с обстоятельством или обстоятельствами /когда сложный глагол многокомпонентный/ образа действия, ср. напр. бийлей түш – потанцуй /еще немного/, бийлеп түш – почти не употребительное сочетание, а если оно встречается, то это несложный глагол со значением: сойди, танцуй. Или другой пример: ыргый түш – подпрыгни /еще немного/; ыргып түш – сойди, выпрыгнув. Последнее сочетание слов не представляет собою сложный глагол; в нем деепричастие суть образ действия. Или приведем примеры со вспомогательным глаголом “ташта” /бросай/, который вступает в сочетание только с некоторыми переходными глаголами: жазып ташта – напиши /сразу и окончательно/ – форма употребительная, но уктап ташта – не употребительно, ибо деепричастие уктап /спав/ по основе принадлежит к группе непереходных глаголов. Тот же вспомогательный глагол с деепричастием будущего времени вообще не дает сложного глагола.

Итак, к правильному выводу может привести только такой подход, при котором учитывается не только форма знаменательного деепричастия и тип спрягаемого его компонента, но и семантика того и другого вербального слова, принимающего участие в словосочетании сложного глагола. В этом отношении

проф. А.Харисов, который говорит, что “не всякий основной глагол”⁹⁰ нуждается в модификации посредством всего наличного количества вспомогательных глаголов. Степень потребности глагола в модификаторе определяется каждый раз реальным значением самого глагола” /стр. 16/ /подчеркнуты нами – Ю.Б./.

При распределении вспомогательных глаголов на группы по их синтаксическим значениям мы и старались положить в основу высказанное выше положение. Именно по этому мы вынуждены были подразделить их на восемь групп, а не на три. Распределением на три группы – начинательное, длительного и законченного видов, оперировал А.Харисов, хотя у него принципиальная установка, высказанная им же в начале своей работы, с нашей точки зрения, была в основном правильно. Вот она, эта установка: “Функцию глагола – модификатора могут принимать только такие глаголы, которые так или иначе стоят ближе по крайней мере к одному из имманентных признаков действия, выраженного в основном глаголе, т.е. имеет способность выразить или ступени проявления действия в его начале, развития /в середине/ и конце с разнообразным результатом законченности, или количественную характеристику действия /однократность, многократность, повторяемость/ или же различие по его обычности или внезапности /неожиданности/, или, наконец, оценку действия, показывающую способы и формы его протекания” /там же стр.16/.

Нельзя ставить в упрек автору приведенной нами цитаты то, что он говоря о вспомогательных глаголах, не обратил внимание на глагольные связки, выражающие при именах и отглагольных именных формах категории модальности и времени, ибо автор ставил перед собою иную задачу.

Однако же общее определение автора нуждалось в выделении синтаксического значения вспомогательных глаголов, выражающих характер движения и его направленности.

Даже и в последнем нет особой беды.

Беда заключается в том, что у него общая установка, сформулированная в основном правильно, им самим же,

---

⁹⁰ Мы избегаем от употребления этого термина, так как деепричастие еще не есть глагол, см. И.И.Мещанинов “Члены предложения и части речи”, стр. 259 см.

разошлась, как небо от земли, с его дальнейшим изложением. В этом повинно, нам кажется, его априорно предвзятое мнение, что в башкирском языке должна быть категория только трех видов и не больше.

Поскольку он классифицирует виды только на три категории, то автор вынужден был все вспомогательные глаголы, независимо от того переключаются ли они из одной категории в другую или нет, распределить только по трем рубрикам.

Отсюда возникает у него указанное выше нами противоречие. Судя по общеустановочному положению, автор не должен был ограничиться только тремя категориями видов и не только видами.

Если видовыми признаками признать смысловые оттенки, указывающие на характер протекания процесса действия в его динамическом или статическом состоянии, как например, возможность или невозможность совершения действия, многократность и однократность, темпоральность и продолжительность, направленность или сопровождаемость движения, завершенность и незавершенность, повторяемость, просьба продолжать действия и т.д. и т.п., возникаемые, главным образом, в результате сочетания деепричастной и отчасти причастной формы со вспомогательными глаголами, то перечень видовой категории должен быть значительно продолжен.

Это довольно сложная проблема из области семантики синтаксического сочетания должна быть специально изучена и всесторонне освещена в тюркологической литературе на материале различных языков. Не затрагивая в этой работе указанный вопрос, нам хотелось лишь вкратце перечислить следующие моменты:

1. Наблюдаемые в киргизском языке факты частично фонетического изменения слагаемых звуков, главным образом, спрягаемого компонента и факты слияния обоих компонентов бросают яркий свет на жизнь языка, на непрерывно происходящий в языке процесс видоизменения, трансформации того или иного глагола из относительно самостоятельной лексической единицы в формологический форматив или другой показатель предикативного значения⁹¹.

---

⁹¹ Ср. Трансформацию всп. глагола “тур” в предикативный показатель “дыр” в морфему “т” оконч. 3-го лица; также слияние гл. “ал”, “жат” и др.; см. след. главу.

2. Помимо этого многообразна и синтаксическая роль сложных глаголов. Из них может быть, подобно простым глаголам, образовано деепричастие⁹². В последнем случае сложное деепричастие со своеобразной сложной семантикой, может стать, подобно простому деепричастию, в позиции второстепенного сказуемого в сложном предложении или сложными его членами, служащими в роли обстоятельства образа действия или состояния, ср. Гулнар кеп таап айта албай, делдейип карап калды – Гулнар, не находя слов, застыла, ошеломленная /Т.Сыдыкбеков/.

Или другой пример, где один из двух сложных глаголов служит определением другого: Акман кетөрүлө түшүп сүйлөп калды – Акман, приподнявшись, выговорил /Т.Сыдыкбеков/.

1. Придав спрягаемому компоненту форму причастия, из сложного глагола может быть образовано сложное причастие, которое, сохраняя свою специфическую модально-видовую семантику сложного глагола, оказывается, подобно простому причастию, в роли подлежащего, дополнения и в большинстве случаев, в позиции определения подлежащего или дополнения; ср. Катты жазып жибергени жаткан Жапар биздикинде отурат – Джапар, который хотел написать письмо, сидит у нас. Или: Жапар окуй албай жаткан катты Акмат окуп чыкты – Акмат прочел письмо, которое не мог прочесть Джапар.

2. Категория вспомогательных глаголов с их способностью образовывать различные формы словосочетания представляет собою богатейшим средством языка для выражения тончайших смысловых оттенков, заключенных в предикате суждения. Это многообразие, идет, главным образом, как видно по линии временного, видового, модального и другого грамматического понятия.

Подобное богатейшее средство языка, с нашей точки зрения, характеризует в известной мере довольно высокую развитость мышления говорящего субъекта. В этой связи мы не можем пройти мимо неточного, на наш взгляд утверждения В.М.Жирмунского, который пишет, что “Отсутствие временной

---

⁹² Для этого достаточно спрягаемый компонент превратить в одну из форм деепричастий.

дифференциации при большом разнообразии видовых отношений является признаком более примитивного /sie!/ и конкретного мышления, которое не может мыслить /sie!/ действие, независимо от способа его протекания /длительно, мгновенно, законченно, повторяющегося и т.п./ и в то же время еще не научились локализовать его в объективном времени”⁹³. Независимо от того, по отношению какого языка сказано это утверждение, все равно подобное обобщение не соответствует действительности. С нашей точки зрения, многообразие видово-модальных характеристик в том или ином языке ни в какой степени не доказывает “примитивность мышления”, а наоборот, он указывает, как мы уже сказали, на значительную развитость мышления говорящего субстрата передавать тем же средством малейшую тонкость мысли. В этом можно более наглядно убедиться на материалах следующего раздела, где каждый из вспомогательных глаголов, вступая в различное сочетание, в каждом конкретном случае передает своеобразные смысловые оттенки, для которых зачастую трудно бывает найти хотя бы приближенное соответствие на русском языке, находящемся, как известно, на высокой степени развития.

---

⁹³ см. его “История немецкого языка”, стр. 188.

ГЛАВА III. ФОРМЫ И ЗНАЧЕНИЯ ДВУКОМПОНЕНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ⁹⁴

Вспомогательные глаголы: бар, кел

1. По семантике глагол “бар”, означает: итти, отправляться, двигаться. Причем движение исходит от говорящего лица или действующего субъекта в какую то сторону, от исходной точки движения вперед или назад, вверх или вниз, в каком-то направлении. “Бар” вполне употребителен в роли простого глагола в указанном значении /Мен бардым – я ходил, мен барам – пойду редко в значении настоящего времени – иду/. В простом распространенном предложении с дополнением, к которому направлено движение, обязательно требуется оформление его аффиксом дательного-направительного падежа и играет роль простого сказуемого:

мен шаарга бардым – я пойду /иду, еду/ в город
мен сага бардым – я ходил /шел, ездил/ к тебе.

Глагол “бар”, сочетаясь с деепричастиями будущего времени сохраняет свою первоначальную семантику, и указывает на параллельность или попутность совершения действия.⁹⁵

Жолдошуңа менин пикиримди айта бар – пойд и расказа
/точнее: пойд и, говоря/ своему другу мое мнение.

Бул китепти үйүңө ала бар – эту книгу возьми и пойд /
себе/ домой, точнее: эту книгу беря, пойд /себе/ домой.

Сочетание этого гласного с деепричастиями прошедшего времени, по нашим наблюдениям, дает сложный глагол только в двух случаях / при этом он должен быть поставлен в форме только будущего времени/:

1. Когда он сочетается с деепричастиями непереходных глагольных основ, в семантике которых заключено понятие о процессуальном состоянии действия: өсүп, жакшырып, өтүп, бузулуп, ырдап, агарып и т.д.

⁹⁴ по вопросу семантики всп. глаголов основным справочным документом служил “Киргизско-русский словарь” профессор К.К.Юдахина.

⁹⁵ ср. значение сочетания этого глагола с деепр. на а/е –й в башкирском языке, где по наблюдениям проф. Н.К.Дмитриева, “оба смысловых элемента, по существу, равноправны, в представлении говорящего сливаются в одно понятие”; см. его “Грам.башкир.яз.”, стр. 198.

Жалындап жаңы чарба өсүп барат
Арыштап ашуу – белден өтүп барат –
Новое хозяйство бурно развивается.

переходит, шагая через перевалы. /Дж. Боконбаев/
Фрунзе шаары күндөн күнгө жакшырып барат – г.Фрунзе
с каждым днем хорошеет.

Мен ооруман жазылып барам – я поправляюсь от болезни.

2. С деепричастиями, указывающими на направленность движения: кетип, чыгып, түшүп, кирип, көтөрүлүп, ылдыйлап и т.д.

Кетип барат төтө жолдон

Жаңы конуш багыттуу

жизнь новая, направленная,

проходит по прямой дороге /Дж.Боконбаев/

Мергенчилер чокуга чыгып барат – Охотники поднимаются на вершину; досл.: охотники пой дут, поднявшись на вершину.

Мен төмөн түшүп барам – я спускаюсь вниз; досл.: я пойду, падая вниз

Кеч кирип барат – вечер наступает; досл.: вечер пойдет, входив

Акмат ордунан туруп барат – Акмат поднимается с места; досл.: Акмат пойдет, встав с места.

По смысловому содержанию подобная форма сложного глагола передает видовой оттенок незавершенности и продолжительности процесса, который уже начался, идет в данный момент и не дошел до своего апогея. При этом обслуживающий компонент “бар” придает действию или движению направленность к какой-то цели.

Повидимому, для киргизского языка это отживающая форма, которая более употребительна в вышеуказанном значении в ряде других языков тюркской системы, напр. в казахском, татарском, узбекском и др. Киргизы же предпочитают для выражения действия с тем же видовым оттенком прибегать к употреблению более сложной, трехкомпонентной формы с всп. глаголом “жат”. /Өсүп бара жатат – өсүп баратат – “растет”, чыгып бара жатат – чыгып баратам – “поднимаюсь”⁹⁶.

Как только спрягаемый компонент “бар” примет другой аффикс, включая отрицательную частицу “ба”, кроме форманта

⁹⁶ подробности см. всп. глагол “жат”.

деепричастия будущего времени “а”, словосочетание с “бар” перестает выражать вышеуказанный видовой оттенок и тем самым последний вновь восстанавливается в своем первоначальном значении “итти”, “пойти”. Или же такое сочетание будет не употребительно.

Мен поездда Ташкенге чейин китеп окуп бардым – я ехал в поезде до Ташкента, читая книгу.

Мен библиотекадан китеп окуп бардым – я прочел в библиотеке книгу и пришел /куда-то/.

Мен чокуга чыгып бардым – я пришел на вершину, взобравшись /поднимавшись/.

Мен кат жазып барганмын – я пришел, написав письмо.

Мен кат жазып барамын – я пойду, написав письмо.

В этом случае нет составного сказуемого, а деепричастие при нем – обстоятельственные слова.

Особо следует рассмотреть сочетание гл. “бар” с деепричастиями гл. “ал”. Деепричастие будущего времени последнего с глаголом “бар” указывает, также как и с другими деепричастиями других глаголов той же формы, на попутность, параллельность совершения действия, сохраняя каждый раз свою эквивалентную семантику:

Мен мектепке көп көрсөткүч куралдар алып бардым – я прибыл в школу, захватив /с собою/ много наглядных пособий. Если даже в этих случаях будет переведено сочетание одним словом, скажем, “привез”, это не будет означать, что один из них или обе сразу модифицировали свое значение. Здесь нет иного смысла кроме попутности совершения двух действий: “беря” или “схватив” и “прибыл /пришел, приехал и т.д./”.

Мы не видим окончательной модификации или видоизменения значений обоих или одного из участников словосочетания, когда “ал” с формативом деепричастия на “п” стоит перед спрягаемым “бар” /алып бар/, хотя в этом случае имеем факт универбационного слияния основ /алып бар – алпар – алар/. Однако характер универбационного процесса здесь иного порядка чем с вспомогательным глаголом “жат”, где на наших же глазах происходит процесс грамматикализации служебной лексической единицы. Мы не решаемся ставить эти два различных фактора на одну доску, как поступают некоторые авторы⁹⁷.

⁹⁷ Батманов, грамм.киргизск.яз., вып III, стр.38.

Если в подобных сочетаниях наблюдается синтез двух значений, что позволяет переводить “алып бар – отнеси”, то его следует рассматривать как известную тенденцию к префиксации вспомогательного глагола “ал” /акэл/ в отличие от суффиксационного слияния вспомогательных глаголов с основным компонентом, напр. “жат” – баратат. Но все же на современном этапе языка этот процесс в смысловом отношении ярко себя не выявил, хотя формальное начало, кажется, уже положено.

Сенин китебинди үйүңө алып бардым /апардым/ – точный перевод выглядел бы: твою книгу взяв /особой/ пришел /приехал/ в твой дом. На ряду с этим может быть и другой перевод принес твою книгу в твой дом.

Здесь относительно сохранено значение деепричастия “алып” /понятие о взятии/ и значение спрягаемого глагола “бар” /итти, притти/, так же как в выражении /көтөрүп/ бардым – пришел, подняв/:

Сенин чемоданыңды үйүңө көтөрүп бардым – Твой чемодан поднявши, пришел в твой дом.

Касей иним: “таш көтөр, эне” десе, таш көтөрүп барам балама. – Скажет мой Касейин: “неси, мать, камень на себе”, – пойду к сынишке, неся на себе камень /Т.Сыдыкбеков/.

Разница тут в том, что в первом случае субъект шел, неся предмет на руках, в другом – он шел, подняв его на себя.

Кроме того мы имеем в обоих случаях сходство синтаксической функции. Деепричастия в первом и во втором примерах имеют при себе прямое дополнение, на которое переходит действие и требует оформления его в винительном падеже: “китебинди алып” и “чемоданыңды көтөрүп”, в обоих случаях “үйүңө” выступает как обстоятельство места, связанное со своей падежной функцией со спрягаемым глаголом “бар” /кайда бардың – куда ходил? үйү-ңө бардым/ в твой дом ходил/.

В сложных глаголах модифицируемые спрягаемые компоненты, как известно, подобных синтаксических связей с другими членами синтаксической группы не имеют⁹⁸.

И в этом отношении глагол “бар” самостоятелен.

2. Глагол “кел” обозначает движение сюда, по направлению говорящего лица /приходить, прибывать, приезжать и т.д./

⁹⁸ см.в том же всп.гл. “ал”.

Сочетание “кел” с деепричастиями будущего времени выражает аналогичное глаголу “бар” значение, т.е. указывает на параллельность и попутность совершаемого или совершенного действия с той лишь разницей, что при первом движение направлено в сторону говорящего лица /ала келдим – пришел, захватив с собой, досл. беря, пришел; эки жакты карай келдим – пришел, посматривая по сторонам/.

В способе и значении сочетания “кел” с деепричастным прошедшего времени тоже можно найти некоторое сходство с “бар” с тем же различием направленности совершаемого движения или происходящего процесса состояния. Являясь спрягаемым компонентом в форме будущего времени с парадигмой спряжения един. мн. числа с деепричастиями на “п”, “кел”, сочетаясь лишь с основами некоторых непереходных глаголов, выражает видовой оттенок, указывающий на то, что процесс действия начался сравнительно давно, пока еще идет, но близок к завершению, т.е. момент апогея действия уже пришел и скоро должен наступить предел или конец действия.

Караңгы кирип келет – темнота наступает

Кеч кирип келет – вечер наступает

Таң агарып келет – расцветает /досл. утро белеет/

Эгин бышып келет – хлеб поспевает.

Советтик эл чарбабыз жылдан жылга өсүп келет – Наше советское народное хозяйство с каждым годом развивается.

Колхоздордун коомдук чарбалары өсүп, колхозчулар байып келет – развивается общественное хозяйство колхозов и колхозники становятся богатыми. / досл. развивши общественное хозяйство колхозов, колхозники богатея /приходят/.

Тот же сложный глагол со вспомогательными “кел-, приняв аффикс прошедшего утвердительного “ды”, указывает на завершенность действия, происходящего вплоть до момента произнесения речи говорящим лицом, в следующих случаях:

а/ когда он вступает в сочетание с деепричастиями прошедшего времени:

Фадеевдин “Жаш гвардия” деген романын поездда жолду карай окуп келдим – В поезде по всей дороге читал я роман Фадеева “Молодая гвардия”.

Революция куралдуу көтөрүлүшкө такай жетип келди – Революция вплотную подошла к вооруженному восстанию /из истории ВКП/б/, стр. 73, на кирг. яз. изд. 1946 г./

1905-жылы ноябрда Ленин Россияга кайтып келди – В ноябре 1905 года Ленин возвратился в Россию. /т.ж./.

Мен сага дайыма кат жазып келдим, мындан ары да жазып тураам – Я тебе все время писал письмо и в дальнейшем буду пописывать.

Во всех приведенных примерах сочетание “кел” с деепричастиями мы рассматриваем как сложный глагол, где носителем основного значения является знаменательное деепричастие, а его компонент – выразитель видового оттенка, ибо в выражениях “окуп келдим”, “жетип келди”, “жазып келдим” и т.д. речь идет не о процессе прихода сюда /кел/, а о происходящем вплоть до момента произношения речи процессе “чтения”, “писания” и т.д.

Однако имеется в сочетании “кел” с деепричастиями прошедшего времени и другой, малоуловимый в высказывании и не передаваемый в переводах на русский язык, оттенок, указывающий на сопровождение и направленность заложенного в семантике действия в сторону говорящего или действующего объекта. Это лучше всего видно в контрастных глаголах “бар”, “кайт” и др., ср.: барып келдим – сходил, доел, пойдя /туда/, пришел /сюда/; кайтып келди – возвратился, досл. вернувший пришел /сюда/; но мало заметен этот оттенок в выражениях “үйгө чейин ырдап келдим – подпевал до самого дома”, но все же понять, что он подпевал, не стоя на одном месте, не идя туда /бар/, а идя сюда /кел/, - вполне возможно.

б/ всп.глагол “кел” передает тот же видовой оттенок завершаемости действия вплоть до момента произнесения речи, когда он сочетается с третьим компонентом с “бол”, стоящим в форме дееп. прош.вр. /дос болуп келдим, резерв болуп келди, жардамчы болуп келди и т.д./.

Примеры:

Ленин комсомолу ар качан Ленин-Сталин партиясынын эң ишеничтүү жардамчысы жана резерви болуп келди жана мындан ары да болот. – Ленинский комсомол всегда был и впредь будет самым надежным помощником и резервом партии Ленина-Сталина /Кирг.-русс.словарь проф.Юдахина К.К., стр.250/.

Аман калган ачык уюмдар, партиянын подполдук уюмдары үчүн калканчы сыяктуу жана массалар менен байланушуунун куралы сыяктуу нерсе болуп келди /из ист.ВКП/б/ стр.119/.

“Ушундай болуп келди жана мындан ары да ушундай болот”. /т.ж.стр.131/ – / Так было и так будет”.

Ошондуктан большевиктер партиясы 1918 жылга чейин Россиялык социал-демократтык жумушчу партиясы делип, кашанын ичинде – “большевиктер” деген сөз кошулуп келди /т.ж., 127/ – Поэтому партия большевиков до 1918 года продолжала называться социал-демократической рабочей партией с добавлением в скобках – “большевиков”.

Дело, видимо, заключается в том, что приименной спрягаемый компонент “бол” не может выразить видового оттенка, который получен в результате присоединения всп.глагола “кел” к деепричастной форме первого: формы со вспомогательным глаголом “бол” /резерв болду, резерв болгон/ указывают только на то, что процесс протекания действия закончен до момента произнесения речи, независимо от того задолго или не задолго до него. Всп.глагол же “кел”, вступая третьим компонентом с тем же формативом прошедшего времени “иду”, способен выразить тот необходимый видовой оттенок, который указывает, что процесс протекания действия шел вплоть до самого момента произнесения говорящим субъектом речи. Когда последний хочет указать, что это процесс продолжается дальше⁹⁹, он употребляет то же словосочетание со вспом. гл.”бол”, ставя спрягаемый компонент в форме будущего времени /болот/ ср. резерв болуп келди жана мындан ары болот.

в/ Тот же видовой оттенок передается, когда деепричастие имеет аффикс отрицания “ба” / жазбай, окубай, иштебей, бүтүрбөй, оңдолбой и т.д./ и с ним сочетается спрягаемый компонент “кел” в форме прошедшего времени:

Бир нече күн жамгыр жаап, эгин айдатпай келди – несколько дней шел дождь и не давал пахать.

Бир катар иштер иштелбей келди – некоторые дела не делались.

И в этом случае мы видим, что употребление вспомогательного глагола “кел” вызвано необходимостью уточнения мысли

---

⁹⁹ Здесь трудно уловить одну тонкость: прерывается ли этот процесс протекания действия или нет.

говорящего лица во времени совершения действия. Ни одна из наличных в языке несложных, простых форм прошедших времен – утвердительного на “ды”, неопределенного на “ган”, неожиданного на “ып”+ “аффикс сказуемости”, сомнительного на “ган+дыр+аф.сказ.” и обычного на “чу+аф.сказ.” – при присоединении к ним аффикса отрицания не может передать ожидаемого видového оттенка в процессе протекания действия, а именно: совершенность действия вплоть до произнесения говорящим субъектом речи, ср. жазбадым, жазбаганмын, жазбаптырмын, жазбагандырмын, жазбачумун. Ср. также сложные формы с гл. “кел” в след. предложении: Мен сага кат жазбай келдим жана мындан ары да жазбайм – я тебе письмо не писал /до сих пор/ и я не напишу и в дальнейшем. Сравните последнее с положительной его формой: мен сага ушул күнгө чейин кат жазып келдим, мындан ары да жазып турам – я тебе до сих пор писал письмо и в дальнейшем буду писать.

“Кел” с положительными деепричастиями.

Наиболее употребительной формой является сочетание “кел” с положительными деепричастиями с формативом “гы/гу”, которые в отличие от других форм деепричастий, принимают непосредственно на себя аффиксы личного спряжения. Такое сочетание выражает цель или желание совершить действие, заключенное в семантике деепричастия:

ед.ч.	окугум, окугуң, окугусу/ келет – хочется/	мне	
		нам	читать
		тебе	
		тебе	
мн.ч.	окубугуз, окугуңар, окуусу /келип – хотелось	нам	
		ему	
		им	

Приведем примеры из источников:

Жапар Талант жөнүндө айткысы келсе, Айша Жамила жөнүндө айткысы келет. Бирок бирин бири аяшат, бирин бири кайгырткысы, муңайткысы келишпейт – Жапару хочется рассказать о Таланте, а Айша о Жамиле. Но друг друга жалеют, не хочется одни другого печалить, горевать. /К.Баялинов/.

Бир менен күүгө кошуп айткым келди /Дж.Боконбаев/ – хочется /мне/ сказать стихами, переложенными на музыку.

Встречается сочетание этого деепричастия с “бар” /айткым бар, окугум бар, иштегим бар и т.д./, но второй компонент подобных сочетаний рассматривается нами не как глагол “бар” /иди/, а как имя, означающее – наличие, бытие, есть: иштегим бар – есть /у меня/ желание работать.

Сочетание глагола “бар” и “кел” с глаголом “жат” представляет собою особый тип сложного глагола, который будет разобран ниже /см. гл. “жат”/.

Вспомогательные глаголы: жат, тур, отур, олтур, жүр.

В киргизском языке временный оттенок глагольных форм выражается, как известно, морфологическим способом, т.е. путем присоединения к глагольной основе деепричастных или причастных формативов и аффикса сказуемости /см. главу I/. Форматив деепричастия будущего времени на “” и аффикс сказуемости дают и должны были дать нам значение будущего времени, например, оку-й-мун – прочту /буду читать/. Однако, как мы уже видели, всп.глаголы “бар” и “кал” в некоторых случаях отклоняется от нормы. Еще большее отклонение от указанной нормы мы имеем при парадигме спряжения разбираемых четырех всп.глаголов /жат, тур, отур, жүр/. Последние, в отличие от других глаголов, при самостоятельном употреблении в роли сказуемого, приняв указанные формативы, выражают, вместо ожидаемого одного будущего, два временных понятия – настоящего и будущего, различие которых возможно по смыслу высказывания. Если при сказуемом, в роли которого выступает один из разбираемых четырех вспомогательных глаголов, обстоятельственное слово стоит в местном падеже, то любой из них, оформленный аффиксами деепричастия буд.вр. и сказуемости, передает значение настоящего времени, например, мен керебетте жатам – я лежу на койке; сен керебетте жатасың – ты лежишь на койке; мен үйдө жүрөм – я нахожусь дома; мен Фрунзеде турам – я живу во Фрунзе.

Видимо, это обстоятельство дает повод многим авторам называть форму на “” + афф. сказуемости формой то настоящего

времени, то настоящее-будущего времени, хотя основная масса других глаголов, занимающих в словарном составе языка солидное место, при этой же форме выражает значение будущего времени. Например, глагол в киргизском предложении “мен кат жазам” никак нельзя понять в значении настоящего времени, он передает понятие только будущего “я напишу /буду писать/ письмо”.

Разберем каждый из четырех всп.глаголов в отдельности.

1. “Жат” имеет значение “лежать, ложиться, находиться”. Самостоятельное употребление этого глагола сохраняет свою лексическую значимость и в двух формах передает значение настоящего времени: 1/ в форме, отживающей в киргизском языке на “ыр//ыры” / жат -ыр//ыры, на которую указывали еще составители “Грамматики алтайского языка”¹⁰⁰, и 2/ в форме деепр. буд.времени + аффикс сказуемости. Однако последняя форма, как мы увидим, связана с функцией падежа. “Жат” требует два падежа: местного и дательного-направительного. Когда при глаголе “жат” обстоятельство слово поставлено в местном падеже, глагол выражает, как отмечено выше, значение настоящего времени: үйдө жатам – лежу /нахожусь/ дома.

Стоит только обстоятельственные слова, входящие в состав синтаксической группы сказуемого, поставить не в местном, а в дательном-направительном падеже / керebet-ке, төшөк-кө, үй-гө/, та же форма глагола выражает не настоящее, а будущее время.

Мен керebetке жатам – я лягу на койку

Сен төшөккө жатасың – ты ляжешь в постель

Акман үйгө жатат – Акмат ляжет в комнате.

Поэтому в форме прошедшего времени гл. “жат” дательного-направительный падеж не употребляется, напр. нельзя сказать: сен төшөккө жаттың, мен жайлоого жаттым, Акмат шаарга жатты. Если же гл. “Жат” оформлен аффиксом будущего времени /сомнительного “ар”, намерения “мак/чы”, процессуального “ууда”/, наоборот, указанное падежное окончание обязательно, напр. мен жатармын, мен төшөккө жатмак/чы/мын, мен төшөккө жатуудамын.

Одним словом, тут мы видим взаимодействие семантики падежа и глагола. Но такое взаимодействие имеет место до тех пор, пока глагол “жат” употребляется в основном значении. Когда

¹⁰⁰ см.” Грам. алтайск. языка”, Казань, 1869 г., стр.56-57.

же он попадает спрягаемым компонентом в составе сложного глагола, он перестает быть управляемым или управляющим.

С деепричастиями будущего времени

Сочетание “жат” с деепричастиями будущего времени может дать малоупотребительный сложный глагол в том случае, если он будет оформлен аффиксом будущего сомнительного на “ар” или будущего намерения на “мак/чы”. Полученный таким путем сложный глагол выражает сомнение в совершаемости в будущем действия с оттенком длительности или продолжительности.

Сенин тапшырманды орундай жатармын / или жатмакчымын / – наверно/ скорее всего/ твое поручение исполню

Бул китепти окуй жатармын – наверно /скорее всего / эту книгу прочту.

Надо полагать, что оттенок совершаемости действия в будущем и сомнительности вносится формой “ар+ афф. сказуемости”, как это мы имели при простом глаголе, описанном в главе I /см. времени и наклонения глаголов/, а видовой оттенок продолженности совершаемого процесса появляется в результате сочетания основы “жат” со знаменательным деепричастием. В результате такого сочетания его второй спрягаемый компонент лишился своей первоначальной семантики “лежания”, а стал исполнять роль видового показателя, приняв на себя нагрузку носителя морфологических элементов, выражаемых время и наклонение глагола.

Исключение составляет только два глагола-направителя движения – кел и бар, деепричастие будущего времени которых, сочетаясь с “жат”, представляет собою широкоприменимую и универбационную форму сложного глагола: бара жатам / баратам – иду, еду-туда, келе жатам /келатам/ - иду /еду -сюда/.

Шаарга бара жатам /баратам/ – еду /иду/ в город

Театрга келе жатам /келатам – еду /иду/ в театр.

В отличие от других типов сочетаний, /жамбаштап, үргүлөп, сүйлөп и т.д. + жатам/, где одна и та же форма может быть рассматриваема как сложный или несложный глагол, судя по контексту, сочетание “жат” с “бар” и “кел” всегда является сложным, ибо в этих случаях речь идет о контрастных, противоположных понятиях: о передвижении и лежании.

При них “жат”, всегда лишенный своей основной семантики “лежания”, является лишь дополняющим значение основного деепричастия служебными компонентами. В то же время он не лишен, за ним сохранена роль грамматического показателя, так же как семантика сложного осталась за деепричастиями /бара, келе/. Сравни образование времен сложного глагола:

Наст.вр.	бара жатам – иду /еду
Прош.вр.	бара жаттым – шел /ехал/
Прош.первое	бара жатканмын – шел /ехал/тогда/
Прош.неожид.	бара жатыпмын – шел /ехал/

оказывается/

Будущ. утвердит.	–	–
Будущ.сомнит.	бара жатармын – / <u>наверное</u> / пойду / поеду	скорее всего

Между значениями простого глагола и сложного с “жат” имеется большая разница. Это видно из приведенных примеров. Когда я говорю “Күн жаап турганда колхозго бардым”, прошешее время гл. “бардым” указывает скорее на завершенность процесса действия, но “бара жаттым” в предложении “күн жаап турганда колхозго бара жаттым” означает, что действие находилось в процессе совершения, но в начале и не в конце, и не по крайней мере между ними известно, когда будет полное завершение действия.

То же самое мы видим в других формах времен, выражаемых спрягаемым компонентом “жат”. Это означает, что всп. глагол “жат” своим вступлением в сочетание с “бар” и “кел”, выражает видовой оттенок завершенности и продолжительности процесса действия.

То обстоятельство, что сочетание “жат” с деепричастиями “бар” и “кел” всегда рассматривается как сложный глагол, что позволяет двухкомпонентным сочетаниям “бара жатат – баратат” и “келе жатат – келатат” вступать в сочетание с третьим деепричастием, но уже в роли двухсложного вспомогательного глагола, где “бар” /итти/ и “кел” /итти/ теряют свою первоначальную семантику передвижения, от них остается лишь уловимый оттенок направленности движения в какую-то сторону.

Вспомогательный глагол “жат”, лишенный также своей лексической значимости, продолжая принимать на себя грамматические аффиксы времени, залога и др., сохраняет, как,

нам кажется, прежний видовой оттенок. Напр., өсүп баратат – развивается / в каком-то направлении /, агып келатат – течет или плавает / в направлении сюда/, жыгылып баратат – падает / туда/, жыгылып келатат – падает /сюда/. В первом примере “өсүп баратат” имеется оттенок, который указывает, что процесс действия /развития/ дошел до полной фазы и идет дальше. Во втором же “өсүп келатат” – процесс развития начался недавно, только что начинает развиваться. Однако с деепричастием “жыгылып” виден более отчетливо другой оттенок, а именно – направление: “жыгылып баратат” – падает /туда/, жыгылып келатат – падает /сюда/, хотя не исключена возможность, что и тут может быть одновременно выражен оттенок первый: падает /начинает, сюда; падает / уже в полном процессе падения, туда/.

Таким образом, двухсложный вспомогательный глагол “кел+жат” и “бар+жат” придают своему знаменательному компоненту не лексическое, а дополнительное видово-модальное значение, указывающее на незавершенность и продолжительность процесса действия и динамику движения в его направленности, а временные, залоговые и другие грамматические значения вносятся соответствующими аффиксами, присоединяемые к основе последнего по порядку вспомогательного компонента:

Наст.вр.	чаап келе жатат – скачет /сюда/
Прош.утв.вр.	чаап келе жатты – скакал -»-
Прош.первое	чаап келе жаткан – скакал -»-
Прош.неожид.	чаап келе жатыптыр – оказывается скакал -»-

С деепричастиями прошедшего времени

Глагол “жат”, вступая в сочетание с деепричастиями почти всех глаголов /переходных и непереходных/, может дать сложный глагол с первым оттенком несовершенности и продолжительности процесса действия, напр., жазып жатам – пишу /продолжаю писать/, окуп жатам – читаю /продолжаю читать/, ачууланып жатам – сержусь /продолжаю сердиться/ и т.п.; где процесс действия находится не в начале и не в конце завершения, а скорее всего где-то между ними.

Однако этот видовой оттенок значительно меняется, когда “жат” сочетается с деепричастиями глаголов движения,

связанного с перемещением положения субъекта, – тур, олтур, кел, кет, бар, чык, кир.

Сочетание, указывающее на начало процесса действия:

Үйгө кирип жатам – вхожу в комнату /начинаю входить/

Ордунап туруп -»- – встаю с места /начинаю вставать/

Диванга отуруп -»- – сажусь на диван /начинаю садиться/

Көчөгө чыгып -»- – выхожу на улицу /начинаю выходить/

Киного кетип -»- – иду в кино /начинаю идти/.

Глаголы “кел” и “бар”, становясь знаменательным компонентом сложного глагола, выражают, наоборот, оттенок, близкий к концу завершения:

Сен театрга барып жатасың – ты приходишь в театр,

Сен биздин үйгө келип жатасың – ты приходишь в наш дом, /может быть даже и пришел/.

Значение настоящего времени данного момента, выражаемое простой древней формой “жатыры+афф.сказуем.”; й формой “жат+а+афф.сказ.”, сохраняется, когда они выступают спрягаемым компонентом сложного глагола. Примеры:

Кажанган эки жигит келе жатыр – Два свирепых джигита едут /А.Токомбаев/.

Эр бүлө минтип майданга кетип жатабыз – Вот видите, все мужчины едем /отправляемся/ на фронт /Т.Сыдыкбеков/.

Колхоздор өсүп чыңалып, /колхозы укрепляясь, күндөн күн өрчүп баратат / с каждым днем развиваются/ /ДжБоконбаев/.

Спрягаемый компонент двухкомпонентного сложного глагола – “жат” может принимать аффикс разновидностей прошедших и будущих времен, формативы склонения и залогов, а также аффикс многократного вида, но он при всей этой агглютинации остается в роли вспомогательного глагола. Оттенок незавершенности действия во всех этих формах сохраняется:

прошедшее времена:

Кат жазып жаттым – писал /тогда/ письмо

« « жатканмын – писал /тогда / письмо

« « жатыпмын – писал /оказывается / письмо

« « жаткандырмам – писал /наверно/письмо

« « жатчумун – писал /обычно, тогда/письмо

Примеры для будущих времен:

Сен келгенче мен уктап жатармын – пока ты придешь, я /наверно/ буду спать.

Мен силердикине барып уктап жатмак/чы/мын – Я, приходив к вам, / намереваюсь (буду) / спать.

Вспомогательный глагол “жат” в составе сложного глагола, приняв соответствующие аффиксы и переключившись в другую часть речи, напр., в имя, причастие, деепричастие и т.д., продолжает оставаться в своей вспомогательной роли.

Примеры на вышеуказанное изменение из источников:

90-жылдар өнөр жайлардын өсүп жаткан мезгили болчу. Жумушчулардын саны да өсүп жатты – 90 годы были периодом развития промышленности. Росло и число рабочих /из кр.курса Истории ВКП/б/ на кирг.яз. стр.17/.

Айдоодон кайтып келаткан кезинде Ленин Уфада, Псковдо, Москвада, Петербургда бул маселе жөнүндө бир катар кеңешмелер өткөрдү. – По дороге /по кирг. возвращающийся момент/ их ссылки Ленин устроил по этому вопросу ряд совещаний в Уфе, Пскове, Москве, Петербурге /т. ж., 23/.

Россияда жумушчу табы падышалык бийликке каршы революциялык күрөшкө көтөрүлүп жатты – Рабочий класс в России поднимался на революционную борьбу против царского самодержавия. /т.ж. 27/.

...өз колубуз менен өчпөс шамды жандырып жатабыз – мы своими руками зажигаем непотухаемую лампочку /Т.Сыдыкбеков/.

Ал көлдүн бети тып-тынч турган кезинде жүрүп бараткан парактоодун зор кернейинен чыккан түтүн болучу – Это был дым из огромной трубы парохода, идущего по тихой глади озера /Т.Сыдыкбеков/.

Между прочим необходимо заметить, что причастия на “ган” от простого глагола всегда переводится по русски причастием прошедшего времени, но то же причастие на “ган” от сложного глагола, спрягаемым компонентом которого являются – “жат”, “тур”, “отур” и “жүр”, всегда переводится причастием настоящего времени, ср.

Бул китепти окуган студент – студент, читавший эту книгу.
Но:

Бул китепти окуп жаткан студент – студент, читающий эту книгу.

Бул китепти окуп отурган студент – студент, читающий эту книгу.

Бул китепти окуп отурган студент – студент, читающий эту книгу.

Бул китепти окуп жүргөн студент – студент, читающий эту книгу.

Видимо, в этом еще раз сказывается видовое значение незавершенности или продолжительности процесса действия, возникаемое в результате вступления всп.гл. “жат” в позиции обслуживающего компонента сложного глагола.

Спрягаемый или вспомогательный компонент сложного глагола – “жат” в своем единственном числе может оказаться компонентом нескольких знаменательных деепричастий, являющихся в строе предложения синтаксически или второстепенными /точнее неполными/ сказуемыми однородных деепричастных предложений, или просто однородными знаменательными деепричастиями.

Примеры на эти случаи:

Дыйкандар помещиктердин имениелерин өрттөп, помещиктердин жерлерин тартып алып, өздөрү жек көргөн земский начальниктерди жана помещиктерди өлтүрүп жатышты – Крестьяне поджигали помещичьи имения, захватывали помещичью землю, убивали ненавистных им земских начальников и помещиков /из Кр. Курса ист. ВКП/б/, кирг. яз.стр.27/.

2/ Каракол суусу кирген буурадай чамынып, көбүк чачып, таштан-ташка тийип, өзүнүн коркунучтуу үндөрүн чыгарып, эңкейишти көздөй элирип, күркүрөп-шаркырап агып жатты. /К.Баялинов/.

С громом и грохотом текла речка Каракол, как верблюжий жеребец в ярости, разбрызгивала пену, ударялась камень о камень, стремилась прямо вниз, издавая страшный гул.

В первом примере сказуемое однородных деепричастных предложений /өрттөп, тартып алып мы называем неполными, ибо они без спрягаемой части/ в данном случае без “жат”/ не могут передавать законченность мысли. Реальное значение таких неполных сказуемых можно понять только лишь прочитав общий для них всех спрягаемый компонент, стоящий в конце предложений, объединенных одним общим для всех них субъектом и одним спрягаемым компонентом однородных неполных сказуемых.

Примеры на однородные знаменательные деепричастия
Жумушчулардын жана дыйкандардын революциячыл
чыгыштары Россияда революциянын жетилип жана жакындап
келе жаткандыгын көрсөттү.

Революционные выступления рабочих и крестьян
показывали, что в России назревает и близится революция /т.
ж. стр.27/.

Допускается между знаменательным деепричастием
и спрягаемым компонентом сложного глагола вклинение
усилительной частицы “да” и глагольной связки “эле”¹⁰¹,
последний из которых употребляется для подчеркивания мысли,
выраженной семантикой деепричастия, напр.

...Бул жеке биздин башка түшкөн кыйынчылык эмес.
Кайраттаныш керек.

– Кайраттанып эле жатам /Т.Сыдыкбеков/.

Эта трудность пала не только на наши головы. Надо
мужаться.

– /Вот именно/ мужаюсь.

Ооба айланайын кызым, карап эле жатам. – Да, светочка,
дочка, смотрю /же/. /Т.Сыдыкбеков/.

Ал убадага бек неме. Айткан сөзүн кайта алып да жатпайт.
– Он тверд на слово. То, что он сказал, обратно не вернет.

Вклинение же других форм слов нарушает целостность
сложного глагола, напр. “басып келатат” может быть сложным
глаголом со значением “идет”/сюда/. Но стоит включиться
другому слову, напр. наречию – “араң-еле”, от сложного глагола
остается только “келатат”, басып – шагает /пешком/” отделяется:

Көзүнүн күчү кеткен байкуш кемпир ...бөкчөңдөп басып
араң келатат /Т.Сыдыкбеков/. – ослабленным зрением бедная
бабушка ... идет еле-еле, шагая, согнувшись.

С достигаемыми деепричастиями.

Сложный глагол с этими деепричастиями указывает на
наступившее близкое желание осуществить действие, выраженное
в семантике основного компонента, и может изменяться почти
по всем видам времен, наклонения и залогов.

---

¹⁰¹ в этой роли гл.связка “эле” приобретает значение усилительной частицы;
подробнее см. “эле”.

Окуганы жатам – собираюсь /в данн.момент/ читать
Окуганы жаттым – собирался /тогда/ читать
Окуганы жаткандыр – /наверное/ собирался /в тот момент/
читать.

Окуганы жаткансың – /я хотел бы, чтобы ты/ собирался
читать.

Бул ат байгеге чабылганы жатат – эта лошадь должна быть
включена в аламан байге.

Атты байгеге чаптыртканы жатат – /Кто-то/ заставляет
лошадь включить в аламан-байге и т.д.

Заканчивая обзор о двухкомпонентной форме сложного глагола с “жат”, необходимо указать на имеющуюся в живом разговорном языке, а под его влиянием и в литературном, тенденцию к универбационному слиянию основы вспомогательного компонента с основой знаментального его сочлена. Факт слияния имеет не только с двумя глаголами движения бар /туда/, кел /сюда/, что официально признано действующей орфографией киргизского языка; тенденция к слиянию имеет место в живой разговорной речи с деепричастиями почти всех типов глаголов, так, напр., бара жатам – баратам, келе жатам – келатам, барып жатам – барыбатам, келип жатам – келибатам, окуп жатам – окубатам, иштеп жатам – иштебатам, жазганы жатам – жазганатам, иштегени жатам – иштегенатам.

Однако универбация основы всп.глагола “жат” не наблюдается в казахском языке, наиболее близком киргизскому. Повидимому, объясняется это тем, что там настоящее время данного момента сложного глагола образуется при помощи древней формы “жатыр”, а не деепричастия будущ.вр. “жат -а”, как в киргизском.

Довольно далеко пошло слияние основы вспомогательного “жат” в узбекском, где в отличие от киргизского и казахского, настоящее время данного момента образуется при помощи деепричастия прошедшего времени всп. глагола “жат”¹⁰² /езип ятипман – езияпман; или езип ятырман – езиятырман/.

В туркменском и азербайджанском мы наблюдаем уже совершившийся факт слияния основы знаментального компонента со спрягаемым “жат”. В туркменском мы имеем более ясные следы /языяр - он пишет /чем в азербайджанском

---

¹⁰² см.проф. Ак. Боровков и др. “Узбек тили грамматикасы”.

/языр – он пишет/. Во всяком случае в одном “яр”, в другом – “р” проливают свет на свой первотип “ятур”¹⁰³.

Эти факты из родственных языков и процесс в самом же киргизском языке показывают, что вспомогательный киргизский глагол “жат” имеет тенденцию к превращению в морфологический форматив, в роли которого он уже служит, сохраняя лишь свою внешнюю форму самостоятельности.

2. “Тур” / основное значение: стоять, вставать, находиться, жить, стоять и т.д./.

Форма тур+у+аф.сказуемости с семантикой “стоять, находиться” служит в роли простого глагола и выражает значение времени: настоящее время данного момента с оттенком длительности процесса действия.

Мен ушул жерде турумун – я стою /в данный момент/ здесь.

Сен ушул жерде турусуң – ты стоишь /в данный момент/ здесь;

Ал ушул жерде туру – он стоит /в данный момент/ здесь.

Биз ушул жерде турубуз – мы стоим /в данный момент/ здесь.

Силер (сиздер) ушул жерде турусуңар (турусуздар) – вы стоите /в данный момент / здесь.

Алар ушул жерде туру / турушат/ – они стоят /в данный момент/ здесь.

Глагол “тур” с конечным “ур”, как обычная форма, встречается в древних документах. В памятнике “Кутадгу билиг” написанной Хаджи Юсуфом Баласагунским¹⁰⁴, “турур” употребляется со значением настоящего времени “есть”, “является”, напр., “Тил арслан турур, көр, эшикде йатур, айа эвлуг арзык балуңни йапур” / язык – лев, смотри, он лежит у двери; о обманывающийся хозяин, он /лев/ погубит твою голову¹⁰⁵. В том же значении “тур” встречаются и в документе XIV века в “Муфтахил-адл”: “Сизлер билурмисизлар, мен ким турурман, даим маюра устида ултурурман, ...- / “Вы знаете, кто есть я, всегда сижу на вышке...”¹⁰⁶.

¹⁰³ см. Ф.Корш, “Происхождение формы настоящего времени в западно-турецких языках” / “Древности восточные”, т. III, 1907 г./

¹⁰⁴ см. А.Н.Бернштейн, “Башня Бунака”, Фрунзе, 1946 г.

¹⁰⁵ см. С.В.Малов, “Из третьей рукописи Кутадгу билиг”, АН ССР, 1929 г., стр.741.

¹⁰⁶ см.”Хрестоматия по узбекской литературе”, Ташкент, 1948 г., стр.75.

Поэтому форму “тур+у+аф.сказ.” мы считаем древней¹⁰⁷. В современном киргизском языке она заменяется формой “тур+аф. деепр.ч. будущего времени и афф. сказуемости” и передает значения: 1/ настоящего времени данного момента с оттенком продолжительности и 2/ будущего утвердительного.

Примеры:

1. наст.вр. данного момента: Мен көптөн бери Фрунзеде турам – Я давно нахожусь /живу/ во Фрунже.

2. буд.утверд.: Мен катты жазып бүтүп, ордуман турам – Написав письмо, я встану с места /своего/.

В форме прошедшего утвердительного на “ду” этот глагол выражает завершенность действия, ср. мен ордуман турдум – я встал с места /своего/; мен Москвада 10 жыл турдум – я в Москве жил 10 лет.

Когда “тур” употребляется в форме деепричастия буд. вр.+афф. сказуемого в значении “стоять” для обозначения цены, глагол выражает постоянное качество: бир топоч бир сом турат – Одна лепешка стоит один рубль.

С деепричастиями будущего времени

Сочетание “тур” с деепричастиями будущего времени любого глагола выражает начало действия, но полностью незавершаемого, со значением “пока что”, причем временной оттенок зависит от того, какой форматив имеет сам спрягаемый компонент с той лишь разницей, что в сочетании не выражается вообще значение настоящего времени, когда сложный глагол играет роль сказуемого. Последнее обстоятельство, видимо, связано с тем, что древняя форма, которой свойственно обозначение только наст.времени, не вступает в сочетание с дееп. буд. вр.

1/ тип сочетания: деепр. а (е) й+++тур+а+аф. сказ.. – указывает на намерение действующего или говорящего субъекта приступить в будущем к совершению. Быть может до конца не завершаемого действия /жаза тур – пока попиши/ в буд./, окуй турам – пока почитаю / в буд./; Азырынча кымыз иче туралы – А пока попьем-ка кумысу /Т.Сыдыкбеков/.

¹⁰⁷ форма “турур” названы П.М.Мелиоранским также “древний формант”; см. “Краткая грамматика каз.-кирг.яз.”, ч.II”, стр. 41.

2/ То же самое сочетание, но “тур” с формативом прошедшего утвердительного “ды”, указывает, что действующий субъект или говорящее лицо в прошлом приступил к действию, которое полностью не завершено. /Сен келгенче, мен китеп окуй турдум – До твоего прихода я почитал книгу/.

3/ “Тур”, превратившись в наречную форму посредством аф. “гын –дык –тан”, указывает, что действие, заложенное в семантике основного компонента, будет исполнено в будущем. Артистер колхозго бара тургандыктан, театр бир нече күн иштебейт экен. – Поскольку /или так как/ артисты поедут в колхоз, театр несколько дней, оказывается, не работает/.

4/ Когда спрягаемый компонент принимает форму причастия “ган”, сложный глагол передает значение прошедш. времени с оттенком многократности / “Кеңеш” колхозуна бул кыздан мурун да райондон жумуштап, кандайдыр бир аял келип-кетип жүрө турган /К.Баялинов/. Мен мурун шаарга бара турганмын – раньше я ездил /имел обыкновение ездить, много раз/ в город.

5/ Однако, когда тот же сложный глагол со спрягаемым “турган”, становится в роли сложного определения подлежащего или дополнения в распространенном предложении, он выражает значение настоящего времени с оттенком намерения или долженствования / лекция окуй турган профессор алда качан келиптир – профессор, который должен читать лекцию, оказывается, пришел /приехал/ давным давно. Институтту быйыл бүтүрө турган студент мамлекеттик экзаменге дайарданып жүрөт – студент, окончивший /или: который должен окончить институт / в этом году институт, готовится к государственному экзамену/.

С деепричастиями прошедшего времени

Редко можно встретить сочетание древней формы “туру” с деепричастиями прошедшего времени /Окуп турумун, жазып турумун и т.д./.

Такой сложный глагол передает только одно временное значение – настоящего времени данного момента с оттенком продолжительности.

Сочетание деепричастия этого типа с гл. “тур” в форме повелительной выражает не только значение повелительного наклонения, но и оттенки “пока” и многократности: окуп тур – пока почитай, окуп турайын – пока /пусть я/ почитаю, окуп турсун – пусть он /пока/ почитает. Ўзбэй кат жазып тур /К.Баялинов/ – Пиши письмо почаще.

Если спрягаемый компонент принимает форму утвердительного будущего, сложный глагол одновременно может передать два временных значения /по контексту иногда можно понять только одно/: 1/ настоящего времени из»явительного наклонения с оттенком продолжительности и 2/ будущего времени с оттенком скорее многократности чем однократной продолжительности.

1/ Примеры на будущее:

Макул, Жапыке, макул. Кат жазып турам, күтөм /К.Баялинов/ – Ладно, Жапыке, ладно. Буду писать письмо, буду ждать. /В этом контексте выражено только одно время – будущее/.

Жогорку малуматтуу коммунистер колхозго барып, доклад жасап турат – коммунисты с высшим образованием ездят / поедут/ по колхозам, чтобы сделать доклад / тут без предыдущих контекстов может быть понято двояко: 1/ ездили раньше, ездят теперь и будут ездить, или 2/ теперь принят такой порядок, при котором раньше не ездили или мало ездили, будут постоянно ездить в будущем/.

2/ Примеры на настоящее время:

Кантип турат жаш ырчысы сайрабай? /Дж.Боконбаев/ – Разве может молодой поэт не петь.

Эмгекке эрмек болуп турат сайран /он же/ – поет, развлекает труд песней своей.

Туугандар, мен азыр кыял масмын: бакырып ыйлагым келип турат – Братья, я заволнован: хочется плакать /громко/. /Т.Сыдыкбеков/.

Көз байланган көз. Үйдө лампа күйүп турат – Время позднее. Дома горит лампа /он же/.

Простой глагол с формативом утвердительного прошедшего “ды” может указывать на относительную завершаемость действия

/чай ичтим – пил /выпил /чай, бир стакан чай ичтим – выпил стакан чаю/. Но сложный глагол с “тур”, который оформлен тем же формативом, не передает указанной относительной завершамости, и выражает оттенок продолжительности /чай ичип турдум – до твоего прихода я пил /попивал/ чай/. Но сказать “сен келгенче, мен бир стакан чай ичип турдум”, - не принято. В таком контексте скорее заменяет сложный “ичип турдум” на простой “ичтим/.” Это объясняется тем, что процесс выпивания одного стакана /бир стакан/ чая осмысливается непродолжительным, а процесс “напивания” вообще чая – продолжительным. Поэтому сложный глагол со спрягаемым “турду” применяется в таком контексте, где нужно выражать длительность процесса действия.

Примеры:

Деревняда эң оокаттуу дыйкандардан кулак төбөлдөрү, деревнялык буржуазия бөлүнүп чыгып турду. – В деревне из наиболее зажиточных крестьян выделялась кулацкая верхушка, деревенская буржуазия /из. Кр.Курса. ист.ВКП/б/, кирг.яз.67/.

Экинчи жагынан. Көп дыйкандар бүлүнүп, кедей дыйкандардын, деревнялык пролетариаттын жана жарым пролетарлардын саны өсүп турду. – С другой стороны, многие крестьяне разорялись, увеличивалось количество крестьянской бедноты, деревенских пролетариев и полупролетариев /т.ж./

Время сложного причастия “ган” определяется формой деепричастия основного компонента /жазып отурган окуучу – ученик, который писал /писавший/; окуп турган адам – человек, читавший /который читал/.

С деепричастиями достигательными.

Вспомогательный “тур”, сочетаясь с деепричастиями “ганы”, выражает желание, готовность совершить действие в данный момент, если спрягаемый компонент принимает древнюю форму “туру”, в настоящее время или в будущем /судя по контексту/, если имеет форму “тур+a+афф. сказ.”; в прошлом, если “тур” имеет форматив “ду”. Жазганы турумун – хочу писать /в данный момент/

жазганы турам – хочу (собираюсь) писать /в наст и будущ.
жазганы турам – хотел (собираюсь) писать

Сложное достигательное причастие /осн.гл.+ ганы + турган/ имеет значение незавершенности и переводится формой настоящего времени: жазганы турган киши – человек, собирающийся /намеревающийся, желающий/ или “который хочет, намеревается, собирается” писать.

Из других особых случаев сочетания можно указать на следующие:

I/ Всп.глагол “тур” в форме “тура”, которая может принимать аффикс “бай” и окончание личного спряжения ед.и мн. числа, сочетаясь с неизменяемым компонентом – глаголом, оформленным личным окончанием третьего лица утв. буд. времени /окуйт, айтат или с отрицанием окубайт, айтпайт и т.д./, выражает неожиданность для говорящего лица в возможности или способности действующего субъекта совершить действие, заключенного в семантике основного компонента. Время совершения действия ясно не выражено, однако же форма дееприч. буд.вр+скажем. скорее указывает на то, что действие совершается или будет совершаться. Эту разницу можно понять в зависимости от контекста:

жазат тура – оказывается пишет /будет писать/

ырдайт тура – оказывается поет /будет петь/

жазат турбаймынбы – оказывается я буду писать /пишу/.

жазат турбайсыңбы – оказывается ты будешь писать /пишешь/

жазат турбайбызбы – оказывается мы будем писать /пишем/

жазат турбайсыздарбы – оказывается вы будете писать /пишете/

алар жазат турбайбы – оказывается они будут писать /пишут/.

Примеры:

Кана Чаке, биздин жомогубуз кийин айтылат тура.
Азырынча кымыз иче туралы.

Ну, Чаке, оказывается наша сказка будет рассказана позже.
А пока поъем-ка кумысу. /Т.Сыдыкбеков/.

Тим эле учуп кетет тура. Чапкан аттан деле тез тура /его же/. – оказывается, /он/ прямо таки летит. Оказывается, /он/ быстрее скакуна.

Күндүр-түндүр дем албай, иштей берет турбайсыңбы – оказывается ты работаешь днем и ночью без отдыха.

Ар жаныбар уругу Чүйдө болот турбайбы – семена всех существ, оказывается, на Чуе бывает /Молдо Кылыч/.

Та же форма “тура” без или с парадигмой может сочетаться с причастием на “ган” или с любым именем, в действительности которого подвергался раньше сомнению.

Алган тура – оказывается взял

Алынган тура – оказывается взят

Окуучу тура – оказывается учащийся

Ырчы тура – оказывается певец

Сен студент турбайсыңбы? – оказывается ты студент?

“Тура” в сочетании как с глаголом, так и с именной формой, может быть вполне заменено служебным словом “экен” / турат экен – оказывается стоит/ будет стоять/, адам экен – оказывается человек, алган экен – оказывается брал /взял/ и т.д./.

3. Наблюдается вклинивание между спрягаемым и основным компонентом усилительной частицы “да” и “эле, употребляемой для подчеркивания мысли, заключенной в семантике основного компонента /жазып да (эле) – турам/:

Окуп да турам, жазып да турам – и пишу, и читаю.

Уктабай эле турам – не сплю же.

Основной компонент может быть оформлен личным окончанием 3-го лица ед.числа утв. будущего /алат, окуй и т.д./, все в этом случае может вклиниваться только усилительная частица “да”. Тогда сложный глагол приобретает оттенок чрезмерной длительности процесса совершения действия.

Примеры:

Кой десе болбостон, ырдайт да тура – говорят ему прекрати, но /он/ поет и поет.

Сүйгөн шаарын, алтын-асыл балдарын эстегенде Иващенкоун оозунан көк түтүн чыгып, тапка келген кыраандай, алга умтулат да турат /К.Баялинов/.

В этом примере выражение “алга умтулат да турат” может быть переведено”/он/ рвется вперед и рвется”.

3. Спрягаемый служебный компонент сложного глагола с “тур”, также как с “жат”, может оказаться в единственном числе компонентом нескольких однородных деепричастий /см. такой же случай с”жат”/.

Примеры:

... Ленин практиктер менен кээ бир байланыштарды сактап кала алды да, айдоодо жүргөн жеринен алар менен кат жазышып, иштин жайын сурап, аларга кеңеш берип турду. –

... (Ленин) сумел сохранить кое-какие связи с практиками, вел с ними переписку из ссылки, спрашивал о положении дел, давал им свои советы /из Кр.Кур.Ист. ВКП/б/ на кирг. языке, 22/.

Кан дария агып, согуш жүрүп, журт башына калабалуу күн тууп, оор түйшүк тартып, оюн-күлкү унутулуп турган кезде да кишилер муңайбасам дешет ко /Т.Сыдыкбеков/.

4. Всп.глагол в форме “тур”, приняв аффикс для первого и второго лица “гай” и для третьего “сун”, сочетаясь с буд. долженствовательным намерением на “мак” /бармак/ передает значение “не только не, но”, применяемое как синтаксический прием, напр.

мен алмак тургай – я не только не взял, но...

сен алмак тургай – ты не только не взял, но...

ал алмак турсун – он не только не взял, но...

Мен окуп коймок тургай, кирише да элекмин. –

Я не только не прочел, но даже не приступил.

1914-жыл башталгандан кийин да жумушчулардын стачкалары басылып калмак турсун, тескерисинче, жаңы күч менен өрчүй баштады. – С наступлением 1914 года стачки рабочих не только не стали затихать, а, наоборот, стали разворачиваться с новой силой /Кр. Курс Ист. ВКП/б/, 141/.

Интересно провести некоторую аналогию между грамматическими значениями, передаваемыми, с одной стороны, аффиксом сомнительности “дыр”, присоединяемым к дееприч. на “п/ып” и к причастию на “ган” /барыптырмын, баргандыр/ и к именам /адамдырмын/, и, с другой стороны, формой “тура”,

сочетающейся как с глаголами /барат тура/, так и именами /адам тура/. Между ними имеется, с одной стороны, смысловое сходство, заключающееся в том, что и аффикс “дыр” и всп. глагол в форме “тура” одинаково выражает суб»ективное мнение говорящего лица с достоверности или истинности в совершении действия кем-то или им самым неожиданно для себя, с неуверенностью его о том, в самом ли деле речь идет о предмете или существе, о котором ему говорят и он сам его впервые увидел. С другой стороны, между ними есть сходство синтаксических значений. Дело заключается в том, что присоединение как аффикса “дыр”, так и служебного “тура” не вносит дополнительного грамматического значения /имея ввиду временное, залоговое, видовое и значение наклонения/. Если бы у этих формативов было такое имманентное свойство вносить указанное грамматическое значение, они переносили бы их к именам, которые при присоединении и сочетании остаются все же именами, невыражающими грамматическое значение глагольности, и не переключаются в категорию глаголов /напр. в словах “адамдырмын” и “адам тура” не выражено ни одно из грамматических значений глагольности/. Но слова, получившие эти формативы, даже без аффикса сказуемости могут быть полноценными сказуемыми /уйгө келген Асандыр, Акмат жакын адам тура; сен кызык киши турбайсыңбы и т.д./. Поэтому, с нашей точки зрения, морфологический форматив “дыр” и лексический элемент “тура” с его спрягаемыми формами являются в строе речи ни чем иным, как синтаксическими показателями сказуемости.

Все же вопрос этот требует тщательного изучения. Прежде всего должен быть решен вопрос – считать ли смысловые оттенки неожиданности, передаваемые гл. связками “экен” и “тура” /турбай/ – “оказывается, грамматическим понятием, свойственным только глаголам, которые в одно из форм, а именно гл. основа +афф. деепр. прош. вр.+афф. сказуемости передают тоже самое понятие неожиданности, напр. окупмун – /оказывается/ читал”. Если это понятие есть глагольное, то имена с аффиксом неожиданности рассматриваются, как неполные именные глаголы, имена с формой “тура”, “экен” суть

неполные именные сложные глаголы. “Неполными” приходится их называть потому что, во-первых, в их основе выражено значение о процессе действия или состояния и, во-вторых, они имеют только одно из грамматических значений глагольности, т.е. только значение наклонения.

При рассмотрении вопроса о сложных глаголах с компонентом “тур” бросается в глаза еще один факт, проливающий яркий свет на постоянно изменяющуюся жизнь языка в его истории.

I/ В тюркологической литературе общепризнано происхождение окончания третьего лица един. числа. простого глагола настояще-будущего времени в киргизском – “т”, в казахском и узбекском – “да/ды” от некогда самостоятельного глагола “дур”, которой, повидимому, нечто иное, как “тур”¹⁰⁸. Это подтверждается фактом из уйгурского языка, где вышеуказанная форма до сих пор продолжает относительно сохранять свою древнюю сложность /кыла-ду/р/...¹⁰⁹ с тем же значением настояще-будущ. времени. Подтверждается это и на материале шорского языка, где та же сложная форма /парадар/ имеет несколько иной смысловой оттенок, обеспечивающий “действие обычное, действие постоянное, не связанные с данным моментом, действие, которое произойдет в недалеком будущем, в совершении которого говорящий уверен (“так бывает”, “так есть”, “так будет”). /Н.П.Дыренкова/¹¹⁰.

Форма “дыр”, как формант предикативности, встречается в киргизских поговорках и пословицах, напр., намыс – балаадыр, отко-сууга саладыр, где мы видим, что “дыр” присоединяется не только к вербальным, но и именным формам.

Из тех грамматик шорского и ойротского языка того же автора¹¹¹, очевидно, что форматив “дыр” генетически восходит к вспомогательному глаголу “тур”.

3. Мы склонны предложить гипотезу, что “тур” есть первотип современного аффикса понудительности “дыр/тыр”

¹⁰⁸ См. “Грамматика алтайск. языка”, Казань, 1869, стр.60;

¹⁰⁹ См. В.М.Насилов “Грамм. уйгурск. яз.”, Москва, 1940 г., стр.55.

¹¹⁰ См. ее “Грамм.шорского языка”, АН СССР, Москва, 1941, стр.205.

¹¹¹ См. Н.П.Дыренкова, “Грамматика ойротского языка”, Москва, 1940, стр.198-200, также Н.А.Баскаков “Ойротско-русский словарь”, 1947 г., стр.283.

– жаздыр (заставить писать кого-то), аттыр (заставь стрелять кого-то).

Как известно, в период глубокой древности человеческое мышление и, следовательно, язык, как его форма, отличались сугубой конкретностью. Чтобы кто-то привел что-то в исполнение он должен был двигаться, перемещаться. Слова, обозначающие эти формы движения, видимо, больше всего подвергались употреблению. Поэтому и не случайно то, что глаголы, связанные с положением тела самого человека и другого живого существа, напр. тур (встань), отур (сиди), жүр (ходи), жат (лежи), бер (дай, отдай), кер (смотри) и т.д. широко употребляются в качестве служебных. Чтобы кто-то заставил действовать, тот должен был притти в движение, а именно в такое движение, при котором ему надо было не лежать (жат), не сидеть (отур), не бегать или ходить (жүр), ибо бегание и хождение не начальный этап движения, а оттолкнуться от первоначального состояния, т.е. встать (тур). Это обстоятельство могло сделать “тур” таким служебным словом, при помощи которого говорящий суб»ект обозначал понятие о приведении в движение другого суб»екта и впоследствии оформились агглютинирующий аффикс, обозначающее современное залоговое значение.

Таким образом, мы видим, во-первых, что применение служебных слов (пусть это будет имя или глагол) явление не новое; оно могло иметь место и в очень ранний период развития человеческого мышления и языка. Во-первых, очевидно и то, что одно и то же слово, переходя к исполнению служебной роли, может превратиться в разные морфологические или лексические формативы с обозначением различных не грамматических понятий. В-третьих, то или иное вербальное слово, переходя, с одной стороны, в служебное назначение, с другой стороны, может продолжать сохранять прежнее основное значение и употребляться в роли основного слова (мен турам – я встану, жазган тура – (оказывается) написал; жазгандыр – (наверно) написал, жаздыр – (заставя писать).

3. Отур или олтур (сидеть, садиться). Сама семантика этого глагола подсказывает, что он употребляется главным образом в отношении людей и летающих существ.

В роли простого глагола он встречается в форме древней “отур+у+аф.сказ.” и современной “отур+а+аф.сказ.”.

Древняя форма “отур+у+аф.сказ.” имеет только одно время – настоящее данного момента с парадигмой спряжения, как “тур”. Аффиксов других времен она не принимает.

Форма “отур+а+аф.сказ.” при употреблении в роли самостоятельного глагола передает два временных значения: настоящего и будущего, различие которых возможно в зависимости от контекста.

Сочетание “отур” с деепричастиями будущего времени мало употребительно, если только оно встретится, означает одновременность или параллельность совершения действия, включенного в семантике предшествующего деепричастия. Поэтому в этих случаях он сохраняет свое основное значение. (Кары тынычтаным алып, эки жагын карай олтурду – Старик, устроившись поудобнее, сидел, оглядываясь по сторонам) (Т.Сыдыкбеков).

“Отур” выявляет свою вспомогательность, сочетаясь с деепричастиями времен и с достигательными деепричастиями.

С деепричастиями прошеш. времени.

Редко употребляемая форма сочетания деепричастия на “д”+древн.форм от “отуру” указывает на то, что действие, выраженное в знаменательном компоненте, происходит в момент произнесения речи с оттенком длительности (иштеп отуру – работает, окуп отурумун – читаю).

Если спрягаемый компонент принимает аффиксы повелительного наклонения, то сложный глагол выражает значение недатированного будущего времени.

Мен окуп отурайын – пусть я прочту (неопр.)

Сен окуп отур – ты читай

Ал окуп отурсун – он пусть читает

Силер окуп отургула – вы читайте и т.д.

Если спрягаемый компонент принимает форму (на а (е) / й+аф.сказуемости), то сложный глагол выражает понятие о

происходящем процессе действия в настоящее время с оттенком длительности.

Жапар тиги үйдө кат жазып отурат – Жапар в той комнате пишет письмо.

Мен бүгүн жаңы роман окуп отурам – Я сегодня читаю новый роман.

В остальных случаях время сложного глагола зависит от того, каким временным формативом оформлен спрягаемый его компонент. Видовой оттенок незавершенности и длительности сохраняется попрежнему, хотя, как мы указывали выше, прошедшее время “тур” при самостоятельном употреблении выражает оттенок относительной завершенности.

Сүйлөп отурдум – рассказывал

Сүйлөп отурганмын -»-

Сүйлөп отурупмун – (оказывается) рассказывал

Окуп отуарсың – (наверное) считаешь.

Примеры:

Эл массалары арасында падышачылыкты жек көрүү күн сайын өсүп отурду. – Ненависть к царизму в народных массах с каждым днем росла. (Из Кр.Курса ист. ВКП/б/, кирг. яз., стр 50).

Тарихтин башынан аягына чейин коомдук өндүргүч күчтөрдүн өзгөрүшүнө жараша адамдардын өндүрүштүк мамилелери да, алардын экономикалык мамилелери да өзгөрүп жана өнүгүп отурган. – В соответствии с изменением и развитием производительных сил общества на протяжении истории изменялись и развивались производственные отношения людей, их экономические отношения (т.ж., 110)

Примечание: Из последнего примера видно, что служебный компонент “отурган” является компонентом двух знаменательных деепричастий: “өзгөрүп” и “өнүгүп”.

Оформление спрягаемого компонента отрицательным аффиксом “ба” и одновременное присоединение к нему вопросительной частицы “бы” придает сложному глаголу оттенок завершенности.

Примеры:

Ошентип, сүйгөн Жамиласы бүгүнкү күндө аны чанып чоң убайга, кайгыга калтырып, башка бирөө менен кетип отурбайбы.

– Итак, его любимая Джамила на сегодня бросила его, тем самым применив ему горе, ушла с другим. /К.Баялинов/

Сложное причастие имеет значение настоящего времени или незавершенности действия.

Жазып отурган киши – человек пишущий; или пишущий человек; или человек, который пишет.

С деепричастиями на “ганы”

Сочетание спрягаемого “отур” с достигательными деепричастиями выражает наступившее, близкое намерение совершить действие. Время сложного глагола зависит от временных формативов, присоединяемых к основе спрягаемого компонента.

Жазганы отурам – собираюсь /хочу/ писать /сейчас/.

Сен бир сөз айтканы отурасың го – кажется, ты собираешься /хочешь, намереваешься что-то сказать/.

Фрицтин каскасы көрүнсө эле, Жапар, атканы турду. – Как только выглянет каска фрица, Жапар намеревался выстрелить.

4. Жүр /ходи, езд, двигайся, отправляйся/ имеет древнюю форму “жүр”, встречаемую часто в разговорной речи, в двух значениях: 1/ в значении повелительной /жүрү! – пошли! /пойдем, поехали!;/ 2/ в значении настоящего времени данного момента с оттенком длительности и постоянства / мен бир сааттан бери шаарда жүрүмүн – уже час, как я хожу по городу / или нахожусь в городе/.

Форма “жүр”, принимая аффикс деепричастия на “а” /по закону сингармонизма – “ө”/ и окончания личного спряжения, употребляется, как обычный глагол, и передает значение:

1/ будущего времени. В этом случае глагол со значением “пойти, поехать, отправиться” требует оформления слов, являющихся в строе предложении обстоятельствами места, формативом дательного-направительного падежа /шаарга, тоого, колхозго, совхозго, кыштакка и т.д. жүрөм/, местного падежа цифровых слов, если эти слова уточняются цифрами /саат беште, январдын жетисинде и т.д. жүрөм/ и оставляет в неоформленном падеже, если это слова тип “сегодня”, “завтра”, “следующий год” и т.д./ бүгүн жүрөм, эртең жүрөм, эмдиги жыл жүрөм и т.д./.

2/ выражает значение настоящего времени с оттенком продолжительной длительности. В этом случае управляющий глагол со значением “находиться” требует постановки обстоятельственных слов в местном падеже /айылда жүрөм – нахожусь в аиле, пахтада жүрөм – нахожусь на хлопке и т.д./.

С деепричастиями будущ.времени

“Жүр”, сочетаясь с деепричастиями на “й”, выражает оттенок длительности и повторяемости. Причем кажется, что в этих случаях “жүр” не всегда лишается своей первоначальной семантики и не всегда может быть рассмотрено как вспомогательный компонент. Скорее всего такие сочетания указывают на параллельную или понятную совершаемость двух действий, выраженных семантикой деепричастия и спрягаемого “жүр”¹¹². Например, сочетание “ала жүрөм” в предложении. “мен сени эртең Ысык-Көлгө ала жүрөм” можно переводить: я отправлюсь завтра на Иссык-Куль и возьму тебя /с собой/. Однако в большинстве случаев сочетание “жүр” с деепричастием буд.времени передается на русский язык одним понятием с видами оттенками длительности, повторяемости: көрө жүрөм – буду поглядывать / поглядываю; окуй жүрөм / прочитываю /буду почитать/; мен студент иниме жардам бере жүрөм – я оказываю помощь своему брату-студенту.

С деепричастиями прошедшего времени

Древняя форма “жүрү”, приняв афф. сказуемости и сочетаясь с деепричастиеми прошедшего времени, встречается в разговорной речи и передает значение настоящего времени с оттенком длительности и постоянства /жылкылар жайлоодо семирп жүрү – лошади поправляются на жайлау/.

---

¹¹² кажется такой случай имел в виду И.М.Мелиоранский, когда он указывал, что “...жүр и отур, наоборот, до известной степени сохраняют свое первоначальное значение”, см. его “Кратк. грамматика казахского и киргизского яз.”, ч.II, стр.42.

“Жүр” в сочетании с деепричастием на “п” выражает значение будущего времени с оттенком длительности и незавершенности:

1/ если спрягаемый компонент “жүр” стоит в повелительной форме /бул китепти окуп жүр – почитывай /в буд./ эту книгу; мен окуп жүрөйүн – я буду почитывать; ал окуп жүрсүн – пусть он почитывает/.

2/ если спрягаемый компонент оформлен аффиксом деепричастия буд. времени /мен эртеңден баштап силердикине барып жүрөм – с завтрашнего дня я буду заходить к вам/. Однако в этих случаях “жүр” заменяется вспомогательным “тур”.

Основное же назначение сложного глагола со спрягаемым “жүр+афф.скуз.” в другом, а именно: он выражает, что действие, заложенное в семантике знаменательного деепричастия, совершается длительно, быть может не в данный момент, может быть до и после момента речи с перерывами, поэтому многократно, в более длительный срок чем сложн. глаголы с “тур”, с “отур” и с “жат”, которые указывают на более конкретный процесс совершения действия, чем первый /”жүр”/.

Пример:

Башкалар мындай турсун, алыскы Украинадан азып келген Любага кара. Ал таң азандын туруп, совхозго барып жүрөт. – Что говорить о других, посмотрите на приехавшую из далекой Украины Любу. Она встает на заре и идет в совхоз. /Т. Сыдыкбеков/.

Свойство вспомогательного “жүр” позволяет писателю не говорить, что “она каждый день встает на заре и каждый день идет в совхоз”, ибо этот оттенок многократности и длительности и так передается особой ролью всп. “жүр”.

В остальных случаях временное понятие сложного глагола зависит от временного формата присоединяемого к основе спрягаемого глагола. При этом прежние видовые оттенки сохраняются.

Примеры:

көксөп жүргөн алыстан

жемиштүү жерим аманбы.

Здравствуй, земля плодородная,

Мечтал /я/ о которой в далеке. /Дж.Боконбаев/

Күндө көрүп, күндө билип жүрүп, бүгүнкүдөй жылдызын көрө алган эмес элем да – Смотрил и знал каждый день я, но сегодняшнюю красу не мог /оказывается/ увидеть. /Т.Сыдыкбеков/.

Күн чыгыш менен күн батыш – И на Востоке и на Западе. Токтобай жүрүп жүрчү экен – странствовал /он оказывается/ безостановочно. /из эпоса “Төштүк”/.

Сложное причастие выражает оттенок длительности, повторяемости и незавершенности и переводится формой настоящего времени, например, саламын айтып келе жүргөн кыш – зима, приходящая /каждый раз/ со своим поздравлением /Т:С/.

Вспомогательный глагол “ал”

“Ал” имеет семантику: “взять, брать”.

Вспомогательный глагол “ал”, вступая в сочетание с любым деепричастием будущего времени выражает возможность /при положительной форме/ и невозможность /при аффиксе отрицания, присоединяемом к спрягаемому компоненту/ действующего или говорящего субъекта совершить действие, заключенного в семантике основного компонента. Время сложного глагола зависит от временных аффиксов, присоединяемых к спрягаемому компоненту.

Примеры:

Арыштап алга баралгын¹¹³ – сумей итти

Вперед, шагая. /Дж.Боконбаев/.

Каным – кайрат көздөгөнүн ала алат – Сила – моя кровь сможет взять что захочет /он же/.

Чаргын чап жаак Чегирткенин мындан аркы кебин угууга чыдап тура алган жок. – Скуластый Чаргын не смог вытерпеть дальнейших бредней Чегиртке /Т.Сыдыкбеков/.

Гулнар кеп таап айта албай, делдейип карап калды – Гульнар, не найдя что сказать, застыла в растерянности (он же).

Возможно вклинение усилительной частицы “-да” между основным и служебным компонентом сложного глагола.

---

¹¹³ орфографируется по автору

Айша бийлей да, ырдай да алат – Айша сможет и плясать и петь.

С деепричастиями прошедшего времени

Сочетание “ал” с деепричастиями прошедшего времени указывает на то, что действие, выраженное в основном компоненте, совершалось или будет совершаться в пользу говорящего или действующего лица в противоположность “бер” (см. “бер”). Такой сложный глагол, видимо, выражает завершенность или завершаемость действия, в чем, видимо, сказывается в данном случае форма деепричастия.

Примеры:

Лекция угуп отуруп, лектордун негизги ой-пикирлерин кенспектилеп алдым – слушая лекцию, я сконспектировал основные мысли лектора. Окуучулар Пушкиндин ырларын бачым эле жаттап алат – Ученики быстро выучат стихи Пушкина.

Да! – деп чечкиндүү үн менен бир унчукту да, кылкандай муруттарын жанып-жанып¹¹⁴ алды – Да! – промолвив, решительным тоном, (он) поточил, как иглы, усы. /Т. Сыдыкбеков/.

Кары тынычтанып алып, ... эки жакка карай олтурду – Старик устроившись ..., сидел, посматривая по сторонам (он же.)

Көрдүңбү! Аскерче кийинип алыптыр – Видишь! Оделся (оказывается) по армески (он же).

В связи с тем, что сочетание вспомогательного глагола “ал” с деепричастиями на “п” выражает не категорию “возможности” и “невозможности”, как в сочетании с деепричастиями на “а, е, й”, а завершенность или завершаемость действия в пользу действующего или говорящего лица, возникает сомнение в целесообразности выделения в глаголах тюркских языков, кроме отрицательного и положительного еще двух аспектов: возможности и невозможности¹¹⁵.

¹¹⁴ Повтор основного компонента, видимо, указывает на повторяемость или многократность действия.

¹¹⁵ см. проф. Н.К.Дмитриев “Грамматика башкирск. языка”, 1948 г., стр. 135-137, 197.

Сомнение возникает не только по указанной причине. Если идти по линии выделения категории аспектов глагольной модальности, то не менее важно, например, для киргизского языка довольно часто встречаемое сочетание “кой” с любым деепричастием на “й”, выражающее “разрешение” совершить действие. Не менее часто употребляется в языке с указанной формой деепричастия и другой вспомогательный глагол “жазда”, который образует, видимо, не видовой, а модальный оттенок – “чуть не” (см. ниже “жазда”).

Вспомогательные глаголы: көр, кара, бак

1. Сочетание простого глагола “көр” (видеть) с различными именами, кроме прямого значения, дает ряд идиоматических выражений, так “жакшы көр” прямое значение – смотреть хорошо, идиоматическое значение: любить; “жаман көр” осн. знач. – смотреть плохо, идиоматич. – ненавидеть; “макул көр” – (идиом.) одобрять и т.д.

Своеобразна его роль в качестве вспомогательного глагола.

Сочетаясь с деепричастиями будущего времени “көр” выражает: 1/ категоричность приказания с оттенком просьбы, если основной компонент оформлен залоговым аффиксом (жаздыра көр – заставь-ка писать); 2/ просьбу или ее настойчивость (окуй көр – почитай-ка).¹¹⁶ Характерно, что вспомогательный “көр”, становясь компонентом сложного глагола, кроме аффиксов и повелительного наклонения, окончания личн. спряжения и отрицания “ба”, не принимает временных или других грамматических формативов, с которыми он почти не употреблен с деепричастиями на “й”. Например, можно встретить “жаздыра көрбө”, “окуй көрбө”, “окуй көргүлө”, но почти неупотребительны формы: окуй көрөм, окуй көрдүм, окуй көрүпмүн и т.д.

Примеры:

Эрмат, Тагай эпкиндей көр

Өлкө алдында көрүнгүн –

---

¹¹⁶ Этот оттенок подмечен И.М.Мелиоранским (см.сл.Кр.грам. каз.кир.яз. Стр.43-44) и К.К.Юдахиным (см.его кирг.русс.словарь)

Эрмат, Тагай быстрой-ка
Перед страной покажитесь (Дж.Боконбаев).

Иничектерим! Биз үчүн, элиңер үчүн, жериңер үчүн
душмандан өч ала көргүлө. – Братья (мои)! Мстите же врагу за
нас, за народ, за родину. (К.Баялинов).

Делдейген боп-боз калмакты
Толгоп бир кыйып чала көр
Толгоп бир кармап жыга көр
Топонго башын тыга көр...
Көмүрдөй таптап баса көр
Көөдөндөн аттап кача көр (Из эпоса “Төштүк”)

Сложный глагол, где основной компонент деепричастие
прошедшего времени со спрягаемым “көр” передает значение
“попробовать”, т.е. выражает испытание потенциальной
возможности действующего или говорящего субъекта осуществить
действие, заключенное в семантике основного компонента.

Примеры:

Карап көрчү! Биздин өлкө саймадай – (Попробуй-ка)
смотри! Красива страна наша. (Дж.Боконбаев).

...ар кимисине барып айтып да, ачууланып да, жалынып-
жалбарып да көрдүм... – ...сходил к каждому и попробовал
говорить, сердиться, умолять (К.Б.)

2. “Кара” в роли простого глагола употребляется в значениях:
смотреть, глядеть, осмотреть. В форме деепричастия будущего
времени “карай”, сочетаясь с именами, выражает направления
үйгө карай – в сторону дома, шаарга карай – в сторону города;
в ряде случаев оно передает понятия: 1/ “в зависимости”,
например, жашка карай – в зависимости от возраста; 2/
“отныне”. Например, “мындан ары карай – в дальнейшем или
отныне (далее)” .

С деепричастиями прошедшего времени спрягаемой “кара”
выражает значение аналогичное тому, что передается всп.
глаголом “кар”. Однако, сочетание “кара” мало употребительно,
и редко встречается в литературе.

Тыңшап кара Тиленбайдын
Толгоп комуз черткенин
Послушай-ка (точнее: попробуй-ка слушать)
Как Тиленбай играет на комузе (Дж.Боконбаев).

4. “Бак” имеет значение: 1/ смотреть, 2/ содержать, обслуживать, присматривать и т.д.

Видимо, сходство значений “бак” (смотреть) с “көр” (видеть) и с “кара” (смотреть) позволяет первому вступать в синтаксическом сочетании с деепричастиями прошедшего времени в роли вспомогательного компонента, выражающего тот же самый оттенок, что “көр” и “кара”.

Жолборс жүрөк, таш билек,

Жоорууну калың, жар кабак,

Жоругуна карап бак. –

Львиным сердцем, каменной рукой,

Глубок взор, крепки осанки,

(попробуй) смотреть (на его) повадки. (из эп.”Манас”).

Однако, этот глагол в роли служебного компонента в литературе мало употребителен. В разговорной речи на Севере Киргизии его можно услышать чаще у старого поколения, но на Юге Киргизии, по нашим наблюдениям, он имеет более широкое применение. Последнее обстоятельство в значительной мере объясняется, видимо, взаимным языковым влиянием с узбеками, у которых “бак” употребляется в роли спрягаемого компонента сложного глагола значительно больше чем у киргизов.

Вспомогательный глагол “түш”

“Түш” имеет значение: “спускаться”, “подать”.

Сочетаясь только с деепричастиями будущего времени и становясь спрягаемым его компонентом, “түш” выражает:

1/ Желание еще немного продлить действие, если “түш” стоит в повелительной форме, например, окуй түш – почитай (еще немного), окуй түшөйүн – (пусть я) почитаю (еще немного), окуй түшсүн – (пусть он) почитает (еще немного).

Комузунду черте туш – поиграй (еще немного) комуз (свой). (М.Элебаев).

2/ Внезапность завершеного или завершаемого действия, если перед “түш” предшествуют звукоподражательные слова и глагол “эт” или служебный глагол “де” в форме деепричастия буд. времени, например, тарс дей түштү – неожиданно раздался “бах; курс эте түштү – неожиданно раздался “бух”.

Көгүлтүр түтүнү бурк эте түшүп, машина жөнөй берди. – Неожиданно бухнув синим дымком, машина отправлась (Т.Сыдыкбеков).

3. Недозавершаемость (если спрягаемый компонент имеет форматив проше.вр.) и незавершенность (если служебный компонент имеет форматив будущего времени) процесса действия с оттенком моментальности.

Примеры:

Кыздын нурданган жүзү негедир өзгөрүлө түштү. – Светлое личико девушки почему-то (сразу) переменилось. (Т.Сыдыкбеков).

Кымыз серке чаначтын колуна дейре түшө түштү. – Кумыс опустилася (сразу) до рукавы чанача (он же).

Тигине, көрдүңбү, каскасы күнгө жаркырай түштү. – Все, видишь, (его) каска (в миг) блеснула на солнце. (К.Баялинов).

Барыбыз үрпөйө түшүп, эненди тегеректеп, үйүлө калдык. – Все мы (сразу) испугавшись, окружили мать вокруг. (М.Элебаев).

Однако с деепричастиями некоторых других глаголов оттенок моментальности не замечается, например, мен бир аз окуй түштүм – Я немного почитал (еще); сен бир аз ырдай түшкөйсүң – ты бы немного спел (еще) и т.д.

Вспомогательные глаголы:

жибер, кой, сал, ташта, кал, кет

1/ “Жибер” со стяженной формой “ир”, а еще короче “и”¹¹⁷, признаваемый многими специалистами древней формой¹¹⁸, имеет значения: посылать, отправлять.

Становясь спрягаемым компонентом деепричастия прошедшего времени почти любого глагола, кроме глаголов движения, “жибер” придает действию, заключенному в основном компоненте, оттенок необычно быстрого, решительного начала и однократной завершенности или завершенности¹¹⁹.

¹¹⁷ орфографируется “ий”

¹¹⁸ см. В.В.Радлов “Ярлик Токтомыша и Темир-Кутууга”, Зап.Вост.Отв. Арх. Общ. т.III. вып.1; см.проф. К.К.Юдахин “Киргизско-русский словарь.

¹¹⁹ Оттенок однократности и необычного начала действия подмечен еще Ильминским (сл.”Грам.алт.яз.” стр.186).

Примеры:

Рахмат, Туке, рахмат! – деп кубанганынан эсепчи кыйкырып жиберди. – Спасибо, Туко, спасибо! – выкрикнул счетовод от радости. (Т.Сыдыкбеков).

Кана, Макиш, мени уят кылбай, ырдап жиберчи. – Ну, Маруська, спой-ка не подводи меня (он же).

Чынысындагы чайды тез-тез ууртап жиберип, сыртка чыккысы келет. – Ему хочется быстрее выпить чаю в чашке и выйти на улицу (он же).

Айша эртең менен тура калат да! суу алып келет, самоор коет, үйдүн ичин шыпырып, жыйнап да жиберет. – Айша встанет (быстренько) утром, принесет воду, поставит самовар, подметет и уберет комнату (он же).

Оолукту эчен ирет жаш Мария

Арбадан жиберчүдөй боюн таштап.

Задумывалась молодая Мария

Как бы сбросить себя с телеги (К.Маликов).

Падышалык министр Столыпин өлкону дарга толтуруп жиберди. – Царский министр Столыпин наводил страну виселицами.

(Из Кр.Курса Ист.ВКП/б/, кир.яз.).

2. “Кой” имеет значение: поставить (столго кой) – поставь (положи) на стол; оставить, перкратить (кой, тийбе – оставь, не трогай), ударять (союл менен койду- ударил пиалкой).

1) “Кой”, сочетаясь с деепричастиями будущего времени, выражает уступительность, разрешение, иногда оттенок просьбы совершить действие, если спрягаемый компонент стоит в повелительной форме.

Примеры:

Карыялар, силерде менин бир сөзүм бар.

Руксат кылыңыздар айтайын – деди Жапар.

– Айтагой, айланайын, айтагой¹²⁰. (К.Баялинов).

Уважаемые, у меня есть к вам слово, если разрешите, скажу – сказал Джапар.

– Говори-ка (или: можешь говорить) дитя, говори-ка (или: можешь говорит).

¹²⁰ Служебный компонент написан автором слитно, что ближе к произношению. По правилам орфографии пишется раздельно.

– Алагой, жарыгым! – кемпир кошумчалап койду.
– Возьми-ка (или можешь взять), светочка! – добавила старуха (Т.Сыдыкбеков).

2/ Становясь спрягаемым по временам компонентом, “кой” в сочетании с теми же деепричастиями указывает на быстроту, неожиданность и завершеного или завершаемого действия.

Примеры:

Мергенчи зооканын түбүнөн бир эликти көрө койду. – Охотник (вдруг) увидел козу под скалой.

Сестралар каттарды аларга таратып берген сайын “мага да кат бир чыгар” деп, Жапар үмүткер болуп, башын жастыгынан көтөрө коет. – Каждый раз, когда сестры раздают письмо, Жапар, надеясь что и ему наверно имеется письмо, приподнимает голову от подушки (К.Баялинов).

Бирок иш муну менен гана бүтө койбойт. – Однако дело этим не заканчивается.

Эшик алдында урмат, изат менен конокторду каршы алып турган Айшаны Жапар көрө коюп, Тойчубекке жүгүрдү. – Джапар (вдруг) увидел Айшу, которая встречала гостей с уважением у самого порога, побежал к Тойчубеку (К.Баялинов).

3/ Становясь спрягаемым компонентом деепричастия прошедшего времени, “кой” выражает однократную непродолжительную завершенность или завершаемость действия.

Примеры:

Студенттердин демонстрацияларына жана забастовкаларына жооп кылып, өкмөт Университеттерди жаап койду... В ответ студенческим демонстрациям и забаставкам, власть закрыла университеты... (из Кр.Курса Ист.ВКП/б/, кир.яз.).

Ошол эле күнү Зарыл Мыскалды узатып койду. – В тот же день Зарыл выпроводила Мыскал. (Т.Сыдыкбеков).

Жарк этип тамашалуу күлүп койду,

Өмүрдүн көп жомогун айтып келип.

Улыбнулся в веселом настроении,

Рассказав много сказок жизни. (А.Токомбаев).

Примечание: При необходимости подчеркнуть не однократность, а повторяемость, сохраняя присущий “кой”

оттенок внезапности, темпоральности, – знаменательное деепричастие повторяется, например.

– Баса, рас айтат! – деди Акман, тамагын жасанып, ак аралаган сейрек мурутун жанып-жанып койду.

– Да, правду говорят! – сказал Акман, Направляя гордо, подтачивая (досл.положил точив, точив) Поседевшие редкие усы (Т.С.).

4/ Особый интерес представляет отрицательная форма сложного глагола с вспомогательным “кой”.

Оттенок темпоральности, внезапности и однократности более ярко выделяется, когда отрицательную глагольную частицу принимает на себя спрягаемый компонент, перед которым стоит деепричастие буд. времени.

Бул сөздөрдү аны көрө замат эле айта койбо – не говори сразу эти слова, как только его увидишь.

Оюңа түшкөн сөздөрдү эле жаза койбо, ойлонуп жаз. – Не пиши сразу всякие слова, что в голову приходят, пиши с толком.

Если при деепричастии прошедшего времени спрягаемый компонент принимает аффикс отрицания, сложный глагол выражает не только значение отрицания, но и оттенок опасения, например, жазып койбо! – смотри, не пиши! (или смотри, как бы ты не написал!).

Когда знаменательное деепричастие принимает аффикс отрицания, спрягаемый глагол “кой” передает значение отрицания, а служебный компонент указывает на время.

жазбай	койдум – не стал писать,
	кoем – не напишу.

Если оба компонента стоят в отрицательной форме, то сложный глагол “выражает неизбежность совершения действия” (К.К.Юдахин).

Ал келбей койбойт – он придет (обязательно).

Мен окубай койбойм – я прочту (обязательно).

3. “Сал” со значением “класть, положить” относится к группе вспомогательных глаголов, выражающих оттенок темпоральности в совершении действия. Он одинаково

сочетается с деепричастиями прошедшего и будущего времени, главным образом, переходных глаголов, указывает на быстроту протекания процесса действия и на его завершенность. Видимо, при деепричастии будущего времени больше подчеркивается темпоральность с оттенком неожиданности, а при деепричастии прошедшего – окончательная завершенность действия.

Примеры на деепричастия буд.времени:

Алды жактан көрө сала

Тааныш Эрмат агамды... –

(Вдруг) увидев перед собою

близкого брата Эрмата... (Дж.Боконбаев)

...Калтырап турган кемпир, оюмду түшүнө койгондой, күрөгүн мага бере салды. Дрожащая старуха, как будто угадав мое желание (ментально) отдала мне свою лопату (М.Элебаев).

Жабалктаган көпчүлүктун күчү заңгылдай зор ташты бат эле кашатка оодара салды. – Сила большой массы людей (ментально) опрокинула свниз огромный с горы камень. (Т.Сыдыкбеков).

Зөөкүр Чыргынды көрө сала тартына түштү. – Балбес воздержался, увидев (вдруг) Чаргына (он же).

Унуттум деп ал какбаш

Кабарын айта салды эле –

Вспомнив тот плут

(вдруг) сообщил свои вести. (из эп.Манас).

Примеры на деепричастия прошедшего времени

Маркстын илиминен алар эң башкысы – пролетардык революция жөнүндөгү, пролетариат диктатурасы жөнүндөгү илимди чыгарып салуучу. Из учения Маркса она выбрасывали самое главное учение о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата. (Из Кр.Курса Ист.ВКП/б/, кир.яз. 21).

Кетик тиш акенин байлап турган боругу бар... Сураганын бер да, алып келип союп сал. У деда Кетиктиш имеецца на подкормке барашек....Заплати, что захочет, приведи зарежь (Т.С.).

Кашайта көзүм оюп сал
Колуң менен союп сал
Мен Жолойго барбаймын
Балаасына калбаймын –
Хоть выколи мне глаза,
Хоть рукой своей зарежь меня,
Но я к Джолою не пойду,
В беду я не попаду (Из э. "Манас").

4. "Ташта" (бросай) сочетается только с деепричастиеми прошедшего времени некоторых переходных глаголов и указывает на окончательную завершенность или завершаемость с оттенком темпоральности совершения действия.

Примеры:

Жумушчу табынын өсүп жаткан революциялык кыймылы өзүнүн жолунан ушул полициялык уюмдарды шыпырып таштады. Растущее революционное движение рабочего класса смело со своего пути эти полицейские организации. (Из Кр. Курса Ист. ВКП/б/, кир.яз. 28).

Чаргын ачуусун сыртына чыгарып, корс этип таштады. (Т.С). – Чаргын, обнаружив свой гнев, громко буркнул.

Кенжеке каар баштады
Журттун байы Сарыбай
Малдан кечип таштады
Элеман кепти баштады
Сан каранын баарысын
Ортого коюп таштады –
Кенжеке начала злобу
Богатейший из людей Сарыбай
Отрекся от богатства.

Начал свою речь Элеман
Свой бесчисленный скот

На общую пользу отдал (там же)

(досл. в середину, положив, бросил). (Из эп. "Төштүк")

5. "Кал" (оставаться), сочетаясь с деепричастиями будущего времени почти всех переходных и непеходных глаголов, указывает не только на некоторое неожиданное совершение

действия, но и на непостоянство действия или состояния, т.е. на совершаемость действия не на продолжительный срок.

Поэтому такое сочетание часто применяется! когда действующее или говорящее лицо переключается на другой вид действия или состояния, из динамики движения в статику¹²¹.

Например, “китепти окумуш боло калдым” означает, если постараться перевести со всеми оттенками, “вдруг, быстренько, я сделал вид, что читаю книгу”. Должно быть, он раньше был занят чем-то другим.

Или возьмем пример с другим основным компонентом, например, “Ал келеери менен мен кат жазымыш боло калдым” – “Как только он пришел, я вдруг сделал вид, что пишу письмо”.

Примеры из литературных источников.

Кандайдыр бир фабрикада стачка чыга калса, өз кружокторуна катышуучулар аркылуу ишканалардагы абалды жакшы билип турган “Күрөш союзу” ага токтоосуз катыша кетип, баркчалар, социалисттик прокламациялар чыгаруучу. – Когда возникала (по кирг. звучит: как только возникает) на какой-нибудь фабрике стачка, “Союз борьбы”, хорошо знавший через участников своих кружков положение на предприятиях, немедленно откликнулся выпуском листовок, выпуском социалистических прокламаций (Из Кр.Курса Ист.ВКП/б/, стр.17.).

Чүкөбай...каадасынча шашып, күйкөлөктөп, бир отура, бир тура калып, стлодун жанына отурду. – Чүкөбай... по обыкновению торопясь, беспокоясь, сидел около стола, то вставая, то садясь. (К.Баялинов).

Баарыбыз үрпөйө түшүп, энемди тегеректеп, үйүлө калдык. Мы все испугавшись, окружили (вдруг) мать вокруг. (М.Элебаев).

...бир саамча токтой калды. –... на минутку остановился (Т.С.).

“Зарыл эжеке, – деп Гулнардын үнү чыга калды. – “Зарыл, родная”, – (вдруг) раздался голос Гульнары. (Т.С.).

Сочетание всп. глагола “кал” с деепричастиями прошедшего времени выражает:

1/ неожиданную для действующего или говорящего лица завершенность или завершаемость действия, если “кал”

---

¹²¹ Этот момент только подмечен проф.Н.К.Дмитриевым на материале башкирск.яз.; см.его наз.работу стр. 199.

сочетается с деепричастиями глаголов движения, например, Кетип калды – ушел, келип калдым – пришел, кирип калдым – вошел, чыгып калдым – вышел, кетип калам – уйду, барып калам – приду и т.д.

2/ С деепричастиями глаголов “кал” выражает неожиданную завершенность или завершаемость с оттенком некоторого постоянства действия, заключенного в семантике основного компонента.

Примеры:

9-январь күнү “Кандуу Жекшемби” деп аталып калды. День 9-января стал называться “Кровавым воскресеньем” (Из Ист.ВКП/б/).

Майданга кетем десем, башкарма болуп калдым. Так өтөм дечү элем, катын алып алдым. – Когда думал поехать на фронт, стал председателем правления. Не думал жениться, поженился (досл. жену взяв, остался). (Т.С.).

...Акман көтөрүлө түшүп, сүйлөп калды.. – Акман приподнялся и стал говорить (досл.говорив остался).

Касейин аркы өйүзүнө өтө албай туруп калды . – Касейин встал (досл.: остался стоять), не сумев перейти на тот берег (Т.С.).

Тигил Шамбет деген жигит бир жактан кам көрүп калды. – Тот джигит по имени Шамбет стал заботиться (досл. заботу, виде, остался) со своей стороны (Т.С.).

Алек болгон ал кемпир

Ай эсептен калды эми –

Та беспокойная баба-яга

Стала считать теперь месяцы

(досл. считав осталась). (Из эп.”Төштүк”)

“Кал”, сочетаясь с достигательными деепричастиями на “ганы”, указывает, что процесс действие “вот-вот” должен начаться.

Примеры:

Шам өчкөнү калды – свет вот-вот потухнет

Кыш түшкөнү калды – зима вот-вот наступит

Эгин бышканы калды – хлеб вот-вот поспеет

Эгин сугарылганы калган кезде күн жаап жиберди – В то время когда надо было вот-вот поливать посе, пошел дождь.

6. Кет (уйти, уходить, уехать) в направлении туда от говорящего или действующего лица в противоположности “кел”). в сочетании с деепричастиями будущего времени передает значение:

1/ попутное или параллельное совершение действия, заключенного в семантике предшествующего деепричастия, сохраняя при этом свое основное значение, имея некоторое сходство с глаголами движения (см. “бар” и “кел”). В этом случае “кет” сочетается, главным образом, с деепричастиями глаголов первой степени переходности, а также “бар”, “токто” и некоторых других непереходных глаголов.

Примеры:

Садык Ысык-Көлгө бара жатып, колхозго токтой кетти. Когда Садык ехал в Иссык-Куль, (он) заехал в колхоз и поехал (иди дальше) (досл.останавливая поехал).

Мен жолдо бара жатып, силердикине кире кетем. – Я, идя, (досл. ходив) по пути, заходил к вам и пошел (дальше) (досл. заходя, пошел).

Поскольку в этом случае сочетание слов рассматривается нами не как сложный глагол, мы позволим на них подробно не останавливаться.

2/ Такая форма сочетаний, но с деепричастиями, главным образом, некоторых непереходных глаголов, в семантике которых выражено понятие об относительном покое, указывает на начало действия с оттенком неожиданности, мгновенности.

Примеры:

Акмат биз менен сүйлөшүп олтуруп, ачуулана кетти. – Акмат, разговаривая с нами, рассерчался (тоже: вдруг, неожиданно, рассердился).

Тааныбаган бир киши жанымда китеп окуп отуруп, уктай кетти. – Незнакомый человек, читая книгу рядом со мной, начал спать (досл. засыпая ушел).

Чаргын бул тынымда эч кеп айта албай, кабагын салып, коломтонун башына олтура кетти. В данную минуту Чаргын, не сумел сказать ни слова, нахмурившись, засел (по смыслу) “вдруг, только что сел”, может быть даже и не сел, но начал садиться около очага. (Т.Сыдыкбеков).

Сүйлөгөн сөзүнүн мааниси болбой кетти. Его слова

становятся (точнее: начал становиться) бессодержательными.

Менин атым желип баратып, жорголой кетти. – Моя лошадь (на которой я ехал) идя галопом, (вдруг) пошла иноходью (в данном случае) сложный глагол переведен не точно, т.к. от слова “иноходец” нельзя образовать по-русски глагол.

Сочетание “кет” с деепричастиями прошедшего времени, кроме завершенности и завершаемости действия, указывает не на начало процесса, а на действие, процесс которого уже начался, но также неожиданно, моментально.

Примеры:

Петербургдун көчөлөрүндө жумушчулардын каны кайнап кетти. Улицы Петербурга были залиты кровью рабочих (ист. ВКП/б/, кирг.яз., 52).

Стачка жалпы стачка болуп кетти. Стачка стала всеобщей (стачкой) (т.ж. 51).

Тыбышты угуп, эшикке чыга калган Зуура чочуп кетти. Зуура, выходявшая на улицу, услышав шорох, (вдруг) испугалась (Т.С.).

Жапар ... ордунап туруп басмакчы болду эле, кайра дагы жыгылып кетти.... Жапар хотел было встать и итти, но еще снова упал (К.Б.).

Жапар бул учурда эмне экенин билбей кетти. Джапар в данном случае не узнал (в чем) дело (К.Б.).

Эмнегедир, Мыскал толкунданып кетти. Почему-то Мыскал заволновалась (Т.С.).

Жылуу короо салгыла, суук катуу болсо, мал үшүп кетпесин. Стройте теплицы, чтобы не замерз скот, если будет сильный мороз (из газет).

Вспомогательные глаголы: бер, чык

Вспомогательные глаголы: “бер” /дай, давай, отдавай/, сочетаясь с деепричастиями на “” и становясь в форме повелительного наклонения во всех лицах един. и множественного числа, выражает “дозволение”, разрешение совершить действие¹²² с оттенком длительности.

---

¹²² П.М.Мелиоранский заметил эту тонкость, говоря, что такое сочетание “заменяет русское “себе” при повелит.накл.”; см.назв.раб.стр.42.

Примеры:

“Швабриңди дарга ассаң, аса бер... – Хочешь вешать Швабрина, можешь вешать” / из повести “Дубровского” А.С.Пушкин/.

Жарайт, бара бергиле. Мен жете барамын. – Ладно, вы можете итти. Я догону вслед. /Т.Сыдыкбеков/. Күтүп турганча, мен бара берейин. – Чем ждать, я пойду. (Тут дозволение самому себе).

Вспомогательный “бер” в других формах склонения, вступая в сочетание с теми же деепричастиями почти любого глагола, указывает на продолжительность процесса¹²³, который может быть и многократным.

Примеры:

Бирок Ленин айдоодо жүргөндө да революциячыл иштерди жүргүзө берди. – Но и в ссылке Ленин продолжал революционную работу (Кр.Курс Ист.ВКП/б/, кир.яз., 22).

-Алга, алга! – деп команда бере берди. – Вперед, вперед! – продолжал давать команду /досл. давая, давал команду/ /К.Баялинов/.

Жапар... чарчаган колуна, талган көзүнө карабастан, автоматын ары жылдырып, бери жылдырып, тынбастан ата берди. – Джапар... несмотря на онемения рук, усталости глаз, передвигая автомат то сюда, то туда, без передышки продолжал стрелять. /досл.стреляя дал/ /он же/.

Олтурган жаштар күлкүлдөй берди. – Сидящая молодежь продолжала шуметь. /Т.С./

“Бер”, “в качестве вспомогательного глагола с деепричастием прошедшего времени указывает на то, “что действие совершается по поручению или для другого лица, что результат действия направлен не на действующее лицо, а на другое” /К.К.Юдахин, см.словарь/. К этому можно добавить лишь то, что такой сложный глагол, видимо, выражает еще оттенок законченности¹²⁴.

Примеры:

---

¹²³ Составители “Грам.алт.яз.” подметили, что такое сочетание указывает на продолжительность совершаемого действия; см.стр.185.

¹²⁴ Аналогичное значение подмечено проф. Н.К. Дмитриевым в башкирском языке, см.его назв.работу, стр.197.

Партия уюмунун секретары колхозчуларга доклад жасап берди – Секретарь парторганизации сделал доклад колхозникам.

Түгөлбай жаңы романын үзүндүсүн бизге окуп берди. – Түгөлбай прочёл нам отрывок своего нового романа.

Трактористтер үч күндүн ичинде бардык жерибизди айдап берет, - деди колхоз башкармасы. – Трактористы в течение трех дней вспашут всю нашу землю, – сказал председатель правления колхоза.

Мектепчилер колхозчуларга кызык концерт уюштуруп беришти. – Школьники организовали концерт для колхозников.

Чык /”выйти”, “выходить”/ с деепричастиями будущего времени не образует сложного глагола, но указывает лишь на параллельность совершения действия, выраженного в семантике деепричастия /ала чык – беря, выйди; кармай чык – хватая, выходи/.

В составе сложного глагола с деепричастиями прошедшего времени, “чык” указывает, видимо, на завершенность или завершенность действия с различными оттенками в характере протекания действия в зависимости от имманентной семантики как основного компонента, так и об»екта, на который обращено усилие говорящего или действующего лица.

I/ С деепричастиями некоторых переходных глаголов при об»екте, обозначающего целостный предмет, сложный глагол со спрягаемым “чык” выражает завершенность или завершенность с оттенком, указывающим на приложение личных усилий или присутствие самого действующего суб»екта или говорящего лица в процессе совершения действия с начала до конца.

Примеры:

Л.Толстойдун “Анна Каренинасын” жакын арада окуп чыкты. – На днях прочёл /с оттенком: с начала до конца/ “Анну Каренину” Л.Толстого.

Катты азыр эле жазып чыгам. – Сейчас же напишу /с тем же оттенком/ письмо.

Колхозчулар бир гектар буудайды бат эле сугарып чыкты. – Колхозник довольно быстро полил гектар пшеницы.

Айыл чарба выставкасындагы экспонаттарды көрүп чыктым. – Посмотрел /с оттенком: с начала до конца/ экспонаты на сельско-хозяйственной выставке.

Жапар газетага дагы бир сыйра көз жүгүртүп, андагы жазылган материалдарды ичинен купуя окуп чыкты. – Джапар еще раз пробежав глазами по газете, молча прочел напечатанные в ней материалы. /К.Баялинов/.

2/ С деепричастиями некоторых непереходных глаголов состояния “чык” указывает на обнаружение извне нового качества, которое было имманентным свойством семантики основного компонента и выявилось наружу только что, неожиданно, моментально.

Примеры:

Өзүнүн айыптуу экенин сезе коюп, кулагына чейин кызарып чыкты. – Догадавшись о своей виновности, /он/ покраснел до ушей.

Жерден алып асылды....

Актап чыккын

Жаш большевик атыңды

Добывая драгоценность из под земли,

Оправдай звание свое

Молодого большевика. /Дж.Боконбаев/.

Чай иче берип, тердеп чыктым. – Вспотел чай, попивая чай.

3/ Если основными компонентами являются деепричастия прошедш. вр. от глагола “кел” с предшествующим ему достижательным деепричастием /ойлогону келип/, то трехкомпонентный сложный глагол со спрягаемым “чык” выражает понятие “сбылось”, нар.

Айтканы келип чыкты. – Сбылось /то, о чем/ /он/ сказал /говорил/.

Ойлогону келип чыкты. – Сбылось /то, о чем/ /он/ думал.

4/ Когда спрягаемый компонент принимает форму неопределенного будущего времени /чыгар/, то он, сочетаясь как с причастной формой на “ган” так и любым именем, - указывает на сомнение говорящего лица в действительности или истинности того, что выражается в основном компоненте.

Примеры:

“Мага да кат бар чыгар” деп Жапар... Башын жастыгынан көтөрө коёт. – Джапар, подумав “наверное мне тоже письмо есть”, приподнимает голову над подушкой /К.Баялинов/.

...Бүгүн келбей мунжу болуп келгенине Жапар кайгылуу, капалуу чыгар... Бул кейпим менен Жамилага кантип көрүнөм деп ошо жөнүндө /sie/ көбүрөөк ал ойлоно турган чыгар. – Джапар наверное грустит о том, что он вернулся калеккой...Он наверное много думает о том, как показаться Джамиле в этом виде /К.Б./

Жанагы келген жаш жигит студент чыгар? – Молодой человек, который недавно приходил, наверно /есть/ студент?

5/ При деепричастии прошедшего времени приименного вспомогательного глагола “бол” сложный глагол с “чык” указывает на то, что предмет, который является основным компонентом указанного приименного глагола, оказался в самом деле “не таким, каким говорящее лицо знало или представляло его раньше”.

Семиз деп сатып келген козубуз сойгонго арык болуп чыкты. – барашек, купленный как упитанный, оказался при убое худым.

Элик эмес, эчки болуп чыкты. – оказалось не элик, а коза /дикая/.

Карышкыр эмес, ит болуп чыкты и т.д.

Вспомогательный глагол “жазда”

Этимология этого глагола, видимо, связана с глаголом “жаз”, употребляемым в значениях “ошибиться, промахнуться” больше всего в форме прошедшего времени на “ды” /жазды – ошибся, промахнулся/ и или с аффиксом отрицания “ба” /жазбай ат – стреляй без промаха/. Форма же “жаз+да/?/” самостоятельного значения не имеет и употребляется лишь в сочетании с деепричастиями на “/й”.

Жазда малоупотребителен в составе двухсложного глагола, которому он придает смысловой оттенок “чуть не” /жүрөгүм чыга жаздады – сердце /мое/ чуть не выскочило/. Но зато очень часто встречается вспомогательный глагол “жазда” с тем же оттенком значения “чуть не” в составе трехсложных глаголов. В последнем случае знаменательным компонентом может выступать почти

любой, в том числе и вспомогательный глагол, принявший форму деепричастия прош. времени, а вторым компонентом один из вспомогательных глаголов, выражающих в сочетании оттенок неожиданности, темпоральности и однократности / жибер, кет, кой, сал, кал, ташта/, а также глагол “бол”/, которые оформляются формативом деепричастия буд. времени.

айтып кой / / сказал / рассказал/
аттап кете / / прыгнул / перепрыгнул/
жазып жибере / жаздадым – чуть не / написал / записал/
төгүп сада / жаздадым – чуть не / вылил/пролил/
көрүп кала / / увидел
атып таштай / / выстрелил/выстрелнул
жинди боло /жаздадым – чуть с ума не сошел

Примеры из источников.

Жапар катты окуп чыкканда жинди боло жаздады. – Когда Джапар прочел письмо, /он чуть не сошел с ума/ /К.Баялинов/.

Чагылган соккон кишидей жерге жыгылып кете жаздады. – /он/ чуть не упал на землю подобно человеку, пораженному молнией /он же/.

... Чоң-Тору жолдун четин көздөй ойт бергенде, Чаргын ал жерден аттап ыргып кете жаздап, көзүнө кийиле түшкөн тебетейин колуна ала коюп, бырс күлдү... – ...Когда Чоң-Тору шарахнулась в сторону от дороги, Чаргын чуть не вылетев с лошади, быстро взяв в руки опустившуюся до глаз шапку, прыснул со смеху... /Т.Сыдыкбеков/.

Как видно из текста, дополнительный оттенок значения, передаваемый третьим компонентом “жазды”, во всех случаях мы перевели словами “чуть не”. Необходимо предупредить, что это далеко не точно. В действительности же вспомогательный глагол “жазды” не вносит в трехкомпонентное сочетание ни оттенка отрицания “не”, ни значения “чуть” или “немножко”, как иногда можно было бы перевести. Словами “чуть не” мы вынуждены пользоваться постольку, поскольку грамматическое средство русского языка не позволяет иначе передать возникший новый модальный оттенок. В самом деле сложный глагол “жыгылып кете жаздады” указывает лишь на то, что процесс

“падения” был вот-вот готов, но приостановлен каким-то образом на самой грани совершения. Третий компонент понадобился существу для того, чтобы указать на эту приостановленность процесса на грани совершения.

Казалось бы, можно было бы сказать просто “жыгыла жаздадым”, что редко можно слышать, но говорящий чаще всего прибегает к употреблению трехсложной формы с применением промежуточного компонента, придающего действию или состоянию окраску неожиданности, темпоральности и однократности. Видимо, это обстоятельство продиктовано тем, что переход из одного состояния в другое представляет собой процесс не продолжительный и немедленный, а скачкообразный, темпоральный процесс. Оказывается, подобная решительность и однократность не выражается семантикой простых глаголов, напр. при глаголах “жыгылдым” /упал/, “айттым” /сказал/, “көрдүм” /видел/, “жаздым” /писал/ и т.д. действие может происходить относительно медленно, длительно и даже многократно /напр. мен бир далай айттым, үч мертебе жыгылды, эки жолу көрдүм и т.д./. Во всяком случае при этих глаголах не подчеркивается неожиданность, темпоральность и однократность. Наоборот, сочетание “айтып койдум” /рассказал – однократно и моментально/, жыгылып кеттим /упал – однократно и мгновенно/, көрүп калдым /увидел однократно и мгновенно/ придает действию необходимый оттенок для однократного и темпорального перехода из одного состояния в другие или для его резкого и однократного совершения. Поэтому, видимо, не случайно, что промежуточным компонентом выступают, главным образом, вспомогательные глаголы, подчеркивающие темпоральность или однократность совершения действия. Даже в том случае, когда в их роли оказывается вспомогательный глагол “бол”, последний употребляется главным образом для перехода предмета или живого существа из одного состояния в другое. Такой переход, само собою понятно, не может быть актом, многократным и длительным, напр. “жинди боло жаздадым – чуть не сошел с ума”, “сага дос боло жаздадым – чуть не оказался другом тебе”, “Акмак боло жаздады – чуть не остался дураком”.

Вспомогательный глагол “бол”.

Мы уже останавливались выше на основной функции вспомогательного глагола “бол” при имени, сочетаясь с которым он выполняет роль формального показателя грамматической категории прошедшего и будущего времени. Теперь же мы позволим себе остановить внимание читателей на некоторых функциях “бол” при деепричастиях и причастиях.

В зависимости от формы основного компонента и от характера морфологического формата, принимаемого самим служебным компонентом, двухкомпонентный сложный глагол с “бол” в каждом отдельном случае передает различные смысловые оттенки, которые указывают не только на характер протекающего процесса действия, но и на субъективное отношение говорящего или действующего лица на самое действие, выражаемое семантикой основного компонента.

Остановимся на основных типах сочетаний и их значений.

1/ Сочетание “бол” в форме изъявительного наклонения с деепричастием прошедшего времени почти любого глагола указывает заканчиваемость или окончательную законченность действия, напр., жазып болдум – закончил писать, ырдап болду – закончил петь, сүйлөп болот – закончить говорить; чотунду кагып болсоң, тизменди берип койсоң – если закончил подсчитывать / досл. стучать /, дай-ка мне список /Т.Сыдыкбеков/;

2/ если основной компонент принимает форму на “ган” или “мыш”, то сложный глагол с “бол” указывает на то, что действующее лицо совершал или совершит действие не как следует, а с прохладцом или просто делал или сделает вид, что не делает. Вследствие такого отношения действие может быть совершенно просто формально, без качественного результата.

Ал бирдеме жазган болду. – Он делал вид, что что-то писал.

Ал эштеп доклад кылымыш болду. – Он сделал кое-какой доклад /не настоящий доклад, а вроде доклада/.

3/ Вспомогательный глагол “бол”, приняв форму сомнительного будущего времени на “ар” /болор/, с основным компонентом-причастием на “ган” или с любым именем указывают на сомнительность совершения действия или сомнения в истинности предмета, выраженного в основном компоненте.

Менин катымды окуган болорсуң? – ты /наверно/ прочел мое письмо?

Тетиги заңгыраган үй мектеп болор? – То огромное помещение и есть школа?

В этих случаях “бол” может быть заменен аффиксальной формой на “дыр” /окугандырсың?, мектептир? и т.д./.

4/ Сложный глагол, в котором основной компонент принимает аффикс условн. наклонения “са” и становится спрягаемой частью, а служебный глагол – форму деепричастия будущего времени / боло/ и становится неспрягаемым вспомогательным глаголом, – такой часто употребляемый сложный глагол выражает усиленное желание говорящего лица, чтобы действие было совершено.

Бачымыраак жазсаң боло – Было бы хорошо, если бы ты написал побыстрее. Короче: напиши-ка быстрее.

5/ “С формой “мык” глагол “бол” выражает долженствование или намерение” /К.К.Юдахин/.

Эртең Москвага бармак болдум – решено, что завтра я еду в Москву.

Сен бул ишти бүтүрмөк болдуң – ты заканчиваешь эту работу / точнее: ты близок к тому, чтобы закончить эту работу/.

5/ если основным компонентом является глагольная форма третьего лица /жазат, окуйт/, а спрягаемый принимает форматив обычного прошедшего времени “чу”, сложный глагол передает значение сослагательного наклонения прошедшего времени.

Сен кат жазат болчусуң – ты написал бы письмо

Мен кат жазат болчумун – я написал бы письмо

Ал кат жазат болчу – он написал бы письмо;

7/ Сложный глагол, где основным компонентом является причастие на “ган”, а спрягаемая – “бол” с тем же формативом “чу”, выражает одну из разновидностей прошедшего времени /видимо, давнопрошедшее – плюсквамперфект/. Кат жазат болчумун – я написал бы письмо.

8/ Когда знаменательным компонентом служит инфинитив на долгие гласные с аффиксом дательного-винительного падежа, то такое сочетание, у которого служебный компонент принимает форму третьего лица ед.числа, указывают:

а/ на разрешение приступить к исполнению действия, заключенного в семантике инфинитива, напр.

Мен /мага/ жазууга болот – мне можно писать

Сен /сага/ жазууга болот – тебе можно писать

Ал /ага/ жазууга болот – ему можно писать.

б/ запрещение приступить к исполнению действия, как служебный глагол снабжен аффиксом отрицания, напр.

Мага /мен / жазууга болбойт – мне нельзя писать

Сага /сен / жазууга болбойт – тебе нельзя писать

Ага /ал/ жазууга болбойт – ему нельзя писать.

9/ Следует рассматривать как сложный глагол такое словосочетание с “бол”, знаменательным компонентом которого выступает глагольная основа+аффикс “гыз” / с фонетическими разновидностями/, как напр. алгыз, жазгыз, окугуз, сүйлөгүз и т.д. Такой сложный глагол указывает на то, что в силу определенных причин окончательно отбита охота действующего лица от исполняемого действия.

Жазгыз болдум – /я/ стал таким, что никогда не напишу.

Баргыз болот – /он/ стал таким, что никогда не пойдет / не поедет/.

Вспомогательный глагол “эле”

В орханских надписях “эле” встречается довольно часто в форме “arti”, помещенный в словаре В.В.Радловым в форме “ар” и переведенный им немецким глаголом “sein” /быть/¹²⁵, напр., “/40/ алп др кызыңа / бізіңа?/ тдгміш дрті”¹²⁶ – Они напали на дочеря богатыря”. Примерно в той же форме мы встречаем его в Ярлыках Токтамыша¹²⁷. / ідык дрті – посылали /прежде/ и у Махмуда Кашгарского / кажа туруб юр дрдім – вечером / по обыкновению / ходил/¹²⁸. В памятниках XIV века употребляется та же форма “дрді”¹²⁹. Однако в более поздних джагатайских текстах имеем форму “дді”. В живой разговорной речи у казахов

¹²⁵ см.его назв.работу, стр.162

¹²⁶ см.т.ж. стр.142.

¹²⁷ см.В.В.Радлов, упомянутый выше “Ярлык Тохтамыша “Темир Кутлуга”.

¹²⁸ см. “Хрестоматия по узбекск. литературе для VIII кл.изд.1948 г. Стр.6, “Девани лугати түрк”.

¹²⁹ см.в той же хрестоматии тексты “Муфтахл-адл”.

“дді” подверглась дальнейшему сокращению и встречается в форме “дд” (эл).

В киргизском языке форма “эде” не употребительна, хотя Радлов и Мелиоранский принимают ее как разговорную форму¹³⁰. В современном киргизском языке этот глагол имеет форму “эле” с некоторым пережиточным употреблением в южных диалектах “эде”, тонко подмеченный проф. Юдахиным К.К.¹³¹ Характерно парадигма этого глагола.

	ед.ч.	мн.ч.
1 л.	элем	элек
2 л.	элең	элеңер
3 л.	эле	эле

“Эле” производится от “некогда самостоятельного”, теперь уже неупотребляемого в самостоятельном значении глагола “э”. От него же производятся и формы: “экен”, как причастие по типу на “ган”; “эмес”, как отрицательная форма, – по типу на “бас” / в казахском на “пас (мас) / пес (мес)”, в узбекском и др. мас/мес/.

Вопросу происхождения и употребления форм “э” уделено немало внимание И.А.Батмановым в третьем выпуске выше названной его “Грамматике кирг. языка”. Но нас удивляет его методологический подход к решению вопроса, при котором наличие в киргизском языке разновидности глагола “э” объясняется “вхождением” или “усвоением” “киргизами” древне-турецкого глагола “эр”¹³². Ни в коем случае не может быть брошен упрек, лингвисту, когда он констатирует факт семантического изменения значения или фонетических форм одних и тех же слов в том или ином языке в ходе исторического развития. Такой прием изучения языка, как нам кажется,

¹³⁰ см. Радлов В.В. “Образцы народной литературы современ. тюркских племен”. ч. V. см. также названную грамматику Мелиоранского, стр. 45.

¹³¹ см. его статью “Из лаялякских материалов” Труды Института Яз. лит. и истории, вып. 2, 1948, Фрунзе.

¹³² см. названную работу И.А.Батманова, где он говорит “Сам глагол этот, представляющий из себя фонетическую разновидность / для определенной группы языков/ древне-турецкого глагола “эр” / с тем же значением, что и совр. “э” / не вошел в основном виде в киргизский язык, а был усвоен в виде отдельных окостеневших образований, как отмеченные уже служебные слова “экен” и “эмес” / подчеркнуто нами Б.Ю./, см. стр.64.

поможет специалисту шире познать закономерность изменения семантики и форм, в основе которой, как известно, лежат экономические, общественные отношения. Но, когда, лингвист начинает объяснять наличие того или иного слова или изменения форм на разных этапах истории народа только лишь “усвоением”, “вхождением” или “унаследованием”, то он, хочет ли он этого сам или нет, льет воду на мельницу индоевропеистики, ведет к теории “прязыка”.

В действительности же, как доказано новым учением о языке, не было так называемого “древнетурецкого прязыка”, раздававшего свои лексические ресурсы и фонетические формы всех языков турецкой системы, а было множество языков народов и этнических племен, упоминаемых в тех же надгробных текстах орхонских, енисейских и др. надписей и взаимовлияющих друг на друга, постольку они имели друг с другом социально-экономические связи, территориальное соприкосновение, входили в военные союзы и т.д. В силу этих же схождений могло быть и взаимное языковое влияние и заимствование, имеющее место в языках по сей день. Однако, как показывает изучение языкового влияния в известных нам исторические периоды (имея в виду арабо-персидское языковое влияние), а также на современном этапе, заимствование идет главным образом, за счет усвоения отдельных социально-экономических терминов, понятий и наименования предметов, создаваемых самим народом в производственном процессе или заимствуемых им от других народов на основе тех же производственных, общественных взаимоотношений и влияний. Заимствование частично имеет место в категориях словообразующих аффиксов, в послелогох и др.

Во всем этом процессе языкового взаимопроникновения и взаимовлияния мы видим одно характерное явление, а именно: заимствование почти не касается вербальных основ и особенно формативов, дающих грамматическую категорию глагольности.

Исходя из указанных соображений, мы считаем, что наличие разновидностей вспомогательного глагола “э” в киргизском языке следует обяснить не результатом “усвоения” киргизами, а надо признать самобытной формой, некогда самостоятельным

глаголом, подвергшимся семантическим и фонетическим изменениям по синтаксическим заданиям в самом же киргизском языке.

Остановимся на формах сочетаний и их синтаксических значениях каждого из всех разновидностей разбираемого вспомогательного глагола:

“эмес” – не обычное отрицание (“не”), равное отрицательному слову типа “жок” (барган жокмун – не ходил (я), оорум жок – нет (у меня) болезни), а отрицание, в основе которого чувствуется присутствие глагола. Это выявляется более рельефно в сочетании его с именами. В поговорке: “берген март эмес, алган – март – щедрым является не тот человек, который дал, а тот – который принял”.

выражение “март эмес” следует рассматривать в смысловом отношении не как простое сочетание отрицательного для частицы с именем (не щедр), а как сочетание имени с отглагольной связкой, снабженной отрицательным аффиксом “бас” (“есть не” или “не является” щедр). Подобное сочетание в смысловом отношении указывает на гораздо большую законченность высказывания, нежели имя с обычным отрицанием. Простое слово “щедр” или “не щедр” без контекста не может указывать на некоторую законченность высказывания, наоборот, в сочетании “не есть щедр” выражена относительная законченность, т.к. здесь присутствует вербальная форма. В киргизском же “март эмес” выражена именно такая законченность высказывания и оно должно переводиться на другой язык не простым отрицанием, а с глаголом, обозначающим понятия о “существовании, наличии, бытии” предмета.

“Эмес” в отличие от слова и отрицания “жок”, употребляемого, главным образом, с именем существительным и местоимением может сочетаться с любым словом, даже с тем же отрицанием “жок” (жок эмес бар – не есть “нет”, а есть)¹³³. Сочетание “эмес” с именами существительными (адам эмес – не есть человек), местоимением (ал мен эмес, сен болчусуң – тот был не я, я был ты), прилагательными (кызыл эмес, сары – не есть красный,

¹³³ Такое поведение “жок” и “бар”, видимо, связано с их происхождением от существительного, что доказано проф. Н.К.Дмитриевым; см.его “Грам. башк. яз.”, стр. 59 сл.

а желтый) следует рассматривать как сочетание имени с отрицательной отглагольной связкой, выражающей “бытие, существование, наличие” с отрицанием, значение которого при переводах может не найти отражения в другом языке, как и некоторые другие вспомогательные глаголы или связки.

Сочетание “эмес” с глагольными формами передает значение отрицания действия.

1/ с прошедшим временем на “ган”; барган эмесмин – я не ходил. Когда хотят отнести отрицание не к глаголам, а к местоимению, то отрицание ставится после него: напр. барган мен эмесмин, сенсиң – тот, который ходил, (есть) не я, а ты; возможно употребление в том же значении “мен барган эмесмин, сен баргансың”, но в этом случае “мен” подчеркивается интонационно.

2/ С будущим сомнительным на “ар”: жазар эмессиң – кажется наверно, не напишешь.

3/ С прошедшим обычным на “чу”, жазчу эмессиң – ты обычно (обыкновенно) не писал; если хотят отрицать не действие, а действующее или говорящее лицо, то:

а/ для субъект ставят рядом с отрицанием (антип айтчу мен эмес, сен);

2/ или интонационное ударение падает на субъект с повторением глагола второй раз в придаточном предложении / Мен жазчу эмесмин, сен жазчусуң/.

4/ с будущим намерения на “мак/макчы”: мен кат жазмак (чы) эмесмин - я не намереваюсь (не думаю) писать письмо.

2. “Экен” – связка, копула, тождественная по своему синтаксическому значению форме “тура”, “экен” сочетается как с именами, так и с вербальными формами, передавая и в том и в другом случае в основном, то же значение, а именно – неожиданное обнаружение другим лицом или самим же говорящим действительного качества предмета или действия таким, как он или оно есть, о чем говорящий прежде совсем не зная или слышал об этом другое сообщение.

Не останавливаясь подробно на формах сочетания “экен” именами и глагольными формами, описанных И.А.Батмановым, уточним лишь оттенки значения, выражающие этими формами.

1/ Сочетание “экен” с именами (существительными, прилагательными, местоимениями и др.) выражает, как мы уже указывали, неожиданное обнаружение действующим лицом реального качества действующего субъекта или обстоятельственного слова в предложении. Сен студент экенсиң – ты, оказывается, – студент; сенин жазып отурган карандашың кызыл экен – твой карандаш, которым ты пишешь, оказывается – красный; Бүгүнкү докладчы сен экенсиң – Сегодняшний докладчик, оказывается, – ты.

2/ Примерно тот же оттенок значения, но относящийся не к субъекту или объекту, а к его действию, передает “экен”, сочетаясь с вербальными формами, которые принимают на себя формативы спряжения:

а/ если основной компонент оформлен формативом утверд. будущего на “а”, напр.

мен жазам экен / / я буду писать

сен жазасың экен /оказывается/ ты будешь писать

ал жазат экен / / он будет писать

б/ когда же аффиксы сказуемости принимают служебный компонент, знаменательный глагол

Остается во всех лицах в форме третьего лица /жазат/, напр.

мен жазат экенмин:

сен жазат экенсиң: с теми же значениями

ал жазат экен :

Во всех остальных случаях, когда “экен” вступает и глагольное сочетание, в котором основной компонент снабжен аффиксом условного наклонения на “са” и становится спрягаемым, он передает значение скорее пожелательного нежели условного наклонения, напр.:

мен барсам экен – хорошо было бы, чтобы я пошел¹³⁴

сен барсаң экен – хорошо было бы, чтобы ты пошел

ал барса экен – хорошо было бы, чтобы он пошел/

“Экен” может сочетаться с глаголом, имеющим форму утвердительного прошедш. на “ды”. Такая комбинация употребляется чаще всего в вопросительных предложениях с вопросительными словами или частицей “бы”, с которой “экен” сливается:

¹³⁴ ср. форму “мен барсам э – Эх, хорошо было бы, если бы я пошел.

качан барды экен? – когда же он пошел /ходил/?
катип келди экен? – каким же образом он пришел?
катты жазды бы экен /бекен/? – написал ли он письмо?

Кандай эне тууду экен Лениндей уулду – Какая же мать
родила такого сына как Ленин /С.Токтогул/.

Во всех остальных случаях, когда “экен” сочетается с другими формами глагола на “ган”, “чу”, “мак”, “ар” спрягаемым компонентом становится сама связка и передает оттенок неожиданного обнаружения характера протекания действия во времени, указываемым тем или иным формативом, присоединенным к знаменательному компоненту.

жазган экенмин – оказывается писал /я/

жазчу экенмин – оказывается /обычно/ писал /я/

жазар экенмин – оказывается /наверно/ буду писать /я/

жазмак экенмин – оказывается должен буду писать /я/

3 “Эле”. Синтаксическая функция и грамматическое значение этой связки при именах нами были вкратце разобраны в предыдущей главе в связи с вопросом о составных именных сказуемых.

Гораздо труднее понять роль и значение “эле” в составе глагольного сказуемого. Нам кажется, в этих случаях “эле” передает следующее значение:

1/. Подчеркивается категоричность, если “эле” стоит после глагола, оформленного утвердит. буд.временем на “” или прошедшем утвердит. на “ды”.

Мен театрга барам эле – Я все равно пойду в театр.

Сен театрга бардың эле – Ты все равно ходил в театр.

Однако в последнем случае, когда глагол стоит в прош. на “ды”, в зависимости от контекста, “эле” передает значение давно прошедшего времени /плюсквамперфектум/, напр.:

Сенин издеген кишиңди бая мен ушул жерден көрдүм эле.
– Человека, которого ты ищешь, я давно уже видел было здесь.

2/ Значение давно прошедшего времени /плюсквамперфектум/ передается еще и тогда, когда “эле” сочетается с формами прошедш. времени на “ган”, с прошед. обычн. на “чу”.

Ашырбек мындан беш жыл мурда институтка кирген эле,
быйыл аны бүтүрө турган болду – Ашырбек пять лет назад поступал /было/ в институт, в этом году его будет заканчивать.

Мен кичинемде айылда экенде кой кайтарчу элем. – Я мальчиком, будучи в ауле /бывало/ пас овец.

Подобные сложные глаголы давно-прошедшего времени обычно являются сказуемыми подчиненного предложения, после которого следует главное подчинительное предложение.

Примеры:

Мыскал эмне кыларын билбей кызарып кетти эле, Маруся ага күлө бакты... – Мыскал было покраснела, не зная что делать, Маруся посмотрела на нее, улыбаясь. /Т.Сыдыкбеков./

Жапар революциядан мурун байга койчу болуп жүргөн эле, азыр совет бийлиги аркасында илимий кызматкер болду. – Джапар до революции батрачил было пастухом у бая, теперь благодаря советской власти, стал научным работником.

3/ Сочетаясь с формами будущего времени – на “а/е й” оканч. 3 л. “т” на “ар” /отриц. “бас” и “”мак/ вспомогательный глагол “эле” передает значение сослагательного наклонения. Чаще всего такое сочетание глаголов является сказуемым главного предложения, перед которым следует главное предложение с глаголом условного наклонения , напр.:

мен бүгүн жазат элем – я писал бы сегодня,
мен бүгүн жазар элем – я писал бы сегодня,
мен бүгүн жазмак элем – я должен был писать сегодня.

Примеры из источников.

Ошондуктан программанын долборун иштеп чыгуу биринчи даражадагы мааниге ээ болбой коё албайт эле. – Поэтому разработка проекта программы не могла бы не иметь первостепенного значения / из ист.ВКП/б/, 36/.

Эжемдин тоюн берип, жыргап жатып калар элек. – Мы зажили бы, устроив той сестрицы. /Т.С./.

Баш башыбызга жаза турган болсок, мында чогулуп не кылат элек. – Если каждому из нас надо было писать отдельно, то зачем нам понадобилось бы собираться. /Т.С./.

Атаганат, ушундайда атасынын жоктугун карачы, көрүп калса болот эле. – Ах, как жалко, что в этом случае нет /его/ отца, – /хорошо/ было бы, если бы он увидел /Т.С./.

Күн жаап турбаса, эгин айдоого чыкмак элек. – Если бы дождь не шел, мы вышли бы на вспашку.

4/ Особо следует отметить роль “элек”; который кроме значения множ. числа I-го лица от “эле”, имеет значение отрицательной частицы “не” с оттенком “еще” в сочетании с деепричастиями будущего времени, напр., окуй элекмин – еще не читал /я/, окуй элексиң – еще не читал /ты/ и т.д.

Примеры из источников.

Эненин тизесинен түшө элек ... – еще не сошел с колени матери.../Т.С./.

Ал кыргыздын тилине анча түшүнө элек болсо да, нээтине түшүнө баштаган. – Хотя она еще не понимает киргизского языка, но зато она начала понимать его помыслы /Т.С./.

Заканчивая разбор формы значений сочетаний вспомогательного или, как называют, “недостаточного” глагола “э”, необходимо указать на то обстоятельство, что функции его далеко еще не исчерпываются изложенным выше. Его роль и значение, кажется, значительно шире и требует специального исследования в связи с общими вопросами синтаксиса. Мы старались лишь рассмотреть те его функции, которые касались, главным образом, темы нашего исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании вышеизложенных фактов мы приходим к следующим выводам:

Грамматические категории глагольности, в частности видовые, временные и наклонения, выражаются не только морфологическим способом, но и способом синтаксического сочетания – сложными глаголами.

Само содержание последних и передаваемые ими смысловые оттенки, характеризующие с различных точек зрения процесс протекания действия или состояния, определяются не только семантикой того или иного сочлена и свойством его морфологических элементов, но и смысловым содержанием всего контекста, законченного высказывания.

Исходя пока еще из анализа, главным образом, двухкомпонентного сочетания, можно дать следующую схему грамматических значений сложных глаголов:

1. Из категории времени

1/ Настоящее время передается сочетанием каждого из четырех всп.гл. “жат”, “тур”, “отур”, “жүр” в форме дееприч. на “” + афф.скажем. с деепричастием на “п”¹³⁵.

2/ Давнопрошедшее время /плюскваперфект/ передается сочетанием формы на “ган”+бол+чу+афф.скажем., а также формы на “ган” или “ду” или “чу” с “эле”.

II. Из категории наклонения.

1/ Потенциальное – сочетание дееприч. на “” со всп.гл. “ал”.

2/ Испытание возможности – сочетаем. дееприч. на “п” с одним из всп. глаголов: “көр”, “кара”, “бак”.

3/ Уступительное – сочетанием дееприч. на “” со всп. гл. “кой” или “бер”.

4. Усилительное – сочетание дееприч. на “” со всп. гл. “көр” или “туш”.

---

¹³⁵ Настоящее время простой формы глагола в кирг. языке не передается. Значение настоящего времени, выражаемое простой формой только этих четырех всп. гл., как видно, из предыдущего изложения, сопряжено с обязательной постановкой обстоятельственного слова в местном падеже.

5/ Сослагательное – сочетаниями: а/ любого глагола в третьем лице буд. времени со всп. “бол+чу+афф. сказуем; б/ глагола в третьем лице или буд. неопредел. или буд. долженствовательным со спрягаемым всп. гл. “эле”.

6/ Желательное – сочетаниями: а/ форма на “гана” с одним из четырех всп. гл. “тур”, “отур”, “жат”, “жүр”; б/ формы на “гы”+ афф. сказуем. со всп. “кел”.

III. Из категории видов

А. Незавершенность

I. Характеристика по периодам:

а/ Только что начатого действия, передается сочетанием дееприч. на “а (е) й” /некоторых глаголов/ со всп. “жат”.

б/ Доапогейный /начатый давно, но ....до периода....апогея/ – сочетаниями: 1/ дееприч на “п” со всп. “бар” в третьем лице буд.вр.; 2/ дееприч. на “п” двухкомпонентности всп. “бар+жат”.

в/ послеапогейный – сочетанием дееприч. на “п” со всп. “кал” в третьем лице буд. врем.

Характеристика по длительности:

а/ Непродолжительный – сочетанием: 1/ дееприч. на “п” с одним из всп. гл. “жат”, “тур”, “отур”; 2/ дееприч. на “а (е) й” со всп. “кал”.

б/ Продолжительный – сочетаниями: 1/ дееприч. на “п” с любым из всп. гл. – “жүр”, “кел”, “кал”; 2/ дееприч. на “а (е) й” со всп. “бер” / в формах кроме повелительного наклонения/.

Б. Завершенность

Категория завершенности характеризуется следующими разнообразными формами:

а/ однократная завершенность¹³⁶ выражается сочетаниями: I/ дееприч. на “а (е) й” /некоторых глаголов/ со всп. “түш”; 2/ дееприч. на “п” со спрягаемыми всп. гл. “жибер”, “кой”, “сал”, “чык”.

б/ темпоральность – сочетаниями: I/ дееприч. на “а (е) й” и со всп. “кой”; 2/ дееприч. на “п” со всп. “ташта”;

¹³⁶ Категория многократности выражается морфологическим афф. “кыла” / чапкыла, аткыла/.

в/ неожиданность – сочетанием: I/ дееприч. на “а (е) й” и со всп. “сал”; 2/ дееприч. на “п” со всп. “кет”;

г/ финальная /или окончательная/ завершенность передается сочетанием дееприч. на “п” со всп. “бол”.

IV. Категория модальности

Мы не решаемся утверждать, что категория модальности свойственна только лишь глагольности. Вопрос требует детального изучения и разработки не только по своей значимости для тюркских языков и многообразием проявления, но и порою большим сходством значений с различной модальности с наклонениями, с одной стороны, и видами – с другой. Пока нам остается констатировать лишь факты, предоставляемые нам в связи со специфической функцией в синтаксическом значении вспомогательных глаголов.

Модальные значения выражаются:

I. Сложными глаголами типа:

а/ дееприч. на “п” плюс всп. глаг. “ал”, который передает значение; действие совершается или совершено в пользу действующего или говорящего лица;

б/ дееприч. на “п” плюс всп. гл. “бер” указывают на то, что действие совершено или совершается в пользу другого лица;

в/ глагольная форма на “ган” или в третьем лице буд.врем. на “а (е) й+т” плюс один из модальных слов: “тура”, “экен” со значением “оказывается”;

г/ глагольная форма на “ган” плюс один из модальных слов “чыгар” и “болор” со значением “наверное” /ср. сходство значений аффикса “дыр” с глагольными именными формами и их синтаксические функции/.

2. Составным именным сказуемым, вспомогательным компонентом которого являются те же модальные слова: “тура”, “экен”, “чыгар”, “болор”, передающие те же модальные значения.

Наконец, прослеживая изменение семантического значения и форм слагаемых компонентов различных типов составного сказуемого, можно притти к высказанному уже основоположниками нового материалистического учения выводу о том, что в основе причин превращения самостоятельных лексических элементов в обслуживающие значимое слово

вспомогательные или служебные слова, послелогои, аффиксы и т.д. лежат синтаксические задания самого языка.

На ряду с уже совершившимся фактом трансформации всп. глагола “тур/дур” в аффикс третьего лица единственного числа буд.времени в “т” /бар +а+т – пойдет/, на наших же глазах происходит универбационное слияние двухкомпонентного сложного глагола, причем знаменательная часть сохраняет не только лексическую значимость, но и внешнюю форму, а обслуживающая ее часть с утерей семантики начинает изменять и свой внешний облик, ср. бара жатам → баратам /иду, еду туда/; келе жатам → келатам /иду, еду сюда/.

**СПИСОК
цитированной работы (основные)**

1	В.И.Ленин	“О праве наций на самоопределение” т.ХУП, 3-е изд.
2	И.В.Сталин	“Доклад на XVI съезде ВКП/б/”, стенографический отчет съезда.
3	И.В.Сталин	“О диалектическом и историческом материализме”, Краткий курс истории ВКП/б/, 1938.
4	К.Маркс, Ф.Энгельс	“Немецкая идеология”
5	Н.Я.Мартен	“Язык и современность”, Соцэкгиз – ГАИМК, 1932.
6	Н.Я.Мартен	“Почему так трудно стать лингвистом- теоретиком”, т. II, 1936.
7	Н.Я.Мартен	“Безличные, недостаточные, существительные и вспомогательные глаголы”, т. II, 1936.
8	Н.Я.Мартен	“Яфетидология в Ленинградском государственном университете”, т. I.
9	Н.Я.Мартен	“Общий курс учения об языке”, т. II.
10	Н.Я.Мартен	“Родная речь – могучий рычаг культурного подъема”, т.V.
11	И.И.Мещанинов	“Члены предложения и части речи”, Москва, 1945.
12	И.И.Мещанинов	“Глагол”, Москва, 1948
13	И.И.Мещанинов	“Новое учение о языке”, 1933
14	И.И.Мещанинов	“О положении в лингвистической науке”, Изв. АН СССР, т. VII, вып.6, 1948.
15	И.И.Мещанинов	“Основные лингвистические элементы”, сб. “Язык и мышление”, т. II, 1934.
16	Н.К.Дмитриев	“Грамматика кумыкского языка”.
17	Н.К.Дмитриев	“Грамматика башкирского языка”.
18	К.К.Юдахин	“Киргизско-русский словарь”, 1940.
19	К.К.Юдахин	“Из лаялякских материалов” / Труды Киргизского института языка, литературы и истории, вып. II, 1948/
20		“Грамматика алтайского языка”, Казань, 1869.
21	П.М. Мелиоранский	“Краткая грамматика казакъ-киргизского языка”, 1897
22	Радлов В.В.	“Образцы народной литературы современ. тюркских племен”. ч. V.
23	Радлов В.В.	“Ярлык Тохтамыша и Темир Кутлуга”, Зап. Вост. Отд. Арх. Об-ва, т. III, вып. I.

24	Н.П.Дыренкова	“Грамматика ойротского языка”, Москва, 1940.
25	Н.П.Дыренкова	“Грамматика шорского языка”, Москва, 1941
26	И.А.Батманов	“Грамматика киргизского языка”, вып. I, II, III, Фрунзе.
27	В.М.Насилов	“Грамматика уйгурского языка”, Москва, 1940.
28		“К вопросу о грамм. категории видов в тюркск. языках” / Труды Ин-та Востоков., сб. №1, 1947/.
29		“Роль уйгурского языка” / Труды Ин-та Востоков., вып. I, 1939/.
30	А.К.Боровков	“Узбек тили грамматикасы”, Ташкент, 1945.
31	Ф.Корш	“Происхождение форм вост. вр. в зап. тюркск. яз.” / Древности Восточные, т.II. 1907/.
32	С.Е.Малов	“Из третьей рукописи Кутадгу Билич”, АН СССР, 1924.
33	В.В.Виноградов	“Русский язык”, Учпедгиз, 1947.
34	Пешковский	“Русский синтаксис в научном освещении”, 1938.
35	А.Харисов	“Категория глагольных видов в башк. яз.”, Уфа, 1944.
36	Н.Т.Саурамбаев	“Семантика к функции дееприч. в каз. яз.”, Алма-Ата, 1944.
37	Х.Карасаев	“Семантика падежей в кирг. яз.”, / Труды Кирг. Ин-ста языка, литературы и история”, вып. I, 1945.
38	Х. Байлыев	“Сложные глаголы в туркм. яз.”, /“Проблемы туркменской филологии”, вып. I, 1944/.
39	Е.Убрятова	“О некоторых особенностях основы слова в якутском языке”, Изв. АН СССР, т. VII, вып.6.
40	К.Бакеев	“Кыргыз тили грамматикасы /морфология/”, Фрунзе, 1946.
41	Н.Макешов	“Кыргыз тили грамматикасы /синтаксис/”, Фрунзе, 1947.
42	К.Кенесбаев	“Грамматика казахского языка”, Алма-Ата, 1940.
43	С.Аманжолов	“Казак тили синтаксиси”, Алма-Ата, 1945.
44		“Хрестоматия по узб. литературе для VIII кл.”, Ташкент, 1948.

БОЛОТ ЮНУСАЛИЕВ

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ
В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Редактор *Мусаев С.*

Тех. редактор *Довлоталиев Б.*

Компьютерная верстка *Салиев Э.*

Подписано в печать 16.12.2022.

Формат бумаги 70x100 ¹/₁₆.

Объем 9,5 печ. листов

Тираж 1000 экз.

Отпечатано ОсОО «Кут-Бер»
г. Бишкек, ул. Медерова, 68